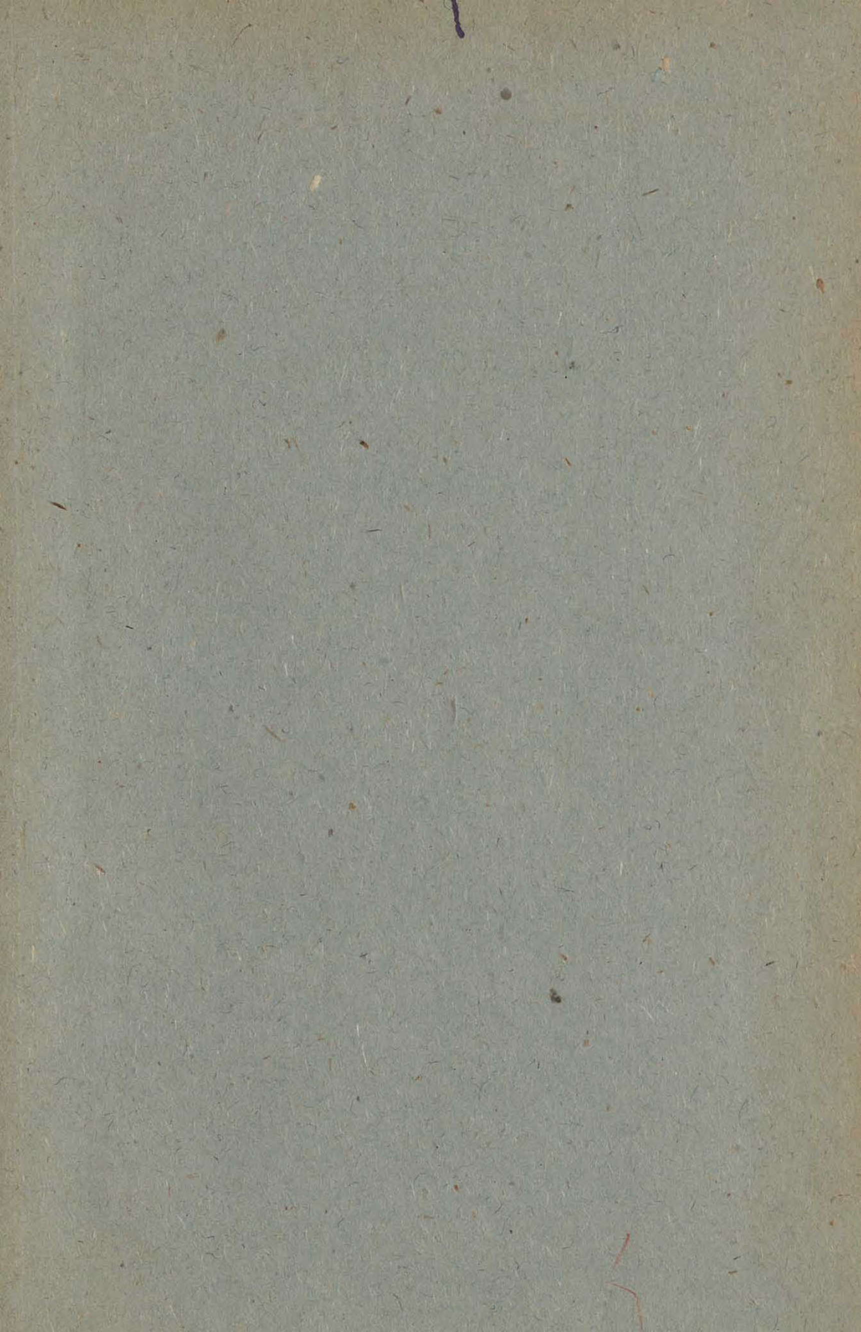
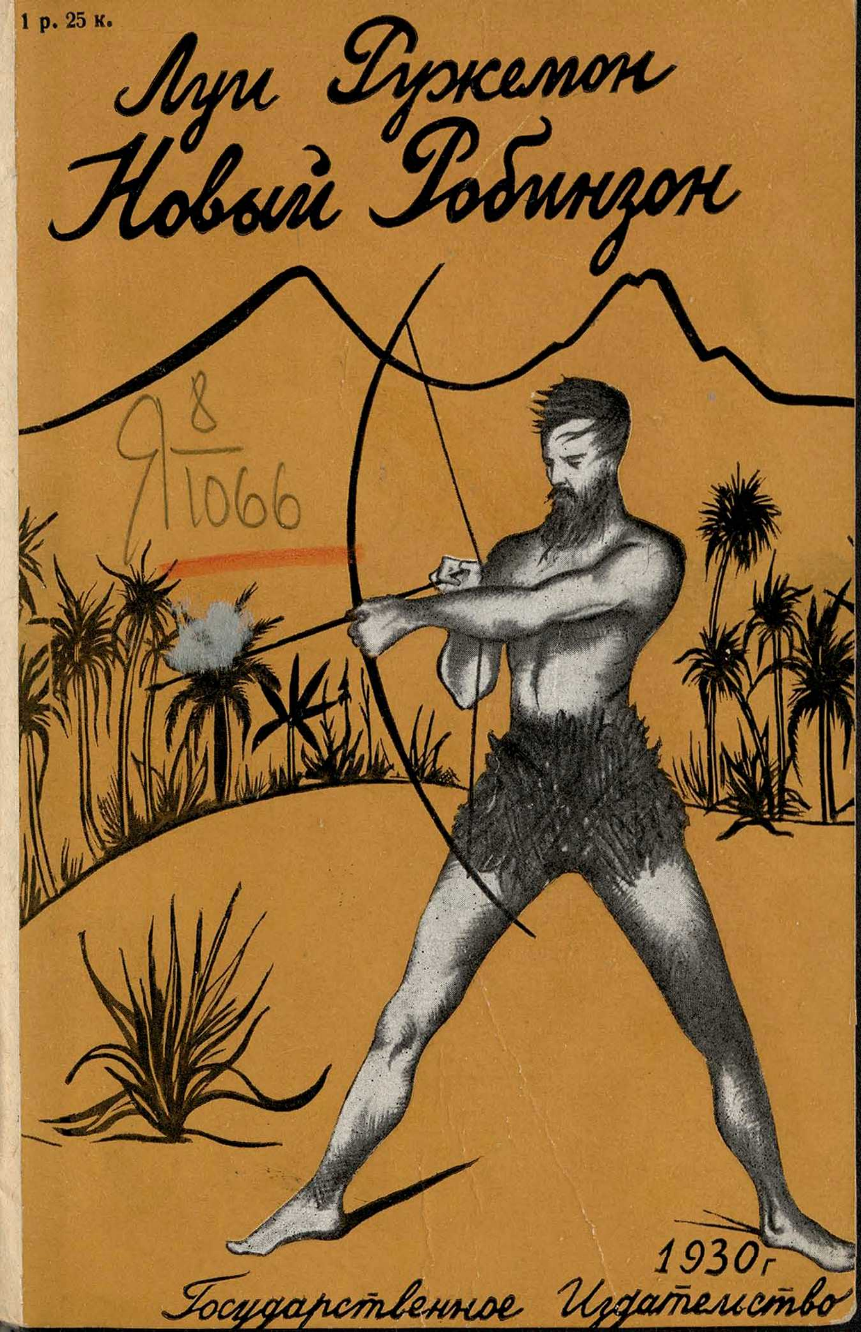
Л. РУЖЕМОН
НОВЫЙ
РОБИНЗОН

1 р. 25 к.
Луи Ружемон
Новый Робинзон
Я 8/1066
1930 г
Государственное Издательство

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

ЛУИ РУЖЕМОН

НОВЫЙ РОБИНЗОН

★

ОБРАБОТКА И РЕДАКЦИЯ
Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВА

★

РИСУНКИ П. ВИЛЬЯМСА

1930
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗа.
Москва, Валовая, 28.
Глав. А-50741. Д. 41.
Гиз 35461. Заказ 2861.
Тир. 7 000 экз. 17 п. л.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и вписка	
17						77	124 / 364	

1871

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО. — ВСТРЕЧА С ЯНСЕНОМ. — ЗА ЖЕМЧУГОМ. — КРАСОТА ПОДВОДНОГО МИРА. — БОГАТЫЙ УЛОВ. — ОСЬМИНОГ. — ОХОТА НА АКУЛ.

Я РОДИЛСЯ в Париже в 1844 году. Когда мне было около десяти лет, мать моя, поссорившись с отцом, уехала в Швейцарию. Там и прошли мое детство и юность.

Когда мне было 19 лет, я получил от отца письмо с предложением вернуться во Францию и поступить на военную службу. Мать решительно воспротивилась этому. Я уступил желаниям матери и остался с ней в Швейцарии. Мать много говорила о моей будущности и советовала мне поехать на Восток. Она думала, что такое путешествие будет мне полезно.

Вскоре я, получив от матери деньги, отправился в Египет, в Каир. Отсюда я собирался проехать и дальше, во французские владения на востоке Азии. В Каире я пробыл всего несколько дней и отправился в Сингапур.

Через несколько дней по приезде в Сингапур я познакомился с одним голландцем, Петером

Янсеном, который занимался ловлей жемчуга. Это было в 1863 году. Мы скоро подружились с ним. Янсен рассказал мне, что у него в Батавии есть небольшая шхуна, вместимостью в 40 тонн. На этой шхуне он обычно и отправлялся в поездки за жемчугом. Шхуна эта называлась «Вейелланд».

— И теперь, — сказал Янсен, — я собираюсь поехать в некоторые места. Около южной части Новой Гвинеи много жемчуга. Но у меня не хватает денег на расходы по поездке.

Я понял этот намек и предложил Янсену войти с ним в компанию. Тот сразу согласился, и мы тотчас же приступили к необходимым приготовлениям.

Свои деньги я отдал капитану Янсену. Мы условились, что я буду иметь свою долю в барышах от поездки.

— Не будем заключать условия здесь, — сказал мне Янсен. — Мы сделаем все это в Батавии.

По приезде в Батавию мы заключили условие и занялись снаряжением судна в плавание. Затем мы наняли на островах голландского архипелага сорок опытных малайцев, которые должны были ехать с нами. Янсен выбирал людей с большой осторожностью и требовал, чтобы каждый выказал на деле свои способности. Он устроил им даже нечто вроде экзамена, заставляя нырять и

возможно долго оставаться под водой. Один из малайцев был назначен как бы надсмотрщиком над остальными.

Заниматься добыванием жемчуга — дело нелегкое и не под силу непривычному человеку. Приходится нырять на большую глубину, долго оставаться под водой. Поэтому-то Янсен и предпочитал малайцев. Они исстари занимаются ловлей жемчуга, а живя на берегу моря, привыкли к воде. Некоторые из ловцов жемчуга могут оставаться под водой такое продолжительное время, в которое неопытный человек давно бы успел задохнуться. Однако и на сильного и выносливого человека это опасное ремесло оказывает гибельное влияние. Редко доживает до старости ловец жемчуга: если он не попадет на зубы акуле, то это постоянное ныряньe на большую глубину само по себе подрывает его здоровье. Вот поэтому-то Янсен и выбирал людей так внимательно: ему были нужны здоровые и сильные ловцы.

Наконец, все было готово, и мы двинулись в путь. Нас было на шхуне 44 человека и кроме того прекрасная собака, принадлежавшая Янсену.

Морского дела я не знал совсем, но капитан Янсен так усердно занимался со мной, что я скоро приобрел много необходимых и полезных сведений. Через некоторое время я вполне овла-

дел несложным искусством управления нашей небольшой шхуной.

Мы проплыли мимо многих тропических островов. Около одного из них мы остановились и запаслись свежей провизией — плодами, овощами, птицей. Затем мы направились к берегам Новой Гвинеи.

Около месяца провели мы в плавании, прежде чем достигли тех мест, где, по мнению Янсена, можно было найти жемчужные раковины. Мы бросили якорь и принялись за работу.

Поездки на ловлю и возвращение на шхуну зависели, понятно, от погоды и времени прилива и отлива. Впереди всех выезжал всегда сам Янсен на вельботе. За ним следовала небольшая флотилия маленьких лодочек с малайцами. В каждой лодке помещалось от четырех до шести малайцев. Лодок у нас было до полудюжины.

Янсен пристально всматривался в прозрачную воду. Когда он находил подходящее место для ловли, он делал знак остановиться. Малайцы бросались из своих лодок в воду. Но ныряли не все, — в каждой лодке всегда оставался один человек. Малайцы ныряли, понятно, голыми. Единственное, что оставалось при них,—это маленький нож в ножнах, висевший на поясе. Глубина воды обыкновенно не превышала 4—5 метров, но иногда достигала 15 метров и более.

Опустившись на дно, малаец ощупью искал там раковины. Как только он находил их несколько штук, он возвращался на поверхность воды. Раковины он или держал в левой руке, прижав их к груди, или клал в маленький мешочек, подвешенный на поясе. Правая рука малайца оставалась свободной. Обыкновенно малаец оставался под водой не более минуты. Минут пятнадцать он отдыхал в лодке, а потом снова нырял.

Каждый малаец складывал найденные им раковины в отдельную кучку. Кучки эти не путались, так что каждый всегда мог указать на свою.

Дно моря было покрыто прекрасной растительностью. Самые разнообразные водоросли вздымались кверху, тянулись над дном, расстилались роскошным ковром. Кораллы образовывали нечто вроде разноцветных зарослей — желтых, белых, красных, почти черных. На камнях и скалах, то тут, то там виднелись разнообразные полипы-актинии. Красные, розовые, желтые, фиолетовые, оранжевые — они, словно яркораскрашенные венчики цветов, мелькали в полумгле морской глуби. Среди водорослей и кораллов шныряли рыбки, оживлявшие эти подводные леса и луга. Красивы были кораллы и актинии, но только — в воде. Стоило вытащить из воды кусочек колонии кораллов, и прекрасные краски блекли.

На ловлю отправлялись во время отлива, а как только начинался прилив, возвращались на корабль. Иногда ловцы заплывали довольно далеко от корабля, один раз они отъехали на 10 километров. Если море начинало бушевать и лодки не в состоянии были возвратиться к кораблю, они подплывали к вельботу Янсена. Малайцы перелезали в вельбот, а лодки привязывались к его корме. Вы, может быть, спросите, что делал во время этих поездок я? Я почти всегда оставался на корабле один, с собакой Янсена. На мне лежала важная обязанность — я вел счет раковин, добытых каждым ловцом. Это было необходимо для расчета с малайцами.

Каждая поездка длилась часов около шести. По возвращении на шхуну малайцы сдавали мне раковины, по 20—40 штук каждый. Я раскладывал их длинными рядами на палубе и оставлял так на всю ночь. На следующий день я очищал их, а затем открывал крепким ножом. Не в каждой раковине я находил жемчужины. Случалось иногда, что откроешь сотню раковин, одну за другою, и все — без жемчуга. Жемчужина обыкновенно скрывается под мясистой складкой тела моллюска — жителя раковины. Она ведь не что иное, как слои перламутра, отложенные моллюском. Если в складки тела моллюска попадет песчинка или там поселится какой-нибудь маленький паразит, то они раздражают

нежное тело моллюска. Тогда-то и начинается выделение перламутрового слоя. Слой за слоем покрывает песчинку или паразита. В конце концов получается жемчужина. По своему химическому составу перламутр — известь. И только потому, что эта «известь» определенным образом выделилась из тела, легла слоями, приняла особую форму — она получает ценность. Жемчуг — это такая же «красивая форма» извести, как алмаз — угля, графита.

Пустые раковины мы не выбрасывали, а прятали. Они и без жемчуга представляли немалую ценность: внутренняя сторона их была покрыта перламутром. В те времена (1864 г.) за тонну раковин платили около 2 000 рублей. Жемчужины я прятал в ящики из орехового дерева. Стоимость наших сокровищ, увеличиваясь изо дня в день, достигала уже многих тысяч рублей. Но об этом — после. Я тогда не имел никакого представления о ценах на жемчуг, да и откуда мне было знать это? Капитан Янсен уверял меня к концу ловли, что мы имеем чистого жемчуга на каких-нибудь 500 рублей, не считая раковин, которых набралось до 30 тонн. Самая крупная жемчужина, найденная нами, имела форму кубика и была около 3 сантиметров длиной. Но она была плохого качества, так что стоила немного. Лучшая же жемчужина была величиной с воробьиное яйцо, великолепного цвета и вида. Некоторые жемчужины

были прекрасного розового цвета, другие — желтого, но большей частью попадались чисто белые.

Величайший враг ловцов жемчуга — акула. Но в тех водах, где мы ловили жемчуг, был еще враг. Он наводил на малайцев ужас. Это был огромный осьминог. Отвратительные чудовища угрожали малайцам не только под водой. Они нападали и на лодки. Забросив свои огромные щупальца в лодку, они охватывали ими неосторожно наклонившегося над водой человека и тащили его в воду. Один из наших ловцов чуть не сделался добычей такого осьминога. Каждый вечер, возвратившись с работы, малайцы связывали канатами свои лодки и привязывали их к корме шхуны. Однажды ночью поднялся сильный ветер, полил страшный дождь, и на следующее утро все лодки были полным-полны водой. Янсен приказал вычерпать воду. Во время этой работы один из малайцев заметил в море какой-то странный черный предмет. Малаец так заинтересовался им, что прыгнул в воду, чтобы получше рассмотреть, что это такое. Не успел малаец нырнуть, как перед ним очутился огромный осьминог. Осьминог сразу бросился на перепуганного малайца. Малаец не растерялся, он понял угрожавшую ему опасность и быстро поднялся на поверхность воды. Чудовище погналось за малайцем и, пока тот карабкался в лодку,

успело охватить своими гибкими щупальцами не только человека, но и лодку. Перепуганные малайцы бросились на помощь товарищу. Они пытались убить осьминога гарпуном, но ничего из этой попытки не вышло. Тогда некоторые, наиболее находчивые, бросились с веревками в воду. Они опутали этими веревками и осьминога и его живую добычу. Осьминога вместе с малайцем кое-как втащили на вельбот. Там, после долгих усилий, несчастного малайца вытащили — его тащили просто за ноги! — из ужасных объятий чудовища. Малаец уцелел только потому, что ему удалось нанести своим ножом несколько ран осьминогу. Раненое животное не могло быстро опуститься в глубину, — это и спасло малайца. Будь осьминог цел, он ушел бы на дно, и малаец задохнулся бы.

Туловище осьминога имело цилиндрическую форму. На переднем конце его было прикреплено 8 больших щупалец, усаженных присосками. В глубине венца щупалец помещался рот, вооруженный словно большим крепким клювом. Глаза осьминога — большие, черные — поблескивали на грязно-серой коже. Это было отвратительное на вид животное. Его щупальца судорожно извивались, тянулись, хватали. Одно из щупалец так присосалось своими присосками к борту вельбота, что его пришлось отрубить; только тогда щупальце отцепилось.

После этого случая малайцы всегда брали с собой в лодки топоры, чтобы иметь возможность обрубить щупальцы осьминога, если он нападет на них.

Иногда нас беспокоили акулы; впрочем малайцы, повидимому, не очень-то их боялись. Напротив, они даже гонялись за ними. Малайский способ охоты на акулу может показаться невероятным по своей простоте и смелости. Когда появлялась акула, малайцы — трое-четверо на лодке — выезжали к ней навстречу. Подъехав близко, самый сильный из малайцев перегибался через край лодки и старался пронзить акулу копьем. Как только это ему удавалось сделать, все остальные, бывшие в лодке, поднимали страшный крик и визг и били веслами по воде, чтобы этим заставить других акул, если такие были поблизости, уйти от лодки. Раненая акула не отплывала далеко. Она обычно плавала тут же, невдалеке от лодки: рана ослабляла ее.

Теперь начинается самый интересный момент охоты. Один из малайцев, вооруженный ножем, бросается в воду. В руке он держит короткую (сантиметров 20), заостренную на обоих концах, палочку из твердого дерева. Увидав человека, акула направляется к нему. Как только она откроет рот, чтобы схватить его, малаец ударами левой руки отталкивается от акулы, а правой в тот же миг быстро сует свой колышек в пасть

акуле. Заостренный колышек упирается меж челюстями акулы, она не может закрыть рот. Удары ножем довершают дело. Такой способ охоты очень прост, но он требует большого хладнокровия и ловкости. Когда мертвая акула всплывет, малаец влезает к ней на спину, вонзает нож ей в голову. Держась за нож, он, пользуясь собственными ногами, как веслами, направляет труп акулы к лодке...

Между тем наши запасы пищи и воды начали истощаться. Это вынудило капитана Янсена направиться к берегам Новой Гвинеи, чтобы вновь наполнить свои кладовые. Скоро мы достигли удобного места на берегу и достали у туземцев все, что нам было нужно, посредством обмена. Мы давали им топоры, ножи, железные кольца, бусы, яркие материи. Скоро мы так подружились с туземцами, что некоторые из наших малайцев часто отправлялись на берег и принимали участие в их играх и развлечениях. Их начальник особенно заинтересовался мной. Он постоянно со мной разговаривал, показывал мне различные красивые места на побережьи. Он же указал нам и известную границу, которую советовал не переступать. Племя, жившее по другую сторону этой границы, не подчинялось его власти.

Однажды я и компания малайцев решили тайком пробраться в запрещенную страну. Скоро мы подошли к небольшому поселению

и остановились около него. Жители сразу отнеслись к нам очень подозрительно, а когда один из малайцев по неосторожности оскорбил туземца, то половина населения поднялась против нас. Нам пришлось спасаться бегством. Изо всех сил спешили мы поскорей добраться до берега, где наш приятель-начальник кое-как уладил это дело, успокоив рассвирепевших туземцев. Когда мы вернулись на корабль, Янсен рассказал мне, что он был почти осажден множеством туземцев. Они настойчиво хотели войти на шхуну с плодами и овощами для обмена. Янсену очень не понравилось, что туземцы слишком уж свободно держали себя на шхуне.

— Это плохой признак! — прибавил он. — Да и вообще мне это не нравится. Я постараюсь прекратить все это.

Когда на следующий день появились, как всегда, туземные лодки, мы решили не впускать на шхуну ни одного человека. Так мы и заявили приехавшим. Тогда прибыл начальник племени в сопровождении полудюжины самых знатных лиц. Но капитан Янсен остался неумолим, он и им не позволил войти на судно. Туземцы уехали в сильном негодовании.

Мы знали, что оскорбили своим поведением туземцев. На берегу никого не было видно. Очевидно туземцы обдумывали план мести. Мы хотели тотчас же сняться с якоря и уйти в море,

но было полное затишье, паруса висели как тряпки. Со страхом поглядывали мы кругом и вдруг заметили 20 вполне снаряженных военных лодок. В каждой из них помещалось по 30—40 воинов. Лодки обогнули небольшой мыс, лежавший неподалеку от нас, и направились прямо к нашей шхуне. Янсен понял, что туземцы хотят напасть на нас. Он вооружил всех малайцев топорами. Мы сняли люки и устроили из них своего рода укрепление вокруг штурвала.

Я и Янсен вооружились ружьями, зарядили нашу маленькую пушечку и приготовились отчаянно защищаться. Борьба была неравная: врагов было гораздо больше, чем нас.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СРАЖЕНИЕ С ТУЗЕМЦАМИ. — ТРИ ЧЕРНЫХ ЖЕМЧУЖИНЫ. — РОКОВОЕ УТРО. — ОДИН НА КОРАБЛЕ. — НАПАДЕНИЕ ДИКАРЕЙ. — БЕГСТВО. — ШХУНА НА РИФЕ. — НА БЕРЕГУ.

ВЕЛИКОЛЕПНЫМ зрелищем была эта флотилия быстро приближавшихся к нам лодок! Все воины разукрасились перед битвой. Их смуглые тела были разрисованы белыми полосами. Разноцветные перья торчали из туго связанных в пучки волос. Нос каждой лодки высоко поднимался над водой и был украшен резьбой. Лодки быстро приближались, в каждой гребло по 12 человек.

Когда первая лодка приблизилась к нам на расстояние человеческого голоса, я сделал туземцам знак и закричал, чтобы они остановились. В ответ на это воины неистово замахали своими луками и копьями.

Нам приходилось сражаться — это было очевидно. Туземцев было так много, что они легко одолели бы нас, если бы им удалось взобраться на палубу. Наше положение было опасно еще и вот почему: с борта шхуны спускались на воду канаты, по которым взбирались на палубу наши малайцы, когда возвращались с ловли. Вытаскивать канаты было поздно, а для туземцев они были прекрасным средством, чтобы взобраться на шхуну. Необходимо было немедленно же принять решительные меры.

Пока мы рассуждали о том, с чего лучше начать, из передней лодки в нас пустили град стрел. Я выстрелил в воина, стоявшего на носу лодки, и убил его. Туземцы пришли в большое смущение. Выстрел и смерть воина сильно поразили их. А прежде чем они успели оправиться, Янсен пустил прямо в середину их флотилии заряд картечи. Этим выстрелом он разбил несколько лодок и задержал общее наступление.

Я снова знаком предупредил туземцев, чтобы они не приближались к шхуне. На лодках поднялся шум, крики, нападающие начали совещаться. В это время 10 новых лодок обогнули мыс.

Их появление ободрило нападающих. Они снова начали приближаться к судну. Наша пушка была заряжена, и я стоял наготове около нее. С ревом вторично изрыгнула она смертоносный град картечи, и враги пришли в полное расстройство. Одна из лодок была разбита в куски, а почти все находившиеся в ней люди ранены. В других лодках также было много раненых. Тут туземцами овладел ужас. Они пустили в нас несколько беспорядочных залпов стрел. Некоторые из стрел долетели до шхуны и попали в паруса, но никто из наших не пострадал. Туземцы были слишком напуганы, чтобы снова рисковать приблизиться к нам. В это время поднялся легкий ветерок, и мы получили возможность спастись бегством. Мы подняли якорь и, направляя шхуну в открытое море, быстро проскользнули мимо неприятельского флота. Град стрел приветствовал нас, когда мы проходили мимо лодок с раскрашенными воинами. Через полчаса мы были уже в открытом море.

Это приключение вызвало в наших малайцах желание поскорее оставить эти страны. Они не забыли еще случая с осьминогом и теперь поручили своему надсмотрщику просить капитана от имени их всех отыскать новые места для ловли. Янсен сначала старался убедить их остаться в этих широтах. Ему не хотелось покидать такие богатые жемчужными раковинами места. Но ма-

лайцы так настаивали, что капитану пришлось послушать их и направить шхуну в другие местности. Куда повел Янсен шхуну, этого я не могу объяснить. Но к концу второй недели плавания мы бросили якорь в местности, еще неисследованной в смысле богатства жемчугом, и снова принялись за работу. Счастье попрежнему было с нами, и мы с каждым днем продолжали увеличивать наши и без того уже значительные богатства.

Однажды утром, когда я по обыкновению раскрывал раковины, из одной из них выпали три великолепные черные жемчужины. Я смотрел на них, сам не знаю почему, как очарованный. Ах, эти ужасные три жемчужины! Если бы я никогда не находил их!

Когда я показал жемчужины Янсену, тот сильно разволновался. Он сказал, что они стоят больше, чем все вместе найденные нами прежде, и что нужно остаться здесь подольше и поискать еще. Таким образом мы решили остаться в море дольше, чем было в обычае и чем того требовало благоразумие. Сезон ловли жемчуга уже подходил к концу, и следовало ожидать близкой перемены муссона. Но Янсеном овладела жемчужная горячка, и он решительно отказался уезжать. Он утверждал, что здесь можно найти множество черных жемчужин. Наши малайцы должны были работать изо дня в день. Я и не подозре-

вал, какой опасности мы подвергали себя, оставаясь в этих неизвестных нам морях, когда со дня на день нужно было ждать перемены погоды. Сознаюсь, я не понимал, почему бы нам не половить и еще.

Как я узнал впоследствии, сезон ловли жемчуга продолжается с ноября до мая. Но май наступил и прошел, а мы все еще продолжали упорно работать. Каждый день мы терпели разочарование: черных жемчужин больше не встречалось, но Янсен все настойчивее и настойчивее добивался их. Он продолжал выезжать вместе с малайцами на вельботе и лично присматривал за их работой. Между тем я начал замечать признаки близкой перемены погоды, а главное— наш барометр начал делать неприятные скачки. Я старался обратить на это внимание капитана, но ему было не до того. Черный жемчуг — вот о чем он только и мог думать.

Теперь я перехожу к описанию рокового дня, который на много лет изгнал меня из цивилизованного мира. В один из июльских дней 1864 года Янсен уехал утром на ловлю со всеми малайцами. Я остался на шхуне совершенно один.

Когда я теперь припоминаю все события того ужасного дня, то я просто поражаюсь, как мог капитан быть настолько легкомысленным, чтобы в такой день покинуть шхуну. Не более как за час до его отъезда огромная волна ударила о

корму, перелилась через борт и затопила каюту. Это само по себе служило признаком близкой непогоды, но Янсен не обратил внимания на этот признак. Он велел только выкачать воду из каюты, а когда каюта была осушена, он отправился на отмель за жемчугом. Я долго смотрел на лодочки, следовавшие за вельботом капитана Янсена. Они отошли мили на 3 от шхуны, затем остановились, делая необходимые приготовления к работе. Я и не предчувствовал той катастрофы, которая угрожала им и мне.

С утра дул легкий прохладный ветерок. Поднялась затем неожиданно буря, и все море покрылось громадными волнами. Лодочки опрокинулись. Они были легкие и потонуть не могли, и я, видел, как малайцы цеплялись за их борта и изо всех сил старались доплыть до вельбота Янсена. Ветер перешел в ураган, и море бушевало все сильнее и сильнее. Малайцы не успели добраться до вельбота и теперь старались изо всех сил вернуться на шхуну. Но течение уносило их все дальше и дальше от меня в открытое море. Увидев, что лодки удаляются, я почти обезумел. Напрягая свой мозг, я старался придумать какое-нибудь средство помочь им. Ничего у меня не получалось. Прежде всего мне пришло в голову поднять якорь и пустить корабль по волнам вслед за ними. Но я не был уверен, что корабль нагонит лодки. Поэтому я решил оставить шхуну на прежнем

месте, хотя бы на время. Я думал, что капитан Янсен, хорошо знакомый с этими местами, сумеет пристать к какому-нибудь островку и там переждет бурю.

Лодки удалялись. Часам к девяти я совсем потерял их из виду. Тогда мне пришло в голову, что не мешало бы сделать кое-какие приготовления на шхуне. Буря все усиливалась. Мне не раз уже приходилось выдерживать бури на «Вейелланде», а потому я хорошо знал, что нужно сделать. Прежде всего я опустил люки и прикрыл их кусками толстого холста. Затем укрепил на палубе все подвижные предметы. К счастью, паруса были убраны, мне не пришлось возиться с ними. К полудню ветер был так силен, что я едва мог держаться на ногах. Скоро мне пришлось передвигаться по палубе не стоя, а на четвереньках, иначе меня снесло бы в море. Тогда я обвязал себя длинной веревкой, конец которой прикрепил к мачте. Теперь, если бы меня и снесло за борт, я мог взобраться на корабль.

Большую часть дня лил страшный дождь. Волны с такой силой заливали маленькую шхуну, словно стремились проглотить ее. Шхуна, пока что, держалась великолепно. К двум часам дня буря достигла наивысшей силы. Страшный порыв ветра сорвал паруса. Шхуна то высоко вздымалась на гребнях волн, то сразу проваливалась в промежутки между волнами. Ветер ревел и

свистел меж снастей, мачты качались и грозили падением.

Вдруг ветер сразу утих. Наступила тишина, столь же внезапная, как и буря. Море еще бушевало, небо было попрежнему темно и зловеще, но ветер и дождь прекратились. Теперь я мог спокойно оглядеться кругом. Я вскарабкался на мачту, но ничего кроме бушевавших волн не увидал. Положение мое было очень опасно, но я не отчаивался. Прежде всего я решил поднять якорь и пустить шхуну по ветру: может быть, мне и удастся нагнать товарищей. Но прежде чем я успел это сделать, неожиданный порыв ветра нагнал на палубу целые потоки воды. Волны снесли почти все подвижное с палубы, снесли кухню, сорвали и унесли верх капитанской каюты. Но худшее еще было впереди. Волна ударила о штурвал и разбила его. Все карты и компасы, хранившиеся в капитанской каюте, погибли. Хорошо еще, что я сам-то был в это время на носу, а то и меня снесла бы эта ужасная волна.

Порыв ветра не был последним усилием бури. Вскоре ветер переменил направление и с еще большей силой задул с противоположной стороны. В таком ужасном положении, привязанный веревкой к мачте, я провел всю ночь. Около меня не было никого, никто не мог помочь мне. Единственное живое существо на шхуне, кроме меня, — собака Янсена. Временами до меня доно-

сился ее жалобный вой. Она была заперта мной еще в начале бури в нижней каюте.

Всю ночь ветер бросал шхуну то в ту, то в другую сторону. К рассвету буря начала стихать, а к шести часам утра дул уже только слабый ветерок. Я мог теперь осмотреться.

Представьте себе мое счастье, когда я увидал, что шхуна все еще крепка и непроницаема для воды. Осмотрев шхуну, я тотчас же спустился вниз, чтобы освободить собаку Бруно. Восторг бедного животного не имел границ. Бруно тотчас же бросился на палубу и забегал по ней. Он долго бегал и искал кого-то, вероятно, хозяина. Но кроме меня никого на шхуне не было.

Утро было прекрасное, и я решил попробовать поднять уцелевшие паруса. Я достал из бака все, что мне было нужно, и после долгих усилий натянул-таки грот и стаксель. Но у меня не было ни компаса, ни карт. Я не знал, какого направления мне нужно держаться, чтобы добраться до берега. Я знал, что в тех местах море усеяно бесчисленным множеством островков и отмелей, известных только искателям жемчуга. Мне казалось, что куда бы я ни направил шхуну, она или станет на мель, или засядет на коралловом рифе.

На прежнем месте оставаться не было никакого смысла. Нужно было пускаться в путь. Руль был сбит бурей, поэтому я укрепил на корме

два длинных рулевых весла, они должны были заменить мне руль. Работа эта была нелегка и заняла у меня три дня. Наконец, все было в порядке, шхуна была готова к плаванию. Я поднял якорь и пустил шхуну по направлению к западу, руководясь положением солнца. Через несколько дней я изменил принятое сначала направление на юго-западное. Я надеялся встретить на этом пути один из островов Голландской Индии. Но день проходил за днем, а никакой земли не встречалось.

Представьте себе, если сможете, мое положение. Один-одинехонек на шхуне. Руля нет, нет карт, нет компаса. Неизвестно, где я и куда плыву. Я мучусь страхом и за себя, и за своих товарищей. Что ждет меня?

Ночью, на время сна, я бросал якорь, а утром, на рассвете, вставал и пускался в дальнейший путь. Я искал земли...

На тринадцатый день вечером, как раз перед заходом солнца, я увидел вдали островок. Вскоре я заметил дым, клубами поднимавшийся над берегом. Очевидно, на берегу был разведен большой костер. Я думал, что это какие-нибудь сигналы, и предположил, что приближаюсь к одному из дружественных нам малайских островов. Как оказалось, я ошибся. Подплыв ближе, я увидел несколько совершенно голых дикарей, которые бегали по берегу и яростно раз-

махивали копьями по моему направлению. Это мне не очень-то понравилось, и я повернул шхуну, чтобы обойти остров. Сильное течение не позволило мне выполнить этого плана. Меня гнало в какую-то большую бухту, и вскоре я очутился в большом заливе, в 3 или 4 мили шириной. Над поверхностью воды залива кое-где виднелись коралловые рифы. Течение увлекало меня все дальше и дальше. Через несколько минут шхуна попала в большой водоворот и успела несколько раз повернуться в нем, прежде чем я справился с рулевыми веслами и вывел судно из опасного места. Вслед за этим шхуну понесло к скалам, и я должен был стоять с веслом в руке и отталкиваться им от скал. Это были страшные минуты, и я до сих пор удивляюсь, как шхуна не пошла ко дну. Ведь она была уже достаточно повреждена бурей, да и кроме меня никого на ней не было. А много ли мог я сделать один?

Я начал было отчаиваться в том, что мне удастся выбраться из этого течения, как вдруг шхуна очутилась в узком проливе между двумя островами.

Воинственные туземцы уже давно остались позади меня. Я никак не думал, что и здесь снова встречу врагов и вдруг... Как раз в то время, когда я был в самой узкой части пролива, на одной из скал, нависших над проливом, по-

явилась целая толпа голых туземцев гигантского роста.

Туземцы были страшно возбуждены. Туча копий полетела в меня. Хорошо еще, что при встрече с первой толпой дикарей я устроил себе на палубе убежище из поставленных перпендикулярно люков. Я спрятался в нем. Копья падали вокруг, но меня не задевали. Тогда туземцы бросили в шхуну десятки бумерангов, но без результата. Некоторые из этих странных орудий задели паруса и упали на палубу, но остальные возвратились к бросившим их туземцам. Я оставил у себя бумеранги, попавшие на шхуну. Они были около 50—60 сантиметров длины и по виду очень походили на лезвие серпа. В самой широкой своей части они имели от 4 до 5 сантиметров ширины. Сделаны они были из очень твердого дерева и могли нанести большой вред.

Туземцы подняли на берегу страшный шум и вой. Они громко кричали, пуская в меня множество зазубренных стрел. Тот факт, что они имели бумеранги, показал мне, что я нахожусь где-то вблизи от материка Австралии. Бумеранг — орудие австралийских народов. Тем временем течение уносило меня все дальше и дальше. Скоро я оставил далеко позади себя вопивших туземцев.

В конце пролива виднелся маленький островок. Я хотел было пристать к нему, но как только

я приблизился к островку, на берегу его показалась толпа дикарей. Они бросились в свои лодки и стали грести по направлению к шхуне. Наученный горьким опытом, я поспешил поднять паруса и направился в открытое море. На шхуне был большой запас ружей и боевых припасов. Мне легко было бы потопить 1—2 лодки туземцев и тем охладить их пыл. Но я удержался от этого, рассудив, что все равно ничего этим не выиграю.

На четвертый день после моей встречи с воинственными туземцами поднялся сильный ветер. Я занялся тотчас же приведением шхуны в такое состояние, чтобы она смогла выдержать надвигавшуюся бурю. Пока я работал, погода становилась все хуже. День клонился к вечеру, и я употреблял все усилия, чтобы держать шхуну против ветра. Это было трудное дело. Впереди ничего не было видно, и я подвигался наугад. Ночь прошла все же благополучно.

Утром на пятнадцатый день я с обычным вниманием исследовал горизонт, как вдруг, посмотрев вперед, увидал, что море было совсем белое от пены бурунов. Я знал, что бурун указывает на близость кораллового рифа. Я поспешил попробовать отвести шхуну в сторону, но было уже поздно. Шхуна шла вперед, на буруны, навстречу гибели.

Через несколько минут дно шхуны со страшной силой ударилось о коралловый риф. Толчок был так силен, что я тяжело упал на палубу. Шхуна застряла на рифе и вздрагивала от ударов волн. Я залез на мачту и оглядывал окрестности. Вдруг, совершенно неожиданно, громадная волна хлынула через борт со стороны кормы. Сильный толчок сбросил меня на палубу. Когда я поднялся, весь в крови и синяках, то первое, что поразило меня, это была мертвая тишина. Ни рева буруна, ни грохота волн, ни воя ветра — ничего не было. Я видел, как пенились буруны, видел, как перекатывались через риф волны, но ни один звук не достигал моего слуха.

Наконец, я понял: я оглох. Сильный удар волны по голове лишил меня слуха. Я был так подавлен этим несчастьем, что и сказать не могу. Несчастье это оказалось, однако, не таким уж большим, как мне показалось по началу. На следующее утро я почувствовал внезапный треск в ухе и вслед за тем услышал рев буруна и лай собаки. Но правое ухо так и осталось поврежденным, только на левое ухо я слышал хорошо.

Шхуна продолжала сидеть на рифе. Сильная волна приподняла, затрясла и сдвинула ее. Я думал, что самое страшное прошло, шхуна снова свободна. Нет! Новый удар, снова треск и тряска, и снова шхуна бьется на рифе, теперь уже новом. Несколько времени шхуна пробыла

на этом рифе, а затем волны снова вынесли ее на свободную воду. Рифы виднелись со всех сторон, а на некотором расстоянии я мог рассмотреть маленькую песчаную отмель, чуть поднимавшуюся над водами лагуны.

Пока я осматривался, палуба вдруг задрожала, и шхуна начала быстро опускаться в воду кормой. К счастью, на этом месте было не глубоко. Когда я увидел, что ничто уже не может спасти судно, что оно все залито водой и тонет, я отвязал кое-что из необходимых вещей — несколько боченков, ящиков и сундуков — в надежде, что волны прибьют их к отмели. Я еще оставался на корабле, пока было можно, и спешил соорудить плот. Но окончить его я не мог — нужно было покидать шхуну.

Вода поднималась все выше и выше. Я позвал Бруно, бросился в воду и поплыл по направлению к песчаной отмели. Море было очень бурно, и плыть против волн мне было трудно. Собака все время плыла передо мной и постоянно оглядывалась, точно желая убедиться, что я следую за ней.

С невероятными усилиями я, наконец, добрался до берега, но взобраться на него и встать на ноги не смог. Волны отбрасывали меня назад всякий раз, как я пытался сделать это. Я был очень утомлен и терял свои последние силы в борьбе с волнами. Один раз волна отбросила

меня так далеко что я наверное утонул бы, если бы не Бруно. Собака явилась мне на помощь. Она ухватила меня за одежду и поплыла. Бруно проплыл со мной уже половину пути сквозь бурун, и казалось, ему не было очень трудно тащить меня.

Между тем я кое-как собрался с силами и, высвободив из зубов собаки свое платье, уцепился зубами за хвост Бруно. Собака плыла и тащила меня за собой...

Наконец, я очутился на берегу. Я был так измучен, что не мог держаться на ногах, и, отойдя от берега, тут же повалился на песок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПУСТЫННЫЙ ОСТРОВ. — МОЙ ПЛОТ. — УЖАСНОЕ ОТКРЫТИЕ. — НА МЕСТЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ. — ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ. — МОЙ ФЛАГ. — БЕЗ ОДЕЖДЫ. — ПОСЕВ. — ДОМ ИЗ ЖЕМЧУЖНЫХ РАКОВИН. — МОИ ЗАНЯТИЯ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

КАК ТОЛЬКО я оправился настолько, что смог ходить, я бросился осматривать маленький островок или песчаную мель, на которой я очутился. Мне и в голову не приходило тогда, что на этой узенькой полоске песку мне придется прожить два с половиной года. Если бы я знал это тогда, то наверное бы сошел с ума. Это было пустынное и мрачное место. Ни дерева, ни кустика, — маленькая песчаная коса с немногими

клочками травы, кое-где пробивавшейся сквозь ее иссушенную поверхность. Вряд ли кто позавидует участи человека, выброшенного на остров в тропиках, на такой остров, как мой, разумеется.

Мой островок имел около полукилометра длины и был совсем узенький. Над водой он возвышался на какой-нибудь метр. На нем не было следов каких-либо зверей, но морские птицы водились в изобилии. Обойти остров вокруг было нехитрое дело. Это заняло у меня всего-навсего десять минут. Пресной воды я не нашел. Вы поймете, как я огорчился этим.

С тревогой глядел я на свою шхуну. До тех пор, пока она продержится над водой, я буду в безопасности, потому что на ней большой запас воды и провизии. Так как погода была подходящая, и луна хорошо освещала море (была уже ночь), то я решился проплыть на шхуну, чтобы захватить немного пищи и одежды.

Я добрался до шхуны без особого труда и легко взобрался на борт. Но достать мне удалось немного: палуба была залита водой. Я нырнул все-таки в одну из кают и захватил там несколько одеял. Но никакой пищи достать мне не удалось.

С бесконечным трудом я соорудил нечто вроде плота из обломков дерева, которые плавали возле палубы. На этот плот я сложил одеяла, дубовый сундук и еще кое-какие вещи. Но когда я спустил

свой плот на воду, то увидел, что прилив уже кончился. Без прилива я не смог бы втащить все эти вещи на берег. Ночь была тихая, и я решил остаться на шхуне на несколько часов и отдохнуть в ожидании прилива.

Ночь прошла покойно. Утром, как только начался прилив, я отвязал свой плот и поплыл на нем к берегу. Прибыв на остров, я еще раз хорошенько осмотрел его. Я искал удобного места для жилья.

Во время этого обхода я сделал открытие, которое привело меня в ужас и глубокое отчаяние. Сначала мое внимание было привлечено человеческим черепом, который лежал около небольшой ямки в песке. Рассмотрев ямку повнимательнее, я пришел к заключению, что она вырыта лопатой. Я начал пальцами разрывать песок и не успел раскопать в глубину больше десятка сантиметров, как нашел множество человеческих костей.

Вид их заставил меня задрожать. Тяжелые мысли вызвали у меня эти кости.

«Скоро и мои кости присоединятся к этой куче!» подумал я.

Мое отчаяние было так велико, что мне пришлось оставить это место и постараться заняться чем-нибудь, чтобы отвлечь свои мысли. Через некоторое время мне удалось несколько побороть свое расстройство, и я возобновил раскопки.

16 полных человеческих скелетов лежали, через час работы, передо мной на песке. 14 из них принадлежали взрослым мужчинам, а 2 были поменьше — детские или, скорее, женские.

В это утро я позавтракал яйцами птиц, но воды достать мне не удалось. Между девятью и десятью часами, когда вода стояла очень низко, я опять добрался до шхуны и набрал там столько разных вещей, сколько только смог дотащить до берега. Я спускался с большой опасностью в затопленные каюты и вытащил оттуда топор, свой лук со стрелами (я всегда любил заниматься стрельбой из лука и еще задолго до своего отъезда из Швейцарии прославился там как отличный стрелок). Захватил я с собой и кухонный котелок и много других вещей. Все эти вещи имели для меня важное, буквально жизненное значение. Особенно пригодились мне стрелы и топор. Несколько раз они спасали мне жизнь в последующие годы.

Я очень был рад луку и стрелам. С их помощью я мог добыть себе пищу, мог настрелять морских птиц. На шхуне был большой запас ружей и припасов к ним, но порох был испорчен водой, а ружья без пороха — на что были мне они нужны? При помощи топора я обрубил некоторые деревянные части шхуны, которые могли послужить мне топливом, и побросал их за борт. Течение принесло их к берегу.

Вернувшись на остров, я занялся добыванием огня. Я расщипал кусок веревки, а затем начал сильно тереть друг о друга два куска дерева, обложив их легко воспламеняющейся паклей. Но сколько я ни тер, ничего у меня не вышло. После получасового трения куски только чуть нагрелись, а я уже выбился из сил. Не понимаю, как это дикари ухитряются добывать огонь трением!

До сих пор у меня не было никакого убежища. Ночью я спал просто на песке, закутавшись в одеяло. На третье или на четвертое утро я заметил, что во время отлива на шхуну можно добраться и пешком, перебираясь со скалы на скалу. Благодаря этому я смог перетащить на берег несколько боченков с пресной водой, боченок муки и множество разных припасов. Все это, а также паруса, веревки, брусья и прочее, я благополучно доставил на остров. Поев, я устроил себе из брусьев и парусов нечто вроде навеса, который должен был служить мне жильем. В числе вещей, которые я принес со шхуны, находились — каменный топор, взятый нами у австралийцев, и множество кусков дерева особой породы с Новой Гвинеи. Это дерево имело свойство тлеть по нескольку часов подряд, не загораясь пламенем.

Огонь мне был необходим. Я попробовал добыть его иным способом. Я ударял топором о ка-

мень, а сверху наложил кучу легко воспламеняющегося материала, приготовленного мной из шерстяного одеяла. На этот раз мои старания увенчались успехом. Скоро запылало яркое пламя костра около моей палатки-навеса. Я очень заботился о том, чтобы огонь не потухал. И днем и ночью я поддерживал мой костер, хотя бы только тлеющим, с помощью того новогвинейского дерева, о котором уже говорил. Топлива у меня было достаточно: деревянных частей шхуны можно было нарубить сколько хочешь. Кроме того, я нередко находил на берегу обломки разбитых судов, приносимые сюда волнами.

Медленно проходил день за днем. Я не имел ни малейшего понятия о том, где нахожусь. Мне было ясно, однако, что мой островок лежит в стороне от обычных путей судов, а потому и надежды мои на освобождение были очень сомнительны. Это сильно меня мучило.

Все же на самом возвышенном месте островка я укрепил флагшток. Невысоко над водой поднималось это «возвышенное» место. На флагшток я навесил флаг низом вверх. Я надеялся, что этот сигнал горя будет замечен каким-нибудь заблудившимся кораблем. Каждое утро я ходил к своему флагу и внимательно осматривал горизонт: я надеялся увидеть корабль. Никакого корабля не было видно, и я уходил разочарованным. Я уже привык к этому, но надежда

не покидала меня, каждый день я ходил и смотрел, смотрел...

Вставал я обыкновенно с восходом солнца. Я знал, что в тропических странах солнце всходит в шесть часов утра и заходит часов в шесть вечера с самыми небольшими отклонениями в течение года. Ночью падала сильная роса, и воздух делался приятно освежающим. Днем же стояла такая жара, что я не в состоянии был выносить тяжести обычной одежды. Я начал прикрываться только шелковой шалью, которую накидывал на себя.

Прошло некоторое время, и я совсем отказался от одежды. Я заметил, что солнце так припекало сквозь всякую дырку в одежде, что кожа в этом месте покрывалась волдырями. Это было очень болезненно. Я сбросил одежду и стал ходить голым. Я по нескольку раз в день купался в море, моя кожа привыкла к жгучим лучам. Солнце больше не было мне страшно.

Все свое время, все свои силы я отдавал шхуне. Я старательно перетаскивал с нее на берег все, что только было мне под силу. Эта работа заняла у меня несколько месяцев, но я успел перетащить на остров даже большую часть жемчужных раковин. Работа была трудная, нелегко было добираться до шхуны, нелегко было и работать на шхуне, залитой водой. Понемногу шхуна начала разрушаться. Я сам по-

могал этому своим топором, собирая запасы топлива.

Мука в боченках, которые я вытащил на берег, была очень мало попорчена водой. Вода проникла в них только по краям и образовала там из муки род теста. Внутри этого слоя теста лежала совершенно сухая мука. Был у меня и запас хлебных зерен, но они были сильно подмочены. Перенес я на берег и мешки бобов, рису, маису и множество других запасов пищи. Был даже небольшой боченок с ромом, а другой — с маслом. Мало-по-малу я забрал со шхуны все, так что через девять месяцев на скалах остался только ее голый остов. Изо дня в день переносил я все эти вещи на берег, соображаясь с временем прилива и отлива. В большом сундуке, который был в капитанской каюте, оказался запас различных семян. Мне пришло в голову попробовать посеять их на острове. Я знал, что морская вода не может питать растение, но знал также и то, что я не могу расходовать на поливку свой запас пресной воды. И все-таки мысль о посеве не покидала меня. Я напряженно думал, как бы мне это устроить.

Наконец, я решил сделать любопытный опыт. Я взял большой щит черепахи, наполнил его глиной и песком, хорошенько смочил эту смесь кровью птиц, размешал все это и посеял там хлебные зерна. Они быстро взошли и так разрослись,

что вскоре я должен был их рассадить. Этот блестящий результат вызвал у меня желание расширить мои посевы. Скоро я имел маленькую ниву маиса и пшеницы, растущих в двух черепашьих щитах.

Долго я оставался доволен своим простым навесом. Но когда я начал переносить с шхуны на берег жемчужные раковины, то мне пришло в голову воспользоваться ими для постройки хижины. На шхуне было около 30 тонн этих раковин, и сначала я плавал за ними просто для развлечения. Несколько недель прошло, прежде чем я перетащил достаточное количество их на берег. Тогда я приступил к постройке. Я сложил из раковин две стены, каждую около 2 метров длиной, метра $1^1/_2$ вышиной и около полуметра толщиной. Ветер приятно продувал сквозь них. Промежутки между раковинами я замазал смесью глины и песку, а внутри затянул стены кусками парусов. Получилось очень недурное жилище. Когда наступило дождливое время года, я пристроил третью стену, а перед жилищем сделал навес, под которым всегда горел костер. Сверху я прикрыл свое жилье соломой, с гордостью пользуясь для этого соломой от собственных жатв.

Котелок, который я взял со шхуны, долго был у меня единственной кухонной утварью, так что, когда мне приходилось готовить себе что-нибудь, я устраивал печь наподобие тех, которые

видел у дикарей Новой Гвинеи. Рыбы у меня было всегда вдоволь, что же касается птиц, то стоило отправиться в ту часть островка, где они выводились, и можно было просто палкой убить их сколько угодно. Пока у меня была мука, я делал себе пироги.

После обеда, во время отлива, я обыкновенно купался, если поблизости не было акул. После купанья некоторое время бегал по берегу, а затем возвращался в свое жилище. Здесь я громко читал по-английски, читал просто ради удовольствия услышать хоть собственный голос. Книга была англо-французским справочником, я взял ее со шхуны.

Иногда на острове появлялись черепахи, они клали свои яйца в песок. На берег они выходили только по ночам, во время прилива. Когда мне хотелось полакомиться черепашьим мясом, я переворачивал одну из них на спину и оставлял так до утра. Утром я убивал ее топором. Щиты черепах шли у меня на расширение моих посевов. Мои нивы росли и росли и с течением времени заняли значительную часть островка. Маис и пшеница росли очень хорошо, и я обыкновенно успевал снять три жатвы в году. Солому я употреблял для подстилки. Вскоре, однако, я устроил себе гамак из кожи акулы. Спать в нем было покойнее: на песке меня постоянно беспокоили различные насекомые.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСЫ. — ПОСТРОЙКА ЛОДКИ. — УЖАСНАЯ ОШИБКА. — ЧЕРЕПАХИ. — БРУНО. — ПАРУС! — ПРИЯТНЫЕ ГОСТИ. — МОЙ КАЛЕНДАРЬ. — НАКОНЕЦ, ЛЮДИ!

Я СИЛЬНО тосковал на островке. Победить эту тоску мне было необходимо. К счастью, я был очень живого и деятельного склада человек, а в детстве любил заниматься гимнастикой. Теперь я сделался очень искусным акробатом и мог раза два-три перекувырнуться в воздухе, прыгая с крыши моего жилища. Кроме того, я очень высоко и искусно прыгал с палкой и без нее. Этим я старался разогнать тоску.

Долго я думал о том, как бы мне устроить себе более или менее верные часы. Я решил в конце концов устроить на песке солнечные часы. Укрепив совершенно перпендикулярно длинную палку, я устроил около нее круг при помощи жемчужных раковин и колышков. Часы я высчитывал по длине тени, отбрасываемой палкой. Спать я всегда ложился с заходом солнца, а с восходом вставал.

И все же, несмотря на все мои старания заинтересоваться чем-нибудь, развлечь себя, мной часто овладевали приступы тоски и отчаяния. Я боялся потерять рассудок, сделаться идиотом. Много времени прошло, прежде чем я справился с этой тоской. Трудно мне было бороться с ней. Ведь кроме узенькой полоски песку не было ничего, что могло бы спасти меня от сумасшествия.

Но несмотря на кажущуюся безнадежность моего положения, я никогда не терял уверенности, что когда-нибудь смогу спастись с этого острова. Вскоре эта уверенность привела к тому, что я решил начать постройку лодки.

Весело принялся я за работу, но горьким разочарованием заплатил потом за свою неопытность. Один раз я сделал киль слишком тяжелым, другой раз употребил для работы дерево, слишком толстое для остова. Разбитая шхуна снабжала меня необходимыми деревянными частями. Чтобы сделать доски более гибкими, я мочил их с неделю в воде, а потом, высушивая на огне костра, придавал им нужную форму. Через девять месяцев непрерывного труда я, наконец, построил что-то вроде лодки. Она была около 3 метров в длину и около метра шириной. Это была тяжелая и пребезобразная на вид лодка. Много труда потребовалось, чтобы спустить ее на воду. Кое-как, при помощи катышей и рычагов, я столкнул ее с берега в лагуну. Лодка сидела в воде глубоко, особенно низка была корма. Зато она совершенно не пропускала воды, так как снаружи я обил ее кожей акулы, промазанной смолой. Я укрепил в лодке мачту, сделал парус и весла. Когда лодка поплыла, я закричал в диком восторге, а Бруно громко визжал мне в ответ.

Когда все приготовления были закончены, я немного поплавал на лодке по лагуне, а затем решил вывести ее в открытое море. Но тут я сделал страшное открытие, которое почти лишило меня рассудка. Лодка не могла пройти между рифами, окружавшими лагуну. В отчаянии я бил себя кулаками по голове... Когда первый порыв отчаяния прошел, я немного успокоился: мне показалось, что, может быть, лодка пройдет над рифами во время высокого прилива. Я ждал прилива с нетерпением, но — увы! — новое разочарование. Лодка не прошла. Девять месяцев непрерывного тяжелого труда, девять месяцев надежд — все это погибло; я не мог вывести лодку в открытое море. Не мог я и вытащить лодку на берег из лагуны и протащить затем через весь остров на противоположный берег, против которого рифы оставляли значительно более широкий проход. Лодка была слишком тяжела, я не мог с ней справиться.

Лодка осталась в лагуне, и всякий раз, глядя на нее, я приходил в отчаяние.

Скоро я нашел для себя преинтересное развлечение как раз в этой же лагуне. Я начал заниматься катаньем по лагуне на... черепахах. В лагуне бывали черепахи большие, тяжелые. Они лениво плавали близ самой поверхности воды. Я выбирал одну из них побольше, килограммов на 200 весом, и усаживался на ее спину. Испуган-

ное животное старалось уплыть, держась обыкновенно чуть ниже поверхности воды. Если черепаха погружалась вглубь, я пересаживался на ее спине дальше назад, и она тотчас же поднималась выше. Управлял я своим «конем» очень простым способом. Когда мне было нужно, чтобы черепаха повернула направо, я закрывал ей рукой или ногой левый глаз и, наоборот, закрывал правый, чтобы она повернула налево. Когда я сразу закрывал ей оба глаза, черепаха останавливалась, да так внезапно, что я чуть не падал с нее.

Прежде чем наступило дождливое время года, я покрыл соломой крышу своего жилья. Крыша теперь не протекала, а дождь нередко шел по нескольку дней подряд. Сам-то я не прятался от дождя, а гулял попрежнему. Одежды на мне не было, я был голый, а дождевые ванны доставляли мне удовольствие.

Я постоянно изобретал всевозможные средства, чтобы устроить свою жизнь получше; устроил себе качели, — они много помогали мне убивать время; сделал ходули и много ходил на них. Но все-таки, если бы не собака — мой Бруно — то я, кажется, умер бы от тоски. Я постоянно разговаривал с Бруно, как с человеком, мы были решительно неразлучны. Я рассказывал Бруно о своем раннем детстве, о школьной жизни, о капитане Янсене, пел ему песенки.

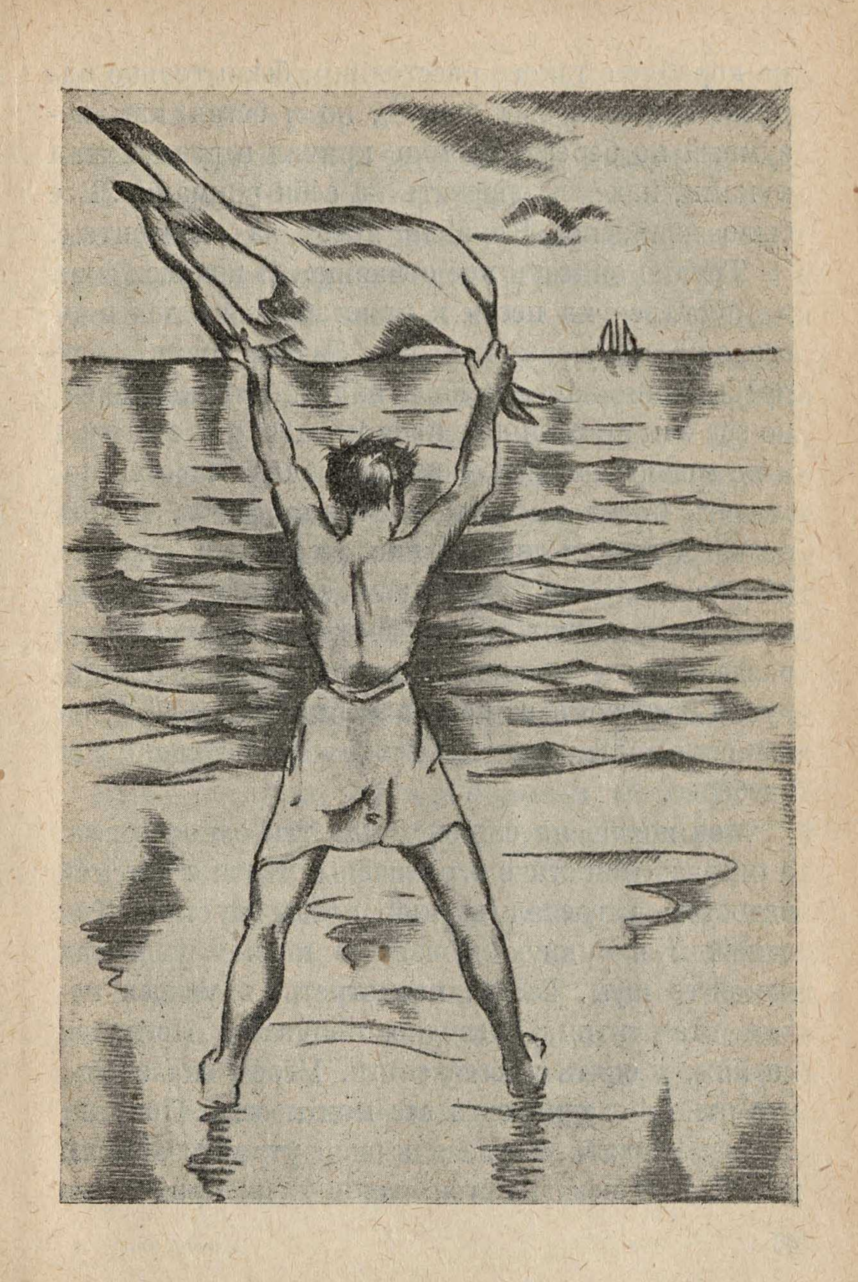
Когда я пел, он частенько начинал выть. Я убежден, что эти постоянные разговоры с собакой спасли мой рассудок. Когда я говорил, Бруно садился у моих ног и пристально смотрел на меня. Мне казалось, что он понимает каждое слово, я забывал, что это только собака, и я говорил с ним без конца.

Я очень мало понимал в искусстве делать музыкальные инструменты, но часто мне хотелось услышать хоть какие-нибудь звуки, которые заглушили бы рев вечного морского прибоя. Этот рев доводил меня до неистовства. Я придумал сделать барабан из маленького боченка. На край боченка я туго натянул кожу акулы. По этому барабану я бил двумя палками в такт своему пению. Бруно выл во весь голос. Если звуки эти и не были музыкальны, то они были достаточно громки. Хотя на время я не слышал шума прибоя. Я готов был на все, чтобы только избежать этого рева волн, который не давал мне покоя ни днем, ни ночью.

Прошло семь долгих месяцев. Однажды утром, осматривая, как всегда, горизонт, я высоко подпрыгнул.

— Парус! Парус! — кричал я в диком восторге.

Увы! Корабль был слишком далеко в море, с него не могли заметить мои сигналы. Мой островок был очень низок, и все, что я мог рассмотреть

на корабле с такого расстояния, были только паруса. Корабль был далеко, но я бегал как безумный по берегу, громко кричал и размахивал руками, надеясь обратить на себя внимание. Все было напрасно. Корабль исчез за горизонтом.

Трудно описать мое отчаяние. В изнеможении я опустился на песок и пристально глядел в ту сторону, где исчез корабль. За все время моего пребывания на острове я видел пять кораблей, но все они проходили слишком далеко от островка и не могли заметить моих сигналов. Я хотел поставить более высокий шест для флага. С этой целью я связал две больших жерди, но, к моему огорчению, они оказались слишком тяжелы. Я не смог поднять и поставить их. Бруно всегда разделял мое волнение, когда показывался парус. Собственно он-то и замечал его первым; он начинал лаять, скакать около меня и тащил меня на берег.

Моя жизнь на острове была так однообразна, а развлечения столь ограничены, что я с детской радостью встречал всякий новый пустяк. Так однажды в чудную июньскую ночь я услышал какой-то шум. Выйдя посмотреть, я увидел целые стаи птиц, очевидно попугаев. Поглядев на них, я опять улегся спать. Утром оказалось, что птицы съели почти все мои посевы. Попугаи еще не улетели, когда я вышел утром из своего жилища. В воздухе стон стоял от их криков, но

и эти резкие крики показались мне чудной музыкой: ведь кроме шума прибоя я не слышал почти никаких звуков. Попугаи совсем не боялись меня. Я свободно ходил около них и даже не согнал их с своей нивы — очень уж я им обрадовался. На следующий день попугаи улетели, и я долго горевал об этом. А кроме того я завидовал их свободе, завидовал тому, что они могли улететь.

Всем этим долгим дням я вел счет с помощью раковин. Я клал их в ряд, одну около другой, по одной каждый день. Когда их набиралось семь, я откладывал одну раковину в другое место. Там велся счет неделям. Особая кучка раковин обозначала месяцы, а годы я отмечал нарезками на своем луке. Я всегда сверял свой календарь с положением луны.

Прошло два бесконечных года. Однажды погода резко переменилась, поднялась буря. Моя хижина дрожала, уступая порывам ветра. Вскоре после этой бури я услышал утром громкий лай Бруно на берегу. Через несколько секунд Бруно вбежал в хижину и не успокоился до тех пор, пока я не последовал за ним на берег. Выходя из хижины, я захватил с собой весло, сам уж не знаю, зачем. Я шел за Бруно и удивлялся тому, что собака так сильно возбуждена. Море еще немного волновалось, и так как еще не совсем рассвело, то я не мог ясно различать отдаленные предметы.

Наконец, пристально всматриваясь в море, я заметил там какой-то длинный черный предмет, который, мне казалось, мог быть лодкой, качающейся на волнах. Тогда я, надо сознаться, начал разделять возбуждение Бруно. Вскоре я разглядел крепко сделанный плот и на нем несколько человеческих фигур, лежащих без движения. Странное чувство охватило меня при виде этих людей; я уже отвык от общества себе подобных и в то же время стремился к нему всеми своими мыслями.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СПАСЕНИЕ ПОГИБАВШИХ. — ДИКАРИ. — ЗЕРКАЛО. — ЗВЕЗДА НАД РОДИНОЙ ЯМБЫ. — ПРОГУЛКИ НА ЛОДКЕ. — ОТЪЕЗД.— ПРИБЛИЖЕНИЕ К МАТЕРИКУ. — СРЕДИ ДИКАРЕЙ.

НЕТ СЛОВ, чтобы описать мое волнение. Надежда иметь, наконец, подле себя людей, с которыми будет можно разговаривать, наполнила меня такой радостью, что я едва удержался,— очень уж мне хотелось тотчас же броситься в воду и поплыть к плоту, который качался на волнах в нескольких сотнях шагов от берега.

«Неужели плот не прибьет к берегу?» думал я с нетерпением.

Вдруг я с ужасом заметил, что за плотом следовала стая акул, которые так и шныряли вокруг него. Теперь я не мог уже сдерживаться.

Приказав собаке остаться на берегу, я бросился в воду и поплыл к плоту. Я старался как можно больше шуметь, изо всех сил ударял по воде руками и ногами. Шум должен был отпугнуть акул. Когда я, наконец, добрался до плота, то нашел на нем четырех чернокожих: мужчину, женщину и двух мальчиков. Все они лежали в полном изнеможении и скорее походили на мертвых, чем на живых. Акулы продолжали упорно следовать за плотом. Ударами весла я прогнал их — долго мне пришлось бить им по воде...

Наконец, я причалил плот к берегу и перенес четырех чернокожих в свою хижину.

Прежде всего нужно было привести в чувство моих неожиданных гостей. Я пробовал влить им в рот холодной воды, но они не были в состоянии проглотить ее. Тогда я вспомнил, что у меня есть ром. Я достал его и растер им чернокожих, а потом завернул их в мокрые паруса. Мне казалось, что чернокожие умирали от жажды, и я изо всех сил старался привести их в чувство. Все четверо страшно исхудали и были до крайности истощены.

Через три-четыре часа неустанных забот и хлопот я увидел, наконец, что мои старания достигают цели. Сначала пришли в себя оба мальчика, а немного погодя и мужчина обнаружил признаки жизни. Позже всех, уже после полудня,

очнулась женщина. Никто из них не мог приподняться, они пластами лежали на песке. То и дело они пили воду, которую я подносил им. Казалось, они весь день не давали себе отчета в том, что с ними случилось, и не понимали, где они находятся.

На следующий день чернокожие вполне пришли в себя. Их изумление при виде меня превзошло всякие ожидания. Прежде всего они проявили признаки большого испуга, почти ужаса. Как ни старался я вызвать у них доверие к себе,— дружески похлопывал их по плечам, и знаками старался показать, что я их спас,— ничего у меня не выходило. Они боялись меня. Только принявшись за еду, они утратили часть своего страха и начали поглядывать на меня без особого ужаса. А потом — потом любопытство взяло свое. Сначала дикари только смотрели на меня, потом начали ощупывать и поглаживать мою кожу. Они издавали какие-то странные звуки, пощелкивали языком, ударяли себя по бедрам, щелкали пальцами — все это, повидимому, служило выражением их изумления.

Чернокожие принялись осматривать все мои вещи. Каждый предмет до такой степени возбуждал их удивление и восторг, что я сам невольно заразился их радостью. Особенно заинтересовала дикарей моя хижина с ее соломенной крышей. Весело было смотреть на мальчиков,

лет семи и десяти, которые всюду следовали за своими родителями и непрерывно болтали, бросая на меня украдкой взгляды. Женщина прежде всех перестала меня бояться. Скоро она почувствовала ко мне полное доверие, между тем как ее муж относился ко мне с какой-то скрытой подозрительностью все время, пока мы не переехали на его родину. Это был грубый дикарь, с очень неприятной наружностью, скрытного и мрачного характера. Он никогда не выражал явно своей неприязни ко мне, но я за все долгие шесть месяцев, которые он пробыл гостем на моем маленьком островке, никогда, ни на минуту не доверял ему.

Как только мои черные гости оправились, я повел их на берег и показал им свою старую лодку, качавшуюся на воде лагуны. Лодка эта была для меня бесполезна, но я все же все время старательно заботился о ней и поддерживал ее в полной чистоте и порядке. Эта маленькая жалкая неуклюжая лодка вызвала у чернокожих прямо-таки безумный восторг и удивление. Они решили, вероятно, что я приехал из очень далекой местности на таком большом «плоту». Потом я показал им остатки шхуны, от которой к тому времени сохранился только голый остов на скалах. Я старался объяснить им, что приехал на этой огромной лодке, но они не могли понять меня.

Вернувшись в хижину, я надел на себя платье. Когда дикари увидели меня одетым, то они были так поражены этим, что я решил прекратить ряд своих «чудес», иначе дикари, пожалуй, положительно боялись бы оставаться со мной. Им казалось, что платье составляет часть меня самого, что это вторая моя кожа. Они были очень напуганы и подавлены этим и не решались подойти ко мне поближе.

Чернокожие не строили себе никакого убежища. Ночью они спали просто на песке под открытым небом, располагаясь у той из стен моей хижины, которая была за ветром. У ног их всегда горел яркий огонь. Я предлагал им одеяла и паруса, чтобы укрываться, но они отказывались и предпочитали лежать, прижавшись друг к другу. Утром женщина приготовляла для них еду, состоявшую из рыбы, птичьих и черепашьих яиц. Бруно долго не хотел относиться дружелюбно к новоприбывшим, вероятно, потому, что они очень боялись его и сильно тревожились всякий раз, как слышали его лай.

Единственное. что, кажется, выводило отца этого семейства из его мрачного настроения, были мои акробатические упражнения, которые приводили мальчиков в дикий восторг. И отец, и мать, и мальчики старались подражать моим прыжкам и кувырканьям, хождению колесом и другим штукам, которые я проделывал.

Но они так неловко падали при этом (отец однажды чуть не сломал себе шею), что скоро перестали пытаться сделаться акробатами. Мрачный мужчина мог просиживать целыми часами, не пошевелив ни одним мускулом, наблюдая мои прыжки. Я, собственно, никогда не боялся его, но очень заботился о том, чтобы он не завладел каким-либо из моих орудий. Из предосторожности я даже поломал и бросил в воду те копья, которые оказались на их плоту. Я был уверен, что, безоружный, он не сможет сделать мне большого зла, даже если б и захотел.

Постепенно я слегка ознакомился со странным языком чернокожих и вел длинные разговоры с женщиной, выучившей с грехом пополам несколько английских слов, а когда я стал лучше понимать ее странный язык, то узнал от нее много удивительного о нравах и обычаях австралийских туземцев. Все эти сведения очень пригодились мне впоследствии. Ямба — так звали женщину — сказала мне, что ужасная буря, свирепствовавшая недели за две до того, как я их спас, унесла их далеко от родины.

Однажды Ямба случайно увидела свое изображение в маленьком ручном зеркальце, которое висело у меня в хижине возле гамака. Она беззаботно сняла зеркальце и поднесла его к лицу. Почувствовав прикосновение стекла, она задрожала и торопливо обернула зеркальце дру-

гой стороной. Затем бросила на зеркальце долгий, долгий взгляд, вскрикнула и выбежала из хижины.

Вскоре Ямба справилась с этим страхом перед зеркалом и часто простаивала целые часы с ним, чмокая губами от удивления и делая самые смешные гримасы. На ее мужа зеркало произвело совсем иное впечатление. Когда Ямба подняла его к лицу мужа, и тот увидел в нем свое изображение, то он завыл от ужаса и бросился бежать со всех ног. Со страха он убежал на противоположный конец островка! Этот страх перед зеркалом сохранился у него на все время. Зато мальчики нисколько не боялись зеркала. Правда, увидев его в первый раз, они сильно удивились, но потом зеркало служило для них неиссякаемым источником развлечения. Как вероятно, вы и сами догадываетесь, эти чернокожие доставляли мне не меньше развлечений и удовольствия, чем я и мои вещи — им.

Каждый вечер семья собиралась вокруг огня костра, и тут все они пели жалобными голосами песни. В этих песнях, как я потом узнал, они воспевали все чудеса, которые видели на острове белого человека.

Дикари пробыли у меня уже недели две или три, как вдруг однажды вечером мужчина подошел ко мне и в совершенно понятных для меня выражениях сказал, что он хочет покинуть этот

остров и вернуться на родину. Он прибавил, что по его мнению, ему легко добраться до материка к своему племени на том же самом плоту, который привез его сюда. А Ямба указала мне яркую звезду на далеком горизонте.

— Там, — сказала она, — лежит страна моего народа.

Это почему-то убедило меня в том, что материк лежит не более как в двух или трех сотнях километров от моего острова. Я решил отправиться туда вместе с чернокожими в надежде, что это путешествие послужит первым шагом в моем возвращении к цивилизованному миру. Мы не теряли времени. В одно прекрасное утро я, Ямба и ее муж отправились к лагуне и без особых затруднений втащили мою лодку на берег. Мы проволокли ее через остров и, наконец, спустили на воду на другой стороне острова. С громким плеском, при криках «ура» с моей стороны, лодка скользнула в воду. Она была вполне пригодна для плавания, хотя и сидела слишком низко в воде. Муж Ямбы хотел ехать немедля, но я указал ему, что направление ветра сейчас неподходяще для нашей поездки, что нужно обождать несколько месяцев, пока ветер переменится. Муж Ямбы не считал нужным готовиться к отъезду. По его мнению, нам стоило только сесть в лодку, поставить парус и направиться в открытое море. Но я — я заботился и о

запасах провизии, и о воде. Мужу Ямбы пришлось ожидать отъезда. Но он мало был удручен этим и держал себя гораздо спокойнее, чем я ожидал.

За время ожидания перемены ветра мы сделали несколько пробных поездок по морю. Я заботился о достаточном запасе провизии и даже в последнюю минуту перед отъездом ухитрился втащить на лодку трех огромных черепах, мясо которых оказалось очень кстати во время нашего путешествия. Я взял большой запас воды, словом, сделал все, что только было возможно, чтобы облегчить наше плавание. Сильные сомнения мучили меня все это время. Ведь я только предполагал, что материк находится недалеко от нас,но я не был уверен в том, что моих запасов пищи и воды хватит. Ведь я не знал наверное, сколько времени продлится наше плавание. Наших запасов могло хватить недели на три без особой экономии. Мы взяли с собой также одеяла, гвозди, смолу и многое другое, что могло пригодиться в пути. Лодка была снабжена большим косым парусом. Конец этого паруса оставался свободным, мы его просто держали в руках. Это предохраняло нас на случай внезапного порыва ветра: конец паруса можно было выпустить из рук.

Наш отъезд в последних числах мая навсегда сохранился в моей памяти. Когда лодка отплыла от берега островка, я с благодарностью погля-

дел на эту песчаную полоску, служившую мне приютом.

Дул довольно сильный попутный ветер, и скоро моя хижина на острове скрылась из виду. Ямба сидела возле меня на корме. Муж ее, как только мы вышли в море, улегся, скорчившись, на дне лодки. Он почти не покидал этой спокойной позы, пока мы не достигли материка, и все время мрачно молчал. Зато ел и пил он так, словно мы находились в стране, неимоверно богатой продовольствием, а не на лодке с очень ограниченным запасом еды и воды. О том, что путешествие может затянуться, что еду и воду нужно экономить, он не имел ни малейшего представления.

Ветер не изменял своего направления ни разу за все это время.

Мы плыли днем и ночью, без малейших уклонений в сторону от нашего пути. Дни были очень однообразны и томительны, хотя нас и было несколько человек.

Дней через пять мы увидели небольшой островок и пристали к нему, чтобы хоть немного поразмять свои онемевшие члены.

Островок был необитаем.

Весь он был покрыт тропической растительностью. Возможность походить по земле, видеть деревья, траву, цветы — все это казалось мне чем-то необычайным после продол-

жительного заключения на песчаной полоске островка.

Мы испекли немного черепашьего мяса, побродили по острову, и через несколько часов наша лодка снова качалась на волнах. Управлял лодкой все время я, только на несколько часов меня сменяла Ямба. Обычно от шести до девяти часов я спал; этот короткий, но глубокий сон достаточно подкреплял меня. Муж Ямбы ни разу не предложил мне своей помощи, да мне и не хотелось обращаться к нему.

Безостановочно мы плыли день и ночь, встречая иногда акул, которые однажды долго следовали за нашей лодкой. На десятый день, утром, Ямба вдруг схватила меня за руку и прошептала:

— Мы приближаемся к земле.

Я быстро вскочил на ноги. Впереди, в тумане, неясно вырисовывались очертания земли. Судя по размерам, это был материк. Но мы не спешили пристать к нему. У входа в большой залив лежал небольшой островок. Мы направились к нему и высадились здесь, чтобы отдохнуть день-другой от нашего плавания. Как только мы сошли на берег, Ямба и ее муж развели несколько больших костров. Дым костров должен был, очевидно, служить сигналом для их друзей на материке. Сначала они нарубили моим топором множество зеленых ветвей и сложили их в виде пирамиды,

а потом добыли огонь посредством трения двух кусков дерева. Высокие столбы дыма поднялись к небу.

Вскоре и на материке показались дымовые столбы — ответ на наши сигналы.

Прошло немного времени после обмена дымовыми сигналами (способ этот, как я узнал позже, очень распространен между дикарями Австралии), и мы увидели три плота, направлявшихся в нашу сторону. На каждом плоту было всего по одному человеку. Я смотрел на их приближение со смешанным чувством надежды и страха. «Я во власти этих людей «думалось мне».

Но дурные опасения только на минуту промелькнули в моей голове. Спокойный вид Ямбы подействовал на меня ободряюще, я перестал бояться. Со слов Ямбы я знал многое о дикарях ее родины, знал, что бояться их не мешает. И все-таки я ожидал прибытия плотов спокойно, по крайней мере, внешне. Тем не менее я позаботился, чтобы муж Ямбы первый встретил их. От чести быть первым я уклонился.

Муж Ямбы пошел навстречу к прибывшим дикарям. Они, выйдя на берег, остановились и ждали, пока муж Ямбы подойдет к ним. Они медленно приближались друг к другу. При виде меня туземцы перепугались. Муж Ямбы доказал им, что я такой же человек, как и они, хотя и более могучий и таинственный. Правда, моя кожа

была сильно загоревшей, но все же она сразу бросалась в глаза своим цветом, при сравнении с кожей дикарей. Именно цвет моей кожи и поражал туземцев. Они робко дотрагивались до нее, ощупывали мое тело, ноги, руки. Им очень хотелось узнать, чем именно было покрыто мое тело. Они не верили, что кожа может быть такой светлой. Мало-по-малу любопытство туземцев было удовлетворено, и возбуждение их улеглось. Они занялись теперь подачей новых дымовых сигналов своим друзьям на материке. На этот раз было разложено пять отдельных костров, расположенных кругом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЫМОВЫЕ СИГНАЛЫ. — ВСТРЕЧА С НАРОДОМ ЯМБЫ. — МОЕ ПЕРВОЕ ЖИЛИЩЕ. — НЕКОТОРЫЕ СТРАННЫЕ БЛЮДА. — ТАИНСТВЕННАЯ ДЕПУТАЦИЯ.— МОЯ СВАДЬБА. — СТРАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. — КАК Я ЖИЛ. — ЛАКОМЫЕ «ЧЕРВИ». — Я ЗНАКОМЛЮСЬ С НРАВАМИ ДИКАРЕЙ.

ИНТЕРЕСНО было наблюдать способ сообщения дикарей между собой. Каждый последующий костер зажигался спустя несколько минут после того, как предыдущий разгорался полным пламенем. В конце концов дым от всех костров в виде огромной пирамиды поднялся на большую высоту в тихом воздухе. Мне объяснили значение этого сигнала. Он должен был дать знать оставшимся на материке, что передовая партия, выехавшая к нам навстречу, нашла меня

и четырех моих спутников, и что мы вернемся на материк все вместе теперь же... Я уже достаточно бегло разговаривал на языке чернокожих и недурно понимал их, если они не трещали слишком быстро.

Вскоре мы увидели ответные столбы дыма, поднявшиеся в разных местах материка. Каким образом посредством таких сигналов можно было дать знать о приезде белого, да еще таинственного, человека? Мне это было непонятно.

Тем временем Ямба занялась приготовлением большого пира для приезжих. Остатки большой черепахи заняли видное место на этом пиру. Ели чернокожие с невероятным аппетитом. Поговорив немного с туземцами, я сказал им, что нуждаюсь в продолжительном отдыхе, так как путешествие сильно утомило меня. Я повесил в тенистом уголке свой гамак и проспал с полудня до позднего утра следующего дня. Ямба заботливо охраняла мой сон и она-то и разбудила меня, сказав, что скоро должно начаться пиршество.

Чернокожие удалились и через некоторое время возвратились ярко раскрашенными. Их тела были покрыты желтыми, красными и белыми полосами. Эта разрисовка служила приготовлением к великому корреббори в честь моего прибытия, и я, понятно, должен был принять участие в этом празднестве. Корреббори у австралийских народов называется нечто среднее между

религиозным обрядом и празднеством. Устраивается этот корреббори по самым разнообразным причинам. Всю ночь продолжался корреббори, обставленный большой торжественностью. От меня не требовалось многого. Я должен был сидеть тут же с дикарями, ударять палкой о палку и принимать участие в всеобщих криках. Это было нетрудно делать, но однообразие этого занятия так наскучило мне, что я еще до полуночи отправился в свой гамак.

Утром следующего дня мы увидели целую флотилию плотов, приближавшихся к нам со стороны материка. Вскоре на берег сошло около пятидесяти туземцев. При виде меня и моих вещей они выразили то же самое удивление и испуг, с которыми я уже достаточно был знаком. Несколько часов спустя мы все покинули остров. Впереди всех ехал на своей лодке я. Эта лодка, между прочим, вызывала у дикарей не меньшее удивление, чем и я сам. Дикари быстро двигали вперед свои плоты, действуя только одним веслом. Это весло они погружали в воду сначала с одной стороны плота, а затем быстро перебегали на другую сторону.

На высоком берегу я увидел огромную толпу чернокожих. Здесь были и мужчины, и женщины, и дети — все голые. Как только мы подошли к берегу, вся эта толпа бросилась осматривать мою лодку.

Я сидел в лодке растерянный и оглушенный громкими криками и болтовней. Наконец, чернокожие, выезжавшие на остров встречать нас, пришли мне на помощь. Они с видимой гордостью проводили меня через толпу до небольшого холмика, с которого виднелось вдали становище туземцев. Тут я узнал, что весть о моем прибытии уже успела распространиться далеко кругом. Поэтому на берегу и собралась такая толпа. Многие успели притти издалека, чтобы поглядеть на «белого» человека.

Поселение дикарей, к которому мы направились, состояло всего из двадцати-тридцати шалашей, кое-как построенных и годных только в качестве защиты от ветра. Они имели полукруглую форму и спереди были открыты; крыш у них не было совсем. Между такими шалашами я заметил несколько хижинок, имевших форму тупых сахарных голов. Эти хижинки были невелики — около 2 метров высоты и метра 4 в поперечнике. У их основания было проделано небольшое отверстие, через которое и пролезал внутрь хозяин жилья. Окон не было, и внутри хижинки было совершенно темно.

Мне сообщили, что и я могу получить в свое распоряжение одну из хижинок любого фасона. Я выбрал «сахарную голову». Ямба и несколько других женщин тотчас же принялись за постройку. Менее чем через час моя хижина была уже

готова. Я не остался смотреть, как они строят, а отправился с несколькими туземцами осмотреть соседние поселения. Всюду туземцы встречали меня очень хорошо, выражали всячески свою дружбу и уважение. Простой кусок красной материи, спускавшийся у меня ниже пояса, вызывал у них большое удивление. Больше же всего они были поражены моими следами на земле. Туземцы во время ходьбы выворачивали ноги как-то набок, так что вместо полного отпечатка всей ступни на земле получался только, так сказать, половинный след. Я при ходьбе становился на всю ступню, вся ступня и отпечатывалась. Такой отпечаток моей ступни так поражал туземцев, что они собирались толпой у каждого моего следа, внимательно рассматривали его, низко нагнувшись к земле, хлопали руками и взвизгивали от изумления.

Гостеприимству туземцев не было предела. Их подарки завалили мою хижину. Тут были и такие лакомые вещи, как мясо кенгуру, крысы, змеи, большие личинки жуков, рыба. Печеные змеи, правда, оказались довольно вкусными, но туземцы совсем не употребляли соли, а без соли есть было мне непривычно. Змеи пеклись обыкновенно целиком, вместе с кожей. Их мясо было сочно и нежно, но имело не совсем приятный запах. Способ печения мяса был такой. Туземцы выкапывали в песке руками яму и на дно ее клали то,

что собирались печь. Поверх пищи насыпался слой песку, потом клалось несколько камней, а поверх всего этого уже разводился огонь...

Двуутробчатых крыс здесь было довольно много, а иногда они появлялись в таком огромном количестве, что наносили серьезный вред. Они были очень крупны и темно окрашены. Мясо их довольно вкусно. Ловлей их занимались всегда женщины или дети и делали это очень просто: в крысиную норку всовывали палку, а когда крыса выбегала, то убивали ее этой же палкой. На женщинах здесь вообще лежало много разнообразных обязанностей. Они должны были заготавливать запасы жирной глины, которой мужчины смазывали свои тела, чтобы предохранить их от жгучих солнечных лучей. Они должны были готовить краски, которыми чернокожие расписывали свою кожу. Горе той женщине, у которой не окажется ко времени корребори полного набора всех красок для мужа! Одной из самых главных обязанностей было отыскивание различных кореньев для обеда. Наиболее употребляемым из таких кореньев, кроме прекрасного на вкус ямса, был корень особого вида водяной лилии, несколько напоминавший вкус сладкого картофеля.

Все это время и много месяцев спустя моя лодка и все, что в ней находилось, были предохранены от воровства и истребления очень простым

способом. Ямба воткнула около лодки две палки крест-на-крест. Очевидно это был какой-то запретительный знак — ни один из туземцев не дотронулся до лодки, пока палки стояли здесь. Я уверен в том, что лодка могла простоять до тех пор, пока не развалилась бы и не сгнила,— никто бы и пальцем ее не тронул. Такую силу среди туземцев имеют их запретительные знаки или, как их называют, «табу»!

Прошло несколько дней, и туземцы стали очень настойчиво предлагать мне остаться с ними навсегда. Они, вероятно, слышали от Ямбы о странных и чудесных вещах, которыми я обладал, слышали и о той чудодейственной силе, которой я был одарен, по мнению Ямбы. Этот план — навсегда проститься с возможностью вернуться в цивилизованный мир — мало мне улыбался. Я стал подумывать о том, как бы мне поскладнее ответить дикарям: ведь мой прямой отказ мог сильно раздражить их. Но тут случилось еще одно происшествие, которое окончательно поставило меня втупик.

Случилось все это совершенно неожиданно.

Я стоял возле своей лодки, раздумывая о том, как бы мне уйти от этих туземцев. Вдруг я увидел двух вождей племени, все тело которых было великолепно разрисовано самыми яркими красками, а головы украшены перьями. Они приближались ко мне, ведя с собой молоденькую

девушку с довольно приятным лицом. За ними следовала большая толпа туземцев. Вожди и девушка остановились в нескольких шагах от меня. Тогда один из вождей выступил вперед и предложил мне огромную дубину с большим утолщением на одном из ее концов. Это оружие называлось у них «вадди». Подав мне дубину, вождь знаками дал мне понять, что я должен ударить ею девушку по голове. Я пришел в ужас. Я вспомнил рассказы Ямбы и решил, что туземцы хотят устроить в честь меня каннибальский пир и что — это было ужаснее всего — я должен буду начать его, проглотив кусок мяса этой несчастной улыбающейся девушки. «Очевидно, — рассуждал я, — они привели ее ко мне для того, чтобы я собственноручно убил ее». Я решил не делать этого, хотя бы ослушание и грозило мне смертью.

Пока я раздумывал, вождь стоял неподвижно, протянув мне дубину и вопросительно на меня поглядывая. Казалось, он не понимал, почему это я не соглашаюсь последовать его предложению. Еще более странным показалось мне, что вся толпа сохраняла глубокое и торжественное молчание. Я взглянул на девушку. К моему удивлению, она совсем не была испугана. Наоборот, она была, как казалось по ее виду, в восторге от всего происходившего. Я решил попытаться отговорить вождей и сделал им знак сесть, чтобы начать свою речь. Они сели, хотя и были очень

недовольны. Тогда я при помощи разнообразных жестов, похлопываний, восклицаний и гортанных звуков постарался дать им понять, что я не могу принять участия в том деле, которое они мне предлагают. Я говорил им и о том, что убивать людей нельзя, а есть их и подавно. Я говорил очень горячо и с нервным трепетом ждал, какое действие произведет моя речь. Можете себе представить, как я удивился тому, что произошло. Толпа... громко захохотала! Туземцы долго и весело смеялись. Людоеды не могли так смеяться. Я ничего не понимал.

Тут на помощь мне явилась Ямба. Она подошла ко мне и начала шопотом говорить, что никто и не собирался убивать эту девушку, что ее предлагали мне в... жены. Я должен был слегка коснуться ее головы дубиной в знак того, что она с этих пор обязана подчиняться мне, как своему мужу. Удар палкой по голове был просто обрядом.

Тогда я со всей торжественностью, на какую только был способен, исполнил свою роль в этом странном обряде. Я слегка ударил девушку дубинкой, а она упала к моим ногам. Тогда я осторожно поднял ее, а туземцы запрыгали вокруг нас с громкими криками радости и удовольствия.

Когда вся церемония была окончена, Ямба отвела мою жену в маленькую хижинку, построенную для меня женщинами. В эту ночь был

устроен необычайно торжественный корреббори в честь меня. Если бы не Ямба, я бы совсем растерялся. Ямба была в буквальном смысле слова моей правой рукой, а нередко и нянькой.

Преданность этой женщины навела меня на одну мысль. Привести эту мысль в исполнение можно было, конечно, только среди дикарей. В Европе я не посмел бы и заикнуться об этом. Здесь было другое дело. Я пригласил к себе мужа Ямбы и преспокойно предложил ему обменяться... женами. Он выслушал это предложение с плохо скрываемой радостью. После недолгих переговоров мы совершили обмен по всем правилам. Такие обмены женами были в большом ходу среди туземцев и совершались там очень часто.

Вас, может быть, интересует, что случилось с моей собакой Бруно? Ничего. Она была со мной, как и раньше.

Устроивши свои дела с Ямбой, я вовсе не собирался оставаться в этой дикой стране. Напротив, я намеревался бежать отсюда при первой же возможности. План мой был таков. Прежде всего мне нужно было хорошо изучить обычаи и привычки дикарей, а затем получше исследовать окрестности на тот случай, если мне придется искать белых людей не морем, а сухим путем. Во мне еще теплилась надежда, что я смогу пуститься в море на своей лодке. Каждое утро я ходил к берегу и осматривал ее. Я подолгу смотрел на море и на

горизонт, надеясь увидеть парус. Но паруса не было, и я шел к лагуне купаться. Тем временем Ямба отправлялась искать коренья и редко возвращалась без кореньев водяной лилии, которые мне были очень по вкусу. В известное время года она набирала для меня маленькие луковицы, известные под названием «негла», которые в жареном виде составляли приятное добавление к нашему однообразному столу.

Туземцы обыкновенно едят два раза в день: завтракают около 8—9 часов утра и обедают значительно позже полудня. Их пища состоит из мяса крыс, рыбы, змей, иногда — кенгуру. Много ели они кореньев. Особым лакомством считались у них личинки больших жуков, которых они находили в некоторых породах деревьев. Этих личинок они пекли на горячих камнях и глотали по нескольку штук сразу. Я сам ел этих «червей» и находил их вкусными. После завтрака женщины занимались ловлей крыс и других мелких зверьков для обеда. Мужчины проводили свое время в охоте за крупным зверем — кенгуру или занимались военными играми. Дети бегали сами по себе, никто за ними не присматривал. Мальчики забавлялись метанием друг в друга тростниковых копий. Вскоре после полудня женщины возвращались домой. Они приходили тяжело нагруженные кореньями. Коренья клались в сетки, сделанные из волос двуутробки.

Читатель, быть может, удивится тому, что я так точно говорю о времени, ведь часов у меня не было. Да, часов не было, но время я все-таки и без часов знал точно. Я определял его по солнцу. Счет дням я потерял, зато месяцы считал по фазам луны, а годы, как и на острове, отмечал нарезками на моем луке.

Во время крушения моей яхты я имел очень смутное представление о географии Австралии, так что совершенно не знал, где нахожусь теперь. Только гораздо позднее я разузнал, что родина Ямбы — северо-западный берег Австралии.

Должен сознаться, что первое время я отказывался сопровождать дикарей в их охотничьих экспедициях. Я не только слабо владел их языком, но и плохо разбирался в следах, я не был еще достаточно искусным охотником. Поэтому-то, чтобы не оказаться в смешном положении, я не ходил с туземцами. Я не обладал еще их выносливостью. А что случилось бы, если бы я отказался из-за усталости итти дальше? Они убедились бы в моей слабости, а это повредило бы мне. Они видели во мне таинственного человека, человека «не простого». Убедись они в том, что я слаб и неопытен, мое обаяние исчезло бы.

Моя жизнь зависела от этих туземцев. Они могли убить меня в любую минуту. Я был беззащитен. Что оставалось мне делать? Раз они,

по своей дикости, приняли меня за какого-то «чародея» — поддерживать в них это убеждение. Мне постоянно приходилось ломать себе голову над тем, чем бы еще «поразить» туземцев, чем бы еще доказать свое «всемогущество».

Я обманывал туземцев, пользуясь их неразвитостью. Это было, как будто, и не совсем хорошо. Но я хотел жить, а сохранить свою жизнь я мог только путем всяческого одурачивания туземцев, только выдавая себя за «чародея» и всячески доказывая на деле эти свои способности «чародея».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЕРНОКОЖИЕ ПОЭТЫ. — РЫБНАЯ ЛОВЛЯ. — ОХОТА ЗА ЭМУ. — НЕУГАСИМЫЙ ОГОНЬ. — ВЗГЛЯД ДИКАРЕЙ НА БОЛЕЗНИ И СМЕРТЬ. — КАК ДИКАРИ ВОЮЮТ. — КАННИБАЛЬСКОЕ ПИРШЕСТВО. — ОРИГИНАЛЬНАЯ ДУЭЛЬ. — ДЕСЯТЬ КИЛОМЕТРОВ ВПЛАВЬ. — НЕОБЫЧАЙНАЯ ДОБЫЧА.

КОРРЕББОРИ играл очень большую роль в жизни туземцев. Пляски, которые являлись необходимой частью корребори, исполнялись туземцами с невероятным воодушевлением и азартом.

Пиршество продолжалось по нескольку дней, начинаясь обычно часов с девяти утра и продолжаясь до глубокой ночи, когда воины засыпали тут же, около костров. Вожди в таких случаях украшали свои головы яркими перьями попугаев-какаду, а тело разрисовывали красной,

желтой и другими красками. Эта разрисовка и другие приготовления к празднеству занимали не менее двух часов. Когда все было готово, разукрашенные воины усаживались на корточки вокруг костра и пели монотонные песни, в которых они воспевали свои собственные подвиги, храбрость и все необыкновенное, что им пришлось увидеть во время похода. Песни слагались для каждого племени своим собственным «поэтом», который только этим и занимался. Иногда «поэт» уступал свои «произведения» и другим племенам, получая за это ту или иную плату натурой. Дикари не умели писать, а потому продажа песни заключалась в том, что покупатель выучивал ее «с голоса» продавца. Память у туземцев была хорошая, а потому и песни легко заучивались и быстро распространялись между соседними племенами.

Пляски играли видную роль в корреббори. Начав слегка приплясывать вокруг костра, туземцы понемногу входили в такой азарт, что скакали, как бесноватые. Они размахивали при этом оружием и испускали громкие крики. На непривычного человека зрелище нескольких десятков скачущих около костра голых дикарей могло произвести неприятное впечатление. Так было вначале и со мной. Но по мере того, как я привыкал к жизни среди дикарей, я свыкался и с плясками корреббори. И в конце концов я и сам

скакал кругом костра, не уступая в прыжках и кривляньях самому большому искуснику по этой части из среды туземцев.

Племя, среди которого я жил, отличалось хорошим сложением и большой физической силой. Мужчины могли проходить пешком огромные расстояния и их походка была очень легка, несмотря на то, что они выворачивали ступню. Женщины не обладали этой легкостью движений. Жизнь женщины вообще была очень незавидна. На них лежала вся тяжелая работа: постройка жилищ, добывание пищи, заготовка красок и т. д. Впрочем, когда являлась надобность в больших запасах пищи, то и мужчины отправлялись на охоту или на рыбную ловлю, устраивали облавы на кенгуру.

На рыбную ловлю туземцы отправлялись или рано утром, вскоре по восходе солнца, или же поздно вечером, когда становилось совсем темно. В последнем случае мужчины брали с собой большие факелы, которые они держали в левой руке высоко в воздухе в то время, когда бросались в воду и поражали копьями первую попавшуюся на глаза рыбу. Удары были всегда очень верны, туземцы почти никогда не делали промаха. Раненые рыбы оттаскивались на берег, где их забирали женщины, дожидавшиеся с плетеными сумками за плечами. Иногда в воду бросалось до сотни человек сразу, все с ярко горящими факелами.

Это было на редкость эффектное зрелище — пламя факелов, всплески воды, громкие крики...

Днем рыбу ловили иначе. Во время отлива огораживали большой участок мелкой лагуны, оставляя открытый проход, через который в лагуну могла пройти рыба. Во время прилива рыба набивалась в загородку, и тогда проход закрывали. Когда снова наступал отлив, отгороженное пространство превращалось как бы в огромную сеть, набитую рыбой. Тогда туземцы спускались в эту загороженную лагуну и били рыбу копьями.

Вообще охота туземцев очень интересовала меня. Я старался или принять в ней участие, или, если это было мне непосильно (а я ведь избегал проявлять свою слабость), то я хоть старался присутствовать при этом.

Особенно интересно было наблюдать туземцев, когда они подкрадываются к кенгуру.

Кенгуру — самое большое из млекопитающих Австралии. Это странное по внешности животное. Его передние ноги очень коротки, так коротки, что кажется, будто они приделаны к кенгуру от другого животного. Задние же ноги очень длинны и толсты, и ими-то и пользуется животное при быстром беге, точнее — прыжках. Хвост кенгуру такой длинный и толстый, что сразу бросается в глаза. Когда кенгуру сидит, он подпирается хвостом и сидит как бы на

треножнике — задние ноги и хвост. Передние ноги в это время свешиваются у него на грудь и далеко не достают до земли.

Кенгуру очень осторожен и подкрасться к нему нелегко. Чуть только он заметит что-либо подозрительное, как тотчас же обращается в бегство. А прыгает кенгуру так быстро, что через несколько минут скрывается из глаз, даже на открытой равнине.

Заметив пасущихся кенгуру, туземцы начинают подкрадываться к ним ползком. Ползут они, понятно, против ветра, чтобы кенгуру не смог их учуять. Ползти начинают издали и медленно подвигаются к животному. Как только кенгуру насторожится, охотник замирает на месте. Он остается недвижим до тех пор, пока животное не успокоится и не начнет снова рвать и жевать траву. Шаг за шагом ползет охотник, прячась меж кустиков и травы. Наконец, ему удается подползти шагов на 20—30. Тогда охотник бросает копье. Я ни разу не видал, чтобы охотник промахнулся. Копье всегда попадало в цель. Бывали случаи, что охотник так близко подползал к кенгуру, что мог убить его и просто ударом камня, брошенного с расстояния шагов в десять.

Копья, которые употреблялись туземцами при охоте, были немного больше метра длиной. Они делались из тонкого, но твердого дерева.

Наконечник их был каменный или костяной. Металлов туземцы обрабатывать не умели.

Была и другая крупная дичь, за которой охотились туземцы. Это — эму, австралийский страус. На него охота велась из засады. Там, куда эму приходили на водопой, делался из травы шалаш. Охотник прятался в нем, а когда птица подходила близко, убивал ее ударом копья. Самый крупный эму, которого мне пришлось увидеть, достигал почти 2 метров высоты. Крупные кенгуру были почти не меньших размеров.

Змей туземцы убивали просто палками, а птиц — бумерангами, которыми они замечательно искусно владели.

В обычное время туземцы не очень много ели — только в пределах необходимости. Но большие охоты доставляли такое изобилие пищи, что начинались прямо-таки оргии обжорства. После удачной облавы устраивался грандиозный корребори, и тут-то песни и пляски чередовались с едой. Я не поверил бы, если бы не видел много раз собственными глазами, что можно съесть такое количество мяса.

Иногда я охотился на дюгоней, которые нередко встречались в здешних водах. Со своего островка я привез с собой гарпун. Это орудие постоянно привлекало внимание туземцев. Они то и дело трогали руками его наконечник и очень

удивлялись тому, что металл был так холоден. Не меньшее удивление вызывал у них и мой топор.

На охоту я выезжал в сопровождении Ямбы. Туземцы всегда собирались на берегу целой толпой и с большим интересом следили за моими действиями. Охотился на дюгоней я не просто для развлечения. Мне хотелось сделать большой запас сушеного и вяленого мяса. Я не терял надежды, что рано или поздно отправлюсь на своей лодке в цивилизованные страны. Вот для этого-то я и заготовлял мясо. Я построил из бревешек особый сарайчик, куда и складывал свои запасы. Для жилья я построил себе небольшую хижинку по европейскому образцу, с покатой крышей. Перед хижиной сделал навес, под которым постоянно горел костер.

Кстати, туземцы старательно оберегали огонь. Они не допускали, чтобы костры потухали. Даже когда они переходили всем племенем на другое место, они не тушили огня. Женщины несли с собой тлевшие головешки, которые легко было, в случае надобности, раздуть. Очень редко случалось, чтобы женщины давали огню потухнуть. За это их жестоко наказывали. К наказаниям женщины относились очень хладнокровно. Они не пытались убежать, не пытались сопротивляться, а покорно и неподвижно стояли под градом самых зверских ударов пал-

ками. Когда наказание кончалось, женщина уходила и залечивала свои раны, прикладывая к ним землю. Раны заживали быстро, хотя все лечение состояло только в прикладывании к ране земли да кое-каких листьев.

Упомяну заодно и о туземных докторах. Эти люди назывались здесь «рюи». Почти все болезни они лечили усиленным растиранием пораженного места маленькой раковиной. Такой способ лечения напоминал массаж. Растирание производилось сначала по направлению сверху вниз, потом поперек. Впрочем, туземцы болели очень редко, и наиболее распространены были заболевания на почве обжорства, когда после удачной большой охоты или рыбной ловли дикари объедались по нескольку дней подряд.

В таких случаях врач растирал живот пациента так сильно, что нередко стирал кожу до крови. Он давал больному некоторые сорта трав, которые очень помогали в таких случаях. Съесть туземец мог очень много. Я сам видал, как один крупного роста воин съел почти целого кенгуру. Правда, этот кенгуру был небольшой, но все же его мяса хватило бы по крайней мере на 3—4 взрослых людей.

Туземцы были крайне суеверны. Те болезни, которые вызывались непомерным обжорством, они объясняли естественными причинами и прибегали в таких случаях к помощи своих врачей.

Но большинство болезней, например всевозможные лихорадочные заболевания, они приписывали или «злому духу» или чаще всего «дурному глазу» какого-нибудь врага из другого племени, который, из зависти к храброму воину, «испортил» его, «наслал» на него болезнь. Поэтому-то, когда кто-нибудь заболевал, прежде всего поднимался вопрос — не был ли больной кем-нибудь «испорчен». На основании всяких признаков старались определить, кто именно мог «испортить» больного.

Когда выяснялся виновник болезни, снаряжалась целая экспедиция. Она должна была отомстить виновному, а заодно и его племени. Такими же последствиями нередко сопровождалась и смерть воина. Туземцы искали «колдовства» всякий раз, как умирал воин, особенно, если он был молод.

Тело покойника клалось на высокий деревянный помост. Под помостом раскладывалось оружие мертвого. Когда труп уже разлагался и начинал разваливаться на куски, вожди племени и друзья покойного приходили и внимательно рассматривали гниющее тело. Они искали каких-то признаков, по которым можно было узнать, кто «наслал смерть» на умершего. А когда они «узнавали» это, то снова отряд воинов шел мстить.

Поэтому войны между отдельными племенами

почти что не прекращались. Причин было достаточно: там заболел воин, там кто-то умер...

А всякая битва влекла за собой каннибальский пир.

Приблизительно через месяц после моего приезда в эту местность Австралии, я в первый раз был свидетелем каннибальского пиршества. Один из воинов нашего поселения умер. Его друзья, на основании своих наблюдений над разложившимся трупом, решили, что он был «испорчен» и умер от колдовства одного из членов племени, жившего невдалеке от нас. Тотчас же несколько сотен воинов отправились, чтобы отомстить врагам. Те, очевидно, уже узнали о случившемся и поджидали нападения. На одной из полян наш отряд встретил воинов неприятеля.

Здесь мне пришлось ознакомиться со способом ведения войны у австралийских дикарей. Оба отряда остановились на некотором расстоянии друг от друга. Один из наших вождей выступил вперед и начал довольно покойно объяснять противникам причину, вызвавшую наше нападение. Со стороны противника также выступил один из вождей. Этот возражал. Некоторое время вожди разговаривали мирно. Но прошло 10—15 минут, и оба начали горячиться. Поднялась перебранка, ссора, посыпались взаимные оскорбления. Тогда воины увели вождей. Новая пара вождей начала переговоры. И эти постепенно дого-

ворились до криков и ругани. Оскорбления, которые так и сыпались из уст вождей, направлялись, главным образом, против личности покойника. Проклинались и отдельные части его тела — сердце, кишки, голова, проклинались и его родственники, предки, имущество. Проклиналось все, что имело то или иное отношение к покойнику.

Взаимные оскорбления достигли, наконец, крайнего предела. Тогда вождь бросил свое копье в сторону противника. Это было сигналом к битве. Тотчас же началась общая схватка. Дикари не знали никакой военной тактики, каждый из них дрался сам по себе. Через несколько минут наши противники были разбиты на голову и обратились в быстрое бегство. На поле битвы осталось несколько убитых и тяжело раненых. Дикари не знают пощады, и раненые не надеялись на нее. Кто мог уйти, ушел. Наши воины тотчас же добили своими «ввдди», то есть палками с утолщением на конце, всех раненых, которые остались на поляне. Затем трупы были положены на носилки из древесных ветвей и торжественно отнесены в наш лагерь.

Можно было догадаться по многим признакам о том, что готовилось в нашем лагере. Готовилось каннибальское пиршество. Я не мог протестовать или делать какие-нибудь замечания по этому поводу. Я был бессилен.

Женщины вырыли в песке руками три длинные канавы (по числу трупов). Это были печи. В каждую из них положили по трупу, сверху набросали камней и засыпали песком. Затем над всеми этими канавами развели огромный костер, который старательно поддерживался в течение двух часов. Дикари все это время были очень весело настроены, заранее предвкушая, очевидно, удовольствие полакомиться. Наконец, был подан сигнал — огонь был потушен и печи открыты. Я взглянул в одну из канав — труп сильно обгорел, кожа на нем потрескалась, из этих трещин вытекал растопившийся жир...

Как только «печи» были открыты, несколько воинов, громко крича, бросились с копьями в канавы, и каждый торопился отрубить себе кусок от трупа. Я видел матерей, жадно обгрызавших руку или ногу трупа, в то время как их дети с плачем требовали своей доли. Туземцы вырывали друг у друга куски, отнимали их у тех, кто захватил слишком много...

После пира начался большой корреббори. Я не мог присутствовать при нем. Забравшись в свою хижину, я старался поскорее забыть то, что только что видел.

Но довольно об этом! Перейдем к более приятному.

Женщины нашего племени жили между собой довольно дружно. Конечно, иногда бывали и

ссоры. Поводом к ссоре чаще всего служили разговоры о достоинствах и недостатках членов семейств этих женщин. Самым же главным источником ссор было появление в селении новой женщины. Плохо ей приходилось, особенно если она была хоть чуть-чуть красива.

Ссоры между женщинами разрешались очень своеобразным способом. Обе противницы уходили в какое-нибудь уединенное место, неподалеку от становища. Они брали с собой одну палку на двоих. Потом начиналась драка. Одна из женщин нагибалась, а другая ударяла ее из всех сил палкой по голове или между плечами. Не надо забывать, что удар наносился не тросточкой, а тяжелой дубинкой. Хороший удар такой дубиной по голове сразу убил бы белую женщину. Но туземки были крепки. Женщина бодро выносила удар, затем брала у соперницы дубинку и ударяла ее в свою очередь. Таким образом они поочередно били друг друга до тех пор, пока одна из них не падала без сознания. Тогда своеобразная дуэль прекращалась. Победительницей считалась та, которая осталась на ногах. По окончании дуэли вражда между этими женщинами обычно прекращалась, и часто они сами перевязывали друг другу раны.

Теперь я перехожу к описанию случая, имевшего громадное значение в моей жизни. Я уже говорил о своей наклонности к охоте за дюго-

нями. И вот эта-то охота и разрушила все мои надежды добраться морем до цивилизованных стран.

Однажды утром я выехал на охоту, как всегда в сопровождении Ямбы. Туземцы толпой собрались на берегу. Все мое вооружение состояло из одного гарпуна и толстой веревки метров 20 длиной. Ветер был попутный, и лодка быстро понеслась по морю. Когда мы отъехали от берега на несколько километров, я вдруг заметил на поверхности воды какой-то большой темный предмет. Я был уверен, что это — дюгонь. Я встал и бросил гарпун изо всей силы. И вдруг из воды высунулась голова небольшого кита. Тут только я понял, кого ранил мой гарпун. Кит был небольшой, метра 4 длиной. Получив удар, он тотчас же нырнул. Я думал, что моего каната хватит и не стал его резать. Между тем кит вынырнул. Он бил по воде хвостом производя сильное волнение. Потом он бросился вперед, таща за собой нашу лодку.

До сих пор мне не приходила в голову мысль об опасности. Но когда кит остановился, я огляделся и только теперь заметил невдалеке мать этого молодого кита. Она плавала вокруг нас и с каждым мгновением приближалась все больше и больше к лодке. Я хотел перерезать веревку и поскорее отплыть от страшного места. Но опоздал. Кит бросился на лодку. Крикнув Ямбе,

я прыгнул в воду. Мы торопились из всех сил, старались поскорее отплыть от лодки.

Не успели мы отплыть на несколько десятков метров, как сзади раздался треск. Я оглянулся и увидел огромный хвост кита-матери, высоко поднявшийся над водой. По волнам подпрыгивали обломки моей лодки.

Много мыслей пронеслось в тот миг в моей голове.

Я вспомнил и о долгих месяцах, затраченных на постройку лодки, и о неудачном спуске ее в закрытую бурунами лагуну, и об отъезде на ней с островка.

Теперь лодки не было, не было и возможности плыть морем туда, далеко...

До берега было около десяти километров. Я все же ясно видел толпу туземцев на берегу. Они следили за тем, как я управлял лодкой, следили за охотой, видели, значит, и катастрофу. Они торопливо готовили плоты, чтобы плыть мне на помощь.

Между тем кит-мать, разбив в щепки мою лодку, вернулась к своему детенышу и начала с невероятной быстротой плавать вокруг него. Мы тем временем быстро подвигались к берегу. Держались мы все время на поверхности воды, что было не совсем благоразумно. Но море было покойно, а акул мы не боялись, так как были уверены, что сильно плескаясь в воде, отгоним их

шумом. Скоро большой плот с одним из вождей подплыл к нам...

Я был очень рад тому, что мне и Ямбе удалось спастись, но потеря лодки огорчила меня очень сильно. Теперь я не мог уже построить новую лодку: у меня не было материалов для этого. Путешествовать же по морю на плоту — значило итти на верную гибель.

Мой гарпун, очевидно, нанес смертельную рану молодому киту. Взглянув на него с берега, я увидел, что он мертвый колыхался на поверхности воды. Волны несли его к берегу, а мать попрежнему продолжала кружиться около него. Прибой принес китенка на мелкое место. Когда наступил отлив, китенок оказался на обнажившемся песке. Толпа дикарей сбежалась к китенку и подняла такой невообразимый крик, что я чуть было не оглох. Тотчас же были разведены сигнальные костры, дым которого разнес весть о событии по всем соседним становищам.

Это событие еще более усилило веру дикарей в мое «всемогущество». Они были убеждены, что это я, а не прилив, притащил китенка на берег.

Во время следующего корреббори туземные поэты на все лады воспевали этот мой новый подвиг.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КАК ЕЛИ КИТА. — ГОСТИ. — ОХОТА НА ВОМБАТА. — БОРЬБА С КРОКОДИЛОМ. — СТАРЫЕ НАДЕЖДЫ. — ГОРЬКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛАГЕРЬ ТУЗЕМЦЕВ. — ЯМБА. — «ПАСПОРТ».

НИКОГДА я не забуду этого зрелища! После дымовых сигналов, извещавших о поимке «большой рыбы», началось нашествие гостей. Толпы туземцев приходили из соседних местностей. Каждый был вооружен палкой и целым набором ножей из раковин. Пришедшие тотчас же шли к берегу, к китенку. Они копошились около него, резали и рвали, тащили огромные куски мяса и жира. Некоторые из туземцев ухитрялись отрезать куски по 15—20 килограммов весом.

Несколько дней подряд туземцы обжирались китовым мясом. Китенок начал разлагаться, зловоние было слышно даже в становище, а туземцы ели и ели...

Многие объелись до того, что не могли ходить, не могли стоять. Они катались по песку, корчась от боли в кишках и желудке. Туземные врачи получили хорошую практику: больных было хоть отбавляй. Тут же на берегу врачи старательно растирали вздувшиеся животы своих пациентов. Кроме массажа, врачи лечили больных и какими-то листьями. Они скатывали из них шарики и давали эти «пилюли» больным. Действие этих пилюль было замечательное. Предприим-

чивый европеец мог бы нажить на таком «лекарстве» целое состояние.

Выздоровевшие и просто почувствовавшие некоторое облегчение нередко снова возвращались к еде. Они быстро забывали о болях и рези в кишках и опять объедались. К концу третьего дня от немаленького китенка остались одни кости, даже полуразложившееся мясо было съедено. Пир окончился.

Это событие принесло мне кое-какую пользу. Я познакомился с некоторыми соседними племенами и их вождями. Я узнал нравы и обычаи туземцев. Все это могло очень пригодиться мне: ведь я теперь мог только сухим путем добраться до культурных мест.

Между тем Ямба сделала мне небольшую пирогу из коры. Она была около 3 метров длиной, но ширина ее не превосходила $^1/_3$ метра. Вместе с Ямбой я сделал на этой пироге несколько поездок на небольшие островки близь материка. Сооружение этой маленькой лодочки было очень интересно. Сначала Ямба сильно разогрела кору и затем вывернула ее шероховатой поверхностью наружу, так что внутренность лодки была гладкая. Тогда она сшила края коры и покрыла лодку слоем быстро застывающего сока, добытого ею из камедного дерева. Лодка не пропускала воды и казалась как бы хорошо просмоленой. Конечно, эта пирога не могла заменить мне моей

лодки. Прошло несколько времени, прежде чем я научился управлять ею. Это было нелегко. Пирога была очень неустойчива на воде и легко перевертывалась.

Однажды я решил съездить на один из соседних островков и поискать там вомбата. Вомбат — зверок с барсука величиной. Его называют «сумчатым медведем», хотя он и имеет мало общего с нашим медведем. Кожа этого зверка нужна была мне для обуви. Я знал, что на островке много вомбатов, потому что несколько раз видел, как они покидали свои норы на вечерней заре. Как и всегда, меня сопровождала Ямба, мой неизменный товарищ.

Мы скоро достигли островка. Мне, однако, долго не удавалось найти удобное место для высадки на берег. Тогда я повернул лодку к маленькому заливчику, хотя Ямба и отговаривала меня от этого. Когда мы въехали в заливчик, я увидел, что он непроходим для лодки,— настолько он был весь затянут тиной и водорослями. Я вышел из пироги и так и пошел по тине к берегу. Заросли были так плотны, что я не проваливался глубоко в воду. Островок был покрыт богатой растительностью, и я едва пробирался сквозь чащу. Наконец, я продрался сквозь кусты и выбрался на узенькую тропинку, по краям которой кусты стояли сплошной стеной.

Не успел я пройти и десятка шагов по этой

тропинке, как увидел прямо перед собой огромного крокодила. Он тащился по тропинке навстречу мне, направляясь, повидимому, к воде. Нужно было отступать... Увидев меня, крокодил разинул пасть и ляскнул страшными зубами. В первую минуту я так растерялся от страха, что никак не мог сообразить, что мне делать. Обойти крокодила было нельзя, очень уж были густы кусты, сзади — вода...

Тогда я внезапно решился. Я пошел прямо навстречу чудовищу и прыгнул, слегка разбежавшись. Я перескочил через голову крокодила и попал на его чешуйчатую спину. Стоя на спине крокодила, я изо всей силы ударил его топором по голове. Удар был так силен, что топор застрял в ране. Пока я пыхтел, вытаскивая топор из головы крокодила (вы только представьте себе это зрелище: я на спине живого крокодила и вытаскиваю топор из его головы!), Ямба успела подбежать с веслом в руках. Она быстро засунула это весло в раскрытую пасть чудовища. Пока крокодил ворочался и в бешенстве бил хвостом, я успел вытащить топор из раны. Еще несколько ударов, и крокодил был убит. Ямба очень гордилась моим подвигом и, когда мы вернулись домой, со всеми подробностями рассказала это событие своим соплеменникам.

Впрочем, Ямба всегда очень заботилась о том, чтобы внушить туземцам удивление перед моими

талантами. Она была чем-то вроде моего своеобразного курьера. Когда я позднее странствовал, то стараниями Ямбы слава обо мне всегда достигала племени за несколько дней до моего прибытия. Это очень помогало мне. Туземцы встречали меня с большим почетом. Событие с китенком сильно подняло меня во мнении не только одного племени, но и соседних племен. А мой бой с крокодилом привел к тому, что туземцы стали смотреть на меня как на «великого человека». Почтение туземцев ко мне было так велико, что мертвый крокодил был весь изрезан на маленькие кусочки. Эти кусочки население брало на «память» о событии.

Через некоторое время после этого события я решил переселиться на вершину одного холма, лежавшего по другую сторону залива, километрах в двадцати от лагеря туземцев. Мне казалось, что с вершины холма я скорее замечу проходящий невдалеке корабль. Туземцы, которым хорошо были известны мои стремления вернуться к «своему племени», одобрили этот план. Но вместе с тем они предупредили меня, что на вершине холма мне будет гораздо холоднее, чем в низине. Это не остановило меня. В надежде увидеть парус я согласен был и позябнуть. И вот, однажды утром я отправился в путь. Все племя вышло проститься со мной. Я, Ямба и Бруно перебрались на другую сторону залива. Туземцы

провожали нас на своих плотах. Я показал им на холм, на котором собирался поселиться. Туземцы продолжали отговаривать меня от этого места, они говорили, что мне будет холодно, что я соскучусь там один. Но я все-таки решил поселиться на холме. Вместе с Ямбой я построил там жилье. Иногда туземцы навещали нас, но сколько я ни уговаривал их перенести свой лагерь поближе ко мне, они не соглашались.

День за днем я по целым часам напряженно всматривался в море, надеясь увидеть парус. Все было напрасно, парус не показывался. Наконец, я потерял всякую надежду, а к тому же начал сильно скучать без своих друзей-туземцев. Ямба изо всех сил старалась сделать мою жизнь поприятнее. Она раздобывала самой вкусной еды, думая, что это развлечет меня. Но я видел, что ей очень не нравилось жить в этом уединенном месте. Поэтому, несколько недель спустя после переселения сюда, я решил вернуться на старое место — к туземцам. Я собирался прожить с ними некоторое время, а затем отправиться в путешествие. Я хотел пробраться через материк к тем берегам Австралии, где, как я знал, корабли не были редкостью. Туземцы очень были рады моему возвращению. Им хотелось, чтобы я принимал участие в их битвах. Они рассчитывали, что мое участие обеспечит им победу.

Но я всегда отказывался от этого, говоря, что не люблю войны.

Причина этих отказов была простая — я не рассчитывал на свою ловкость. Я не сумел бы так метко бросить копье, как это делали туземцы. Я не умел защищаться щитом, я вообще не умел сражаться. Мое неуменье могло сильно повредить мне в глазах туземцев: ведь они считали меня «все умеющим, все знающим», чуть ли не «всемогущим». Поэтому-то я всегда и отказывался от того, чего не мог выполнить безукоризненно хорошо.

Зато я охотно делал все то, что мне хорошо удавалось. Я был хорошим стрелком из лука и поражал туземцев своей меткой стрельбой из него. Мое ловкое обращение с топором и гарпуном постоянно воспевалось местными поэтами. Но копье метать я не умел. Я не мог даже поучиться этому искусству. Я боялся, что кто-нибудь увидит мои первые неудачные попытки. И без того я несколько раз попал в очень неприятное положение и чуть было не лишился своего влияния. Дело в том, что туземцы не пили воду из реки или источника прямо ртом. Они всегда зачерпывали воду рукой и пили из горсти. И вот я однажды сделал эту грубую ошибку. Я был на охоте, захотел пить и, найдя воду, опустился на колени и стал пить прямо ртом. Вдруг я услышал сзади себя шаги и шопот. Обернувшись,

я увидал несколько туземцев, которые с отвращением смотрели на меня.

— Он пьет, как кенгуру, — говорили они.

Тут на помощь мне явилась Ямба. Она рассказала мне, что пить воду ртом нельзя. Так пьют только звери. По понятиям туземцев, я страшно нарушил правила приличия и благовоспитанности.

— Никогда не делай этого, — закончила Ямба. — Этого нельзя делать!

А время шло и шло. Иногда я предпринимал вместе с Ямбой небольшие путешествия вглубь материка. Я подготовлялся к тому большому путешествию, которое давно задумал. Ямба знала мои планы и обещала всюду следовать за мной. Она даже соглашалась последовать за мной на мою родину.

— Я пойду с тобой, куда хочешь. Твой народ будет моим народом, — говорила она мне.

Наконец я решился. Я распрощался — тогда я думал, что окончательно,— с племенем Ямбы. Туземцы знали, что я ухожу далеко. Они считали мое желание вернуться к своему народу вполне понятным и естественным. Как и я, они были уверены, что мы прощаемся навсегда. Наше прощанье было очень торжественно. Отряд туземцев провожал меня километров на сто от лагеря. Наконец, я, Ямба и Бруно остались одни. Нам предстояло тяжелое путешествие, и только, с помощью

Ямбы я мог рассчитывать его благополучно закончить. Один я, как и любой европеец, вряд ли смог бы пройти через ту пустыню, которая расстилалась впереди.

Прежде чем проститься со мной, туземцы снабдили меня, так сказать, туземным «паспортом». Это была небольшая палочка с какими-то нарезками на ней. Эта палочка-паспорт очень пригодилась мне как средство завязывать самые дружеские отношения с различными племенами. Иногда, правда, она оказывалась и излишней, так как туземцы лично провожали меня к вождю следующего племени, жившего по направлению моего пути.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕХОД В ПУСТЫНЕ. — МЫ В ОТЧАЯНИИ. — НАШИ МУЧЕНИЯ. — САМООТВЕРЖЕННОСТЬ ЯМБЫ. — ЧУДЕСНОЕ ДЕРЕВО.

СНАЧАЛА местность, по которой мы проходили, была холмиста и богата лесами. Деревья в этих лесах были очень высоки, нередко достигая 40 и даже 50 метров высоты. Главная пища наша состояла из кореньев, змей и различных мелких видов двуутробок. Но по мере того, как мы подвигались все дальше к востоку, характер местности все более изменялся. Часто Ямба не могла найти кореньев, необходимых для пищи. Коренья-то были, но Ямба не знала, можно их

есть или нет. Ведь не могла же она знать растительность всей Австралии, а тут, где мы шли, растения были иные, чем на родине Ямбы.

Иногда Ямба становилась просто втупик, как и какую пищу раздобыть для нас. В таких случаях мы оставались на несколько дней в ближайшем лагере туземцев, и тут женщины указывали Ямбе лучшие способы отыскивания и приготовления кореньев, употребляющихся в пищу в той или иной местности. Не всегда мы понимали язык нового племени. Тогда мы прибегали к языку знаков, который был, повидимому, одинаков у всех племен Австралии.

День проходил за днем. Мы без устали шли вперед и вперед, держась все время восточного направления. Направление мы узнавали по положению солнца и всяким приметам: расположению листьев на дереве, норам зверьков и т. д.

Наконец, холмистая местность осталась позади. Мы вступили в громадную пустыню, покрытую красным песком, который так пылил, что мы почти задыхались. Пища становилась все более скудной. Настал день, когда, кроме нескольких кореньев, нам нечем было пообедать. Мы двигались все дальше и дальше по этой бесплодной местности, покрытой низкорослой колючкой. Эти колючие растения были большим злом для нас. Они страшно царапали нашу кожу.

Местность сделалась совершенно безводной.

Ямба была в отчаянии, что не может досыта накормить меня. К счастью, по ночам выпадала довольно обильная роса, и на листьях травы, на лезвее моего топора накоплялось немного влаги. С какой жадностью собирал я драгоценные капли росы с моего топора! К утру я чувствовал себя немного освеженным и мог кое-как двигаться дальше. Ямба страдала от недостатка воды меньше, чем я. Тут сказывалась не только ее привычка к житейским трудностям, но и большая выносливость туземцев Австралии. Я, европеец, не мог в этом соперничать с ними.

Уже десять дней находились мы в этой ужасной, покрытой колючками, пустыне. Восемь дней мы не пили. Мы шагали по бесконечным пескам красноватого цвета, кое-где поросшим колючей травой. Мы все еще шли прямо на восток, хотя Ямба и советовала мне уклониться немного к северу. Она говорила, что там мы скорее доберемся до воды.

К этому времени сильная жажда начала доводить меня почти до безумия. Я, как ребенок, просил у Ямбы воды, но она не могла достать ее. Ямба придумывала массу всяких способов, чтобы хоть немного облегчить мои страдания. Когда я громко стонал, мучаясь жаждой, она давала мне жевать какую-то траву. Трава не была сочна, но она вызывала такое сильное выделение слюны, что несколько облегчала меня.

Чем дальше, тем хуже. Я страдал все больше и сильнее. Всю ночь просиживала около меня Ямба, смачивая мои губы росой, которую она собирала с травы и лезвея топора.

На пятнадцатый день мои мучения стали нестерпимы. Я то и дело терял сознание. Я не только не мог итти или стоять, я не мог говорить, не мог глотать. Глотка моя, казалось, сжалась. Когда я открывал глаза, все вокруг меня кружилось с невероятной быстротой. Сердце мое усиленно билось, а голова отчаянно болела... Мной овладело желание убить Бруно и напиться его крови. Бедный Бруно! Когда я пишу эти строки, то мне кажется, что я вижу его. Он лежит около меня в той необозримой дикой пустыне, высунув язык и жалобно глядя мне в глаза.

Я становился все слабее и слабее. Чувствуя, что умираю, я подполз к дереву и прислонился к нему головой. Ямба пыталась помочь мне. Она совала мне в рот мелко накрошенное мясо ящерицы, я не мог глотать. Тогда она прошептала мне, что пойдет искать воды. Словно сквозь сон я вспоминаю, как она говорила, что видела несколько пролетевших птиц. Там, куда полетели птицы, она надеялась найти воду.

Я не мог уже говорить, не мог отвечать ей. Я не надеялся дожить до ее прихода. Я показал Ямбе на топор и знаками просил ее, чтобы она прекратила мои мучения — убила меня. Ямба

печально взглянула на меня, приподняла, прислонила к дереву и быстро ушла. Я остался вдвоем с Бруно.

Это было уже после полудня. Я лежал под деревом. Час проходил за часом. Временами я бредил, и тогда мне казалось, что Ямба льет мне в рот целые струи воды. Наступила ночь. Сильная роса покрыла траву, покрыла то место, на котором я лежал, покрыла меня. Я почувствовал себя немного легче. Вскоре я заснул тяжелым сном...

Голос Ямбы разбудил меня. В руках она несла большой лист, на котором было собрано около стакана воды. Можете себе представить, с какой жадностью я выпил эту воду. Понемногу я пришел в себя. И только теперь я смог взглянуть на дерево, под которым лежал. Это было бутылочное дерево. И я пролежал под ним чуть не сутки, мучаясь от жажды. Если бы я знал это вчера!

Я шопотом сказал Ямбе, чтобы она рубила дерево. Ямба не понимала, зачем это нужно, но она послушалась. Скоро она прорубила в его коре глубокую дыру. Еще несколько ударов, и из дерева закапала вода. А потом потекла тоненькая струйка. Вода — холодная, чистая вода!

Ямба быстро приподняла меня и подставила мою голову под струйку воды. Это очень освежило меня, и через несколько минут я уже мог говорить. Но все же я был еще очень слаб и вскоре снова заснул.

Бутылочное дерево замечательно именно тем, что в его стволе много воды, которую оно натягивает корнями, очень глубоко уходящими в землю. Из ствола этого большого дерева всегда можно добыть некоторое количество воды. Не раз оно спасало жизнь путешественникам. Спасло оно ее и мне.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРОБУЖДЕНИЕ. — ПЕРЕХОД НА ДРУГОЕ МЕСТО. — ЗМЕИ-БАРОМЕТРЫ. — ПОТОП. — ОПЯТЬ В ПУТИ! — РЕЧНЫЕ ПОРОГИ. — РАЗЛИВ. — НЕПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

ПОКА Я СПАЛ, Ямба, захватив с собой Бруно, отправилась на поиски пищи. Вскоре ей удалось поймать небольшую двуутробку, которую она тотчас же изжарила на костре. Когда я проснулся, жаркое уже было готово. Сон подкрепил меня, и я смог немного поесть. Вода у нас также была. Бутылочное дерево снабжало нас ею, если и не в изобилии, то все же в достаточном количестве.

Ямба очень удивлялась этому дереву. Оно не росло на ее родине, и она впервые с ним встретилась. Поэтому-то она и не знала, что из него можно добыть воду, а ушла искать ее в пустыню.

Когда я несколько оправился от болезни, Ямба сказала мне, что в предыдущую ночь она нашла недалеко от нашего привала впадину

с водой. Туда она и звала меня перебраться. Впадина с водой оказалась не очень далеко, и я смог до нее добраться. У этой впадины мы провели несколько дней, готовясь к дальнейшему странствованию по пустыне. Надо, впрочем, сознаться, что вода во впадине была не особенно привлекательна на вид — грязно-зеленого цвета. Все же мы выпили ее всю без остатка. Ямба и тут поразила меня своей сообразительностью. Около впадины она вырыла канавку. Затем она проткнула палку сквозь ту узенькую полоску земли, которая разделяла канавку и впадину. Когда нам хотелось пить, мы вынимали палку и сквозь отверстие просачивалась струйка чистой воды.

Около впадины с водой постоянно были птицы. Они прилетали сюда на водопой. Ямба убивала их, и они служили приятным добавлением к нашему обеду. Несколько дней провели мы у этой впадины, отдыхая после тяжелого пути. Затем мы отправились дальше.

Через несколько дней пути мы добрались до местности, очень богатой растительностью. Тут были большие леса, много воды. Но странно — животных было очень мало. Вскоре я заметил, что Ямба начала как-то беспокоиться. Когда я спросил ее о причинах этого, она ответила, что ее смущает отсутствие животных.

— Мы давно не видели кенгуру. Людей нет. Скоро пойдут дожди, — говорила она.

Тогда мы решили изменить направление нашего пути и пробраться в более возвышенную местность. В течение нескольких дней мы шли прямо на север и, наконец, добрались до берега большой реки. Перебраться через реку было трудно. Мы остановились на отдых на берегу.

Прогуливаясь неподалеку от берега, я увидел множество маленьких змеек, прямо кишевших около дерева. Я хотел убить несколько штук, но Ямба удержала меня. Она просила не трогать этих змей и последить за ними. Змейки одна за другой всползали на дерево, поднимались все выше и выше по ветвям. Тогда Ямба, все время внимательно наблюдавшая за этими змейками, сказала мне, что это предвещает скорое наступление дождливого периода.

— Я просила тебя не трогать их. Нужно было глядеть — полезут они на дерево или нет. Перед большим дождем они лезут на деревья. Внизу будет много воды...

Несмотря на предсказания Ямбы, незаметно было, что дожди близки. Никаких признаков перемены погоды не было. Очевидно, много времени прошло с последних дождей — реки обмелели, земля вокруг была суха, трава выжжена. Но вот однажды появился признак начала дождей. Во время одной из прогулок мы услыхали какой-то далекий рев и гул. Постепенно шум этот становился все сильнее и сильнее. Я не понимал,

что это. Потом река взволновалась, волны в ней неслись все быстрее и быстрее. Уровень воды заметно повысился. Прошел день, и вода в реке так прибыла, что стояла вровень с берегами. Очевидно, там, за холмами, уже шли дожди.

Пускаться в дорогу было нельзя. Мы построили небольшую хижинку на холме и решили пережидать дождливое время.

Постройка хижины не потребовала много времени. Мы загнали в землю несколько кольев, а промежутки заделали корой, которую укрепляли стеблями вьющихся растений. Ко времени начала «потопа» у нас было готово жилье. Но мы не сидели в хижине целыми днями. Мы ходили на охоту, за кореньями. Проливной дождь, мочивший наши обнаженные тела, мало смущал нас. Наоборот, мне нравились эти постоянные дождевые ванны. В это время стол наш обогатился еще двумя блюдами — плодами пальм и медом диких пчел.

Когда дождливое время подходило к концу, мы принялись за сооружение хорошего прочного плота. Я намеревался отправиться вниз по реке, как только вода немного спадет. Несколько стволов легкого дерева мы скрепили крепкими клиньями, а потом все это перевязали лианами и ремнями из кожи двуутробок и кенгуру. Покончив с плотом, мы начали готовить запасы пищи. Особенно много мы набрали различных

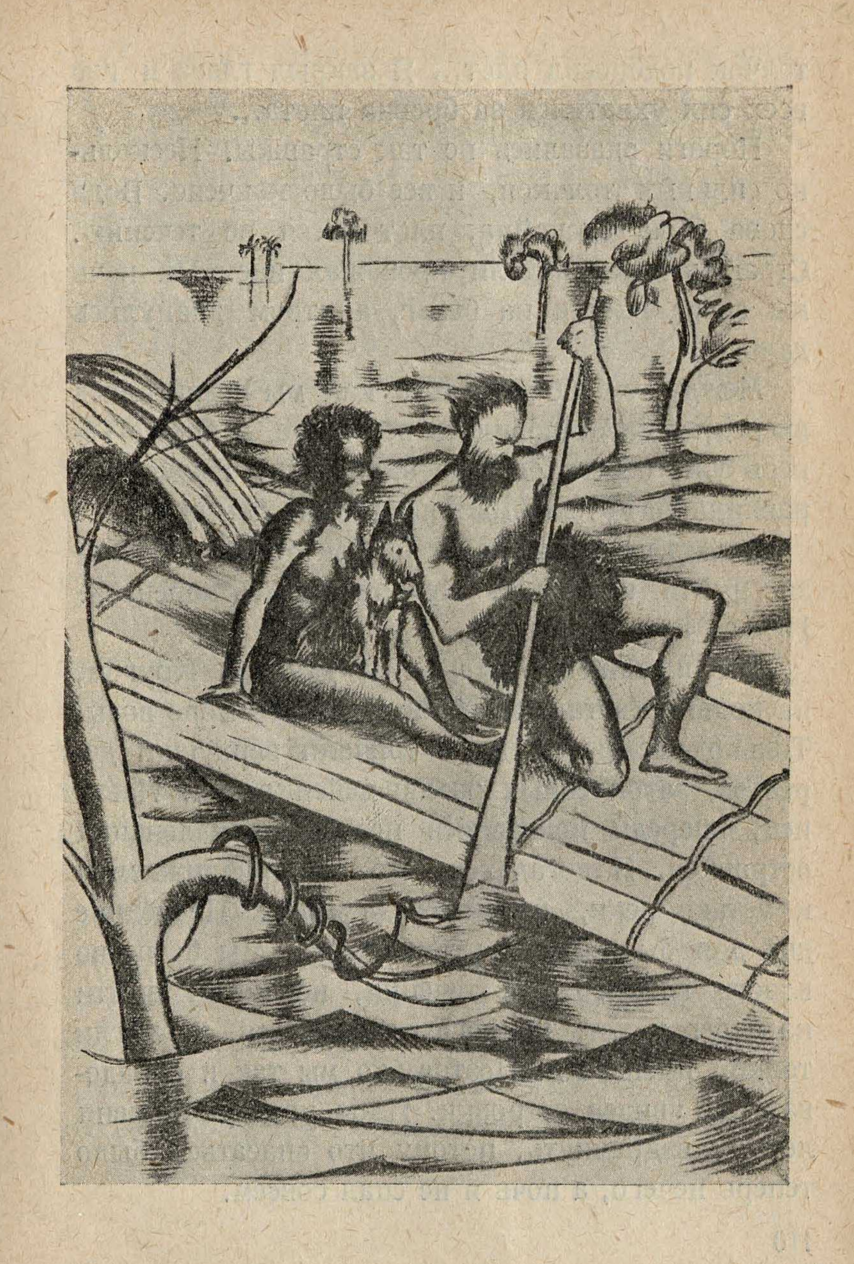
кореньев и плодов. Все эти приготовления заняли у нас не один день.

Наконец, все было готово. Погода установилась, можно отправляться. Мы захватили на плот несколько больших кусков коры, чтобы устроить на плоту шалашик для себя и собаки.

Как только плот попал в русло реки, его понесло течением. Нам не нужно было грести; вся наша работа заключалась в том, чтобы направлять плот. Течение несло нас так быстро, что я готов был ехать всю ночь напролет: ведь река впадала в море, а на море мог встретиться корабль... Все же Ямба уговорила меня остановиться на ночлег.

Река сильно разлилась и затопила все окрестности. Мы проезжали мимо затопленных деревьев, на ветвях которых то и дело виднелись змеи. Мы ловили их и ели. На второй день плавания, приблизительно около полудня, мы услышали страшный рев впереди. Очевидно, нас ждала встреча с порогами или водопадами. Обойти опасное место было невозможно. Течение так несло нас, что свернуть в сторону не удавалось. Плот несся вперед, к порогам. Тогда Ямба закричала мне, чтобы я лег на плот в растяжку и изо всех сил держался. Сама она также легла, придерживая одной рукой собаку.

Пороги приближались. Вода запенилась, то тут, то там она кипела словно в котле. Страшный

толчок подбросил плот... Я закрыл глаза и изо всех сил ухватился за бревна плота...

Пороги оказались не так страшны. Несколько сильных толчков, и все было кончено. Вода снова была спокойна, плот несся по течению. Страшный рев издали провожал нас. На ночь мы снова вышли на берег, а утром двинулись дальше.

Между тем, по мере того как мы подвигались вперед, река становилась все шире и шире. Теперь уже берега ее едва виднелись. Низменная равнина, по которой мы плыли, была залита водой.

— Это нехорошо, — говорила Ямба. — Нельзя выйти на берег. Нельзя нарыть кореньев. Нельзя итти на охоту...

Мы плыли все дальше и дальше. Кругом, насколько хватал глаз, расстилалось море воды. Только кое-где из воды торчали верхушки деревьев, затопленных разлившейся рекой. Наконец, впереди показалось несколько маленьких островков. Я догадался, что мы приближаемся к устью реки, что впереди море. Последние два дня были очень утомительны. Мы были во власти несшего нас течения, не могли выйти на берег и хоть немного поразмяться, не могли толком выспаться. Поэтому-то мы так и обрадовались, увидев островки. Ямба уговорила меня лечь и вздремнуть, потому что опасаться было теперь нечего, а ночь я не спал совсем.

Я крепко заснул... Когда я проснулся часа два-три спустя, то увидел, что плот стоит. Я быстро вскочил и осмотрелся. Плот был окружен кольцом деревьев, росших на затопленном островке.

— Что? — спросил я Ямбу. — Дальше не проберешься?

— Посмотри туда, — ответила она.

Можете себе представить мой испуг, когда я, взглянув в сторону деревьев, увидел целую кучу крокодилов. Они глядели на нас сквозь торчащие из воды ветви деревьев, щелкая страшными челюстями. Крокодилов было много, и они были голодны.

Ямба рассказала мне, что она нарочно загнала плот в эту чащу ветвей. На реке было слишком много крокодилов, и она боялась их нападения. Плот кое-как прошел сквозь чащу ветвей, а потом ветви сдвинулись. Получилась загородка, сквозь которую крокодилам было трудно добраться до нас.

Положение было не из приятных. На хрупком плоту, кое-как сколоченном из бревен, со скудным запасом пищи, мы были осаждены множеством крокодилов. И мы не знали, сколько времени протянется эта осада. Бруно был так напуган, что весь дрожал и жался к нам. Да и я сам боялся не меньше Бруно...

Проходил час за часом. Мы сидели на покачивающемся плоту, смотрели на крокодилов и ждали...

В сумерках я хотел было попробовать прорваться сквозь кольцо крокодилов, но Ямба отговорила меня. Она настойчиво твердила, что такая попытка приведет нас к смерти.

Наступила ночь.

Какими словами описать ужас этой ночи?

Даже теперь, много лет спустя, мне кажется, что я слышу дикие звуки, которые издавали эти чудовища, слышу их возню в ветвях и тихое журчанье воды. Кругом вода, плот и крокодилы.

Часто в течение этой ночи я был в полном отчаяньи, я не надеялся на спасение. Но к утру крокодилы начали понемногу уплывать. Им, очевидно, надоело ждать. Через некоторое время, когда последний из крокодилов скрылся из виду, мы осторожно вывели плот на чистую воду. Мы не поплыли далеко. Напротив был небольшой островок. Там мы и устроились. На островке оказалось много птиц, и Ямба быстро приготовила прекрасный обед. Поев, мы тотчас же улеглись спать.

На другой день мы подъехали к новому острову. Он был заселен. При нашем приближении над островом поднялись столбы дымовых сигналов.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НЕДРУЖЕЛЮБНЫЙ ПРИЕМ. — ДИКАРЬ, ГОВОРЯЩИЙ ПО-АНГЛИЙСКИ. — НАКОНЕЦ КОРАБЛЬ.— РАЗОЧАРОВАНИЕ.—СНОВА СРЕДИ ТУЗЕМЦЕВ.— ПОКИНУТОЕ ПОСЕЛЕНИЕ БЕЛЫХ. — ЛИХОРАДКА.

Когда мы подъехали к острову, то увидели большую толпу дикарей, собравшихся на берегу. Их намерения были далеко не дружелюбны. Все они с угрожающим видом махали копьями. Я встал на ноги и знаками начал показывать им, что хочу начать переговоры и остановиться у них на острове. Тогда они опустили копья. Мы вышли на берег. К величайшему моему разочарованию, я и Ямба ни слова не могли понять из речи этих дикарей. Они говорили на каком-то незнакомом нам языке.

Наша первая встреча сопровождалась обычной церемонией. Мы медленно подвигались навстречу друг другу, а когда сошлись вплотную, то потерлись носами. После этого приветствия, я объяснил знаками, что хотел бы несколько дней провести на острове, и передал им свою палочку-паспорт. Палочка подействовала, туземцы сразу изменили свое отношение ко мне, сделались гораздо дружелюбнее. Тогда я начал объяснять им, что ищу белых людей. Они ответили, что мне нужно для этого ехать дальше на юг. Потом они повели нас в свой лагерь, накормили и снабдили нас запасом провизии: плодами и ко-

реньями, рыбой и улитками. Кенгуру и других двуутробок на этом острове не водилось.

Я пробыл на этом острове два-три дня и решил ехать дальше. Туземцы ничем не могли помочь мне в моих поисках. Они старались уговорить меня ехать на юг, но мне не хотелось делать это. Я знал, что на севере должен находиться мыс Иорк, и рассчитывал добраться до него. Я собирался ехать морем, и туземцы подарили мне пирогу, очень, впрочем, ненадежную, выдолбленную из ствола дерева. Дальше мы ехали уже в этой пироге, но старались не терять из вида берега:— пирога была ненадежна. Много прекрасных островков встречалось на нашем пути. На некоторых мы останавливались, чтобы отдохнуть и запастись провизией. На одном из островков я нашел несколько рисунков, высеченных туземцами на скале. Рисунки изображали людей и животных. Они были очень грубы. Мне приходилось потом видеть лучшие в области мыса Лондондери.

Время от времени мы останавливались у материка и вступали в сношения с вождями различных племен. Все они относились к нам сначала враждебно. Раз, помнится, я встретил одного или двух туземцев, которые знали несколько английских слов. Я спросил их, не знают ли они, где здесь можно встретить белых. Они указали на восток, уверяя, что мыс Иорк лежит там, и что

белые живут очень далеко, на расстоянии нескольких месяцев пути от них. Но я был уверен, что мыс Иорк лежит на север, и продолжал придерживаться этого направления.

Долго плыли мы без всяких особых приключений. Целый день мы гребли, держась постоянно в виду берега, а на ночь выходили на берег. Ели мы яйца морских птиц и улиток. День за днем продвигались мы вперед, заходя в каждую бухточку, осматривая каждый островок. Никого мы не встречали. Должно быть, мы находились еще за много сотен километров от того места, к которому стремились. Ямба начала заметно грустить и волноваться.

— Ты ищешь страны, которой нет, — говорила она мне. — Ты ищешь друзей, которых никогда не видал.

Я не уступал ей. Я уговаривал ее, просил еще немного потерпеть.

— Подожди немного. Мы найдем друзей. Вот еще несколько дней...

Однажды утром, когда мы огибали небольшой мыс одного острова, я вдруг увидел у самого берега мачты какого-то судна. Это было между материком и Куковым проливом. Сначала я оцепенел от радости, а затем быстро вскочил на ноги.

— Ура! Ура! — закричал я. — Корабль! Мы спасены!

Я повернул лодку и начал грести к кораблю.

Через несколько минут мы были уже подле него. Судно стояло почти на сухом месте: было время как раз самого отлива. На судне никого не было. Тут же на берегу, недалеко от судна, виднелась небольшая хижинка. Я направился к ней. Здесь тоже было пусто, хотя около хижины и валялось множество костей рыбы. Пока мы с Ямбой осматривали хижину, вдруг появилась целая толпа малайцев. От них я узнал, что судно принадлежит им, и что они приехали сюда на рыбную ловлю.

Рыболовы были очень удивлены, увидев меня и Ямбу. Но когда они узнали, что я немного говорю на малайском языке, они пришли в восторг и пригласили нас к себе на судно. Они рассказали мне, что приехали сюда с голландских островов, лежащих к югу от Тимора. Они вскоре должны были отправиться в обратный путь. Тут они сделали мне предложение, которое заставило мое сердце усиленно забиться. Они позвали меня с собой, а вместе со мной соглашались захватить и Ямбу. К моему разочарованию и горю, Ямба отказалась ехать вместе с малайцами. Она вся дрожала от страха и уверяла меня, что малайцы нас убьют, как только мы отойдем от берега.

Долго я старался убедить Ямбу изменить свое решение. Но она твердо стояла на своем. Я не мог покинуть Ямбу, ведь она была моей спасительницей. Я отказался от предложения

малайцев, я отказался от возможности вернуться на родину!..

Вместе с малайцами мы провели несколько недель. А потом они проводили меня в лагерь туземцев, которые жили подле небольших лагун, не особенно далеко от стоянки малайцев. Перед отъездом малайцы оставили нам множество рыбы и морских раковин, из которых Ямба вынимала улиток и варила из них великолепный суп.

Вождь туземного племени, к которому меня проводили малайцы, недурно говорил по-английски. Одна из жен его знала даже небольшой английский стишок, который она бойко произносила, хотя, повидимому, и мало понимала то, о чем говорила. «Капитан Джек Дэвис», как называл себя этот вождь, служил несколько времени на одном из английских кораблей. Он сообщил мне, между прочим, что недалеко от бухты Раффлей (так называлось место, где жили эти туземцы) есть остатки европейского поселения, и согласился проводить меня туда. Сначала вождь показал мне место в бухте Раффлей, на котором раньше тоже было поселение — форт Веллингтон. Я нашел там несколько больших фруктовых деревьев, ягодные кусты. Затем мы отправились к другому поселению. Я знал, что оно брошено, но все же надеялся встретить там коголибудь из поселенцев. Можете себе представить, как велико было мое разочарование, когда мы

добрались до этого поселения — остатков форта Эссингтон.

Я увидел угрюмую, покрытую множеством болот и совершенно необитаемую местность. Кое-где виднелись развалины домов, остатки садов и огородов. Туземцы рассказали мне, что это было одним из мест ссылки преступников. Так как местность была крайне нездорова, то форт давно покинут. Нам довольно часто попадались могилы, в которых, очевидно, были зарыты ссыльные поселенцы.

Местность была богата плодовыми деревьями, остатками бывших здесь когда-то садов. На болотах стаями перелетали утки и другие водяные и болотные птицы. Я видел несколько стай черных лебедей. Птицы было так много, что когда стаи их кружились над болотом, едва можно было разглядеть небо, так густы были эти стаи. Туземцы ловили этих птиц очень простым и занятным способом. Охотник залезал в воду по самую шею. Голову он прикрывал себе чем-нибудь зеленым: пучком камыша, ветвями, травой. Он стоял неподвижно и ждал... Когда утка подплывала к нему близко, он под водой хватал ее за ноги и утаскивал под воду. Там он держал птицу до тех пор, пока она не задыхалась. Под водой же он подвязывал ее к поясу и снова ждал добычи. Этим способом за короткое время можно было наловить массу птиц.

Очень уж много было их на здешних озерках и болотах.

Пробыв около двух недель на развалинах форта Эссингтон, мы снова вернулись в бухту Раффлей. «Капитан Дэвис» говорил, что иногда к ним заходят случайные корабли, и что, возможно, какое-нибудь судно из порта Дарвина и зайдет сюда. Поэтому я решил поселиться здесь и ждать. Местные туземцы к тому же знали многое о европейцах, и я был уверен, что со временем смогу собрать много полезных для себя сведений.

Не пробыл я здесь и нескольких дней, как заболел лихорадкой. Заразился я ею, вероятно, еще в порте Эссингтон, где иногда целые часы проводил в воде, в болотах. Никакие средства не могли прекратить жесточайшего озноба. Ямба перепробовала все. Я слабел и слабел, и к концу недели впал в сильный бред. Туземцы лечили меня всякими местными средствами — разными листьями и пилюлями. Но ничто не помогало, мне становилось все хуже и хуже. Я не узнавал теперь даже Ямбы.

Наконец лихорадка начала понемногу ослабевать, бред прекратился.

Я поправлялся, но был так слаб, что едва мог шевелиться.

По беспомощности я не уступал маленькому ребенку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ОХОТА НА БУЙВОЛА. — РЕДКОЕ БЛЮДО. — СЛЕДЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ. — ОПЯТЬ В ДОРОГЕ.

Я ПОПРАВЛЯЛСЯ очень медленно. Острая форма болезни прошла, но припадки озноба продолжались и страшно меня изнуряли. Во время этих припадков мне, сам не знаю почему, очень хотелось молока. Туземцы говорили, что в окрестностях встречаются буйволы. Их развели здесь белые поселенцы, а после того как они покинули эти места, часть буйволов одичала. Я тотчас же решил, что как только немного окрепну, постараюсь поймать и приручить буйволицу. Вот тогда-то у меня будет молоко!

Действительно, однажды мы с Ямбой отправились на охоту. Вскоре Ямба нашла следы буйволов около озера, лежавшего невдалеке от моей хижины. Мы взобрались на дерево и там поджидали будущую добычу. Ждать пришлось долго. Наконец мы заметили большую буйволицу с теленком, которая медленно и спокойно шла прямо к нам. Все мое вооружение состояло из лука со стрелами и лассо, сделанного из кожи кенгуру. Увидя животных, я осторожно спустился на землю и затаился в кустах. Как только теленок подошел достаточно близко, я набросил на его шею петлю. Мать не понимала, что случилось с теленком, она бродила возле него и жалобно мычала.

Ямба, видя, как я удачно справился с теленком, также спустилась с дерева и хотела подойти ко мне. Вдруг огромный буйвол, как-то незаметно подошедший, бросился на нее со всех ног. Ямба поняла, что ей угрожает большая опасность. Она быстро подбежала к дереву и вскарабкалась на него. Буйвол ревел около дерева и мотал рогатой головой. Я крикнул Ямбе, чтобы она как-нибудь отвлекла внимание буйвола, пока я справлюсь с теленком и его матерью. Я подвязал к своему лассо толстую и длинную палку, а затем выпустил лассо из рук. Теленок зашагал, волоча за собой лассо с палкой. Палка вскоре зацепилась за пни, лассо запуталось между корягами, и теленок оказался на привязи. Буйволица не отходила от теленка, она кружилась около него, жалобно мычала и как бы звала теленка с собой.

Устроив свои дела с теленком, я направился к Ямбе, которая все время старалась привлекать к себе внимание буйвола. Она махала руками и визжала сидя на дереве, а буйвол, разъяренный всем этим, с громким ревом взрывал ногами землю у основания дерева. Я уже наложил стрелу и готов был спустить ее, как буйвол услыхал мои шаги. Он повернулся и бросился прямо на меня. Минута была ужасная, но я не растерялся. Я знал, что смело могу положиться на свою меткую стрельбу из лука. Я спокойно выжи-

дал, пока буйвол не подбежал ко мне совсем близко, и тогда пустил стрелу. Она попала ему в правый глаз. Буйвол присел на задние ноги и страшно заревел от боли. Ямба в это время спустилась с дерева. Буйвол заметил ее и бросился к ней. На этот раз Ямба не полезла на дерево, а просто укрылась за его стволом. Я сделал несколько шагов и взмахнул луком. Буйвол снова бросился ко мне. И на этот раз я выждал и пустил вторую стрелу, когда буйвол подбежал ко мне совсем близко. Я попал теперь в левый глаз буйвола, животное было ослеплено.

Буйвол остановился и стал пятиться назад. Он громко ревел от боли. Схватив топор, я подбежал к нему и ударил его по голове. Бык зашатался. Еще два-три сильных удара, и буйвол был убит.

Между тем наша буйволица все еще продолжала ходить вокруг теленка. На следующий день мы устроили небольшой сарайчик из веток и жердей и загнали ее туда. Два дня мы продержали буйволицу в сарайчике без еды и питья, чтобы этими мерами усмирить ее. И правда, поголодавшая буйволица присмирела: когда мы вошли к ней, она взяла из рук еду, питье и ничем не проявляла свой дикости. Я смог даже подоить ее. Никогда в жизни мне не приходилось пробовать такую вкусную вещь, как молоко этой буйволицы. Несколько дней я только им и питался и заметно окреп.

Туземцы, узнав что мне удалось убить буйвола, прониклись ко мне большим уважением и стали считать меня за великого охотника. Они сами часто пробовали убить буйвола своими копьями, но им никогда это не удавалось. Мясо убитого мной животного я отдал туземцам, а кожу оставил себе — она могла мне пригодиться.

В бухте Раффлея я прожил еще месяца три-четыре. Все это время я чувствовал себя прекрасно, был попрежнему крепок и силен и почти все дни проводил на охоте. «Капитан Дэвис» за это время успел рассказать мне, что в трех-четырех милях отсюда находится порт Дарвин, где нередко можно встретить белых людей. Я часто разговаривал об этом с «Дэвисом», и он не переставал меня обнадеживать. Однажды он указал мне на дерево, стоявшее недалеко от его лагеря. На этом дереве была вырезана следующая надпись:

ЛЮДВИГ ЛЕЙЧАРДТ,

ПРИБЫВШИЙ СУХИМ ПУТЕМ ИЗ СИДНЕЯ

1847 г.

Значит, эта местность действительно посещалась белыми; по крайней мере, один из них здесь побывал. Из надписи было видно, что он добрался сюда сухим путем. Это снова навело меня на мысль попробовать сухопутное странствование. «Дэвис» уверял меня, что один из здешних ту-

земцев служил проводником Лейчардту, который в порте Эссингтон сел на корабль. К сожалению, этого проводника-туземца давно не было в живых.

Пораздумав над всем этим, я решил попытаться достичь порта Дарвин, рассчитывая найти там европейцев. И вот, сделавши все необходимые приготовления, Ямба, Бруно и я вновь пустились в плавание на нашей пироге. Мы попрежнему старались держаться поближе к берегу. Путешествие началось вполне благополучно. Мы пробрались через пролив Анслея, минуя огромный Вандименов залив с разлившимися реками и заливчиками. По расчету мы были уже вблизи порта Дарвин, как разразилась буря. Нашу пирогу понесло волнами в открытое море по направлению к юго-западу. Маленькая наша лодченка была мгновенно залита водой. И я и Ямба выскочили из нее в море и, уцепившись за один конец пироги, приподняли другой высоко над водой. Этим мы помешали пироге переполниться водой. Гибель пироги была бы ужасна для нас. Ведь в ней была вся наша провизия, собака, разные вещи. Между тем наступила ночь. Это была одна из самых тяжелых ночей, какие мне приходилось переживать.

Громадные волны вздымались кругом нас, подбрасывали нас на своих гребнях. Мы скоро очень устали и едва могли держаться за края

пироги онемевшими пальцами. Но взобраться в пирогу было нельзя. Всю ночь мы провели в бушевавших волнах, держась за пирогу. Несколько раз я готов был выпустить край пироги из рук, но Ямба ободряла меня, уговаривала потерпеть еще немного. К утру она упросила меня влезть в пирогу и немного отдохнуть, а сама осталась в воде.

Целый день нас носило по волнам. Мы не имели ни малейшего представления о том, где находимся.

Наконец буря начала стихать. Прошло еще несколько часов, и море успокоилось. Когда мы немного отдохнули, то решили, что материк должен находиться к юго-востоку, и принялись грести в этом направлении.

Через несколько часов мы увидели маленький скалистый островок, к которому и причалили. Пищи на островке было множество, птицы летали стаями.

Мы прекрасно выспались и утром тронулись дальше, снова заходя во все бухточки и заливы. Море в этих местах было покрыто островками. Каждый вечер мы приставали к какому-нибудь из них и проводили ночь на берегу.

Погода стояла прекрасная. Я продолжал надеяться, что буря отнесла нас не очень далеко в сторону, и рассчитывал не сегодня-завтра увидеть порт Дарвин.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

РАДОСТЬ ЯМБЫ. — СТРАШНЫЙ УДАР. — РАДУШНЫЙ ПРИЕМ. — Я — ВОЕНАЧАЛЬНИК ЛЮДОЕДОВ. — ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БИТВЕ. — НА ХОДУЛЯХ .— ВЕЛИКОДУШИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

ОДНАЖДЫ вечером, спустя несколько дней после бури, мы медленно продвигались вперед, лениво шевеля веслами. Вдруг я заметил, что лицо Ямбы расплылось в радостную улыбку, а глаза так и загорелись. Никогда еще я не видал на лице Ямбы такого радостного выражения. Она смотрела на небо и улыбалась далеким звездам. Я стал было расспрашивать ее, но, обычно откровенная, на этот раз Ямба упорно молчала. Я думал, что она обрадовалась нашему приближению к порту Дарвин, и в свою очередь оживился. Но, увы! Меня ждало новое горькое разочарование.

Оказалось, что буря занесла нас далеко от порта Дарвин. Она принесла нас в те края, к тем берегам, куда мы плыли когда-то на моей лодке.

Сердце мое чуть не разорвалось от отчаянья. Сколько лишений, сколько ужасов мы вынесли за эти полтора года, сколько страданий и трудов! И все было напрасно — мы на старом месте. Я повалился на дно лодки...

Пораженная моим состоянием, Ямба опустилась подле меня на колени и принялась всячески

утешать меня. Она говорила о том, как рады будут ее единоплеменники нашему возвращению, с каким восторгом они нас встретят. Кроме того она уверяла меня, что я мог бы сделаться великим человеком среди ее племени, если решусь остаться с ними. Я ничего не слушал, я обезумел от злобы и отчаянья. Я не мог простить себе, что отправился в порт Дарвин морем, а не сухим путем. В этом был виноват и «Дэвис». Ведь это он уверил меня, что большая часть пути в порт Дарвин лежит по непроходимым болотам и трясинам, большим рекам и заливчикам, кишащим крокодилами. И вот я снова очутился на родине Ямбы. Полтора года пропали даром!

Мы высадились на берег около одного островка, лежавшего при входе в залив. Ямба стала подавать дымовые сигналы, чтобы известить племя о нашем прибытии. Мы решили не говорить туземцам, что нас принесло к этим берегам бурей. Напротив, мы сговорились, что будем рассказывать, как объехавши кругом все побережье, мы соскучились о своих друзьях и захотели к ним вернуться. Подумайте, как трудно было мне выполнять такую роль, когда внутри меня все переворачивалось от бессильной злобы.

На этот раз мы не стали дожидаться, пока туземцы выедут нам навстречу. Мы стали грести прямо к тому месту берега, где вожди и толпа уже собрались для нашей встречи. Туземцы были

очень рады нашему возвращению. Их радость несколько смягчила мое отчаянье.

А потом со всех сторон посыпались на нас вопросы. Мы не знали, кому и отвечать. Тотчас же началась постройка хижины, точнее — шалаша («ритру», как его называли туземцы). В шалаш, который был вскоре готов, туземцы натащили пропасть всего съестного.

В тот же вечер в честь меня был устроен грандиозный корреббори. И тут я узнал, что не только личные симпатии были причиной столь радостной встречи. Туземцы потерпели жестокое поражение в битве с одним из соседних племен и теперь рассчитывали на мою помощь. Они предлагали мне стать во главе их воинов и вести их на битву. Я согласился на их просьбу, но под условием, что мне дадут двух телохранителей или, вернее, щитоносцев. Они должны будут защищать меня от ударов вражеских копий. Так как это был первый случай моего участия в туземной битве, то я решил принять все меры, чтобы обеспечить себе полный успех и тем поддержать свою репутацию «великого человека».

Охотников занять должность моих телохранителей оказалось довольно много. Я выбрал двух дюжих парней, храбрых в бою и искусных во всяких упражнениях. С ними я мог чувствовать себя в полной безопасности. Затем я занялся организацией своей «армии».

Под мое начальство поступило до 200 воинов. Каждый из них был вооружен пучком копий, легким деревянным щитом и короткой тяжеловесной «вадди», т. е. палицей, дубинкой. Когда все было улажено, я двинулся во главе своего войска на вражескую территорию. В качестве обоза нас сопровождали женщины и дети. На обязанности женщин лежало снабжение воинов продовольствием, а также и переноска всех вещей, необходимых в походе. После нескольких довольно утомительных переходов мы достигли удобного для сражения места. Здесь мы и остановились.

Теперь я хочу описать внешность моей особы в тот день, когда я впервые выступил в роли вождя и полководца туземцев.

Волосы мои были гладко зачесаны. Мне сделали прическу-пучок, который торчал высоко кверху, а в пучок воткнули целый веер белых и черных перьев. Лицо мое, коричневое от загара, было расписано красками четырех цветов: желтой, белой, красной и черной.

Две параллельные дугообразные линии — белая и черная — украшали мой лоб, а щеки были размалеваны ярко-желтыми кривыми полосами. На каждой руке, немного пониже плеча, было по четыре разноцветные полосы. Полосы были у меня и на груди, а по животу тянулась широкая полоса желтого цвета.

На мне был надет небольшой кожаный фартук, разукрашенный перьями. Ноги мои были также расписаны полосками. Вид у меня был самый ужасный — так я был размалеван.

Когда мы пришли на место, которое я считал удобным для сражения, мои воины принялись разводить костры. Они вызывали дымовыми сигналами неприятеля на бой. Вскоре появились ответные сигналы врагов, но должно было пройти не менее суток, прежде чем неприятельская армия появилась бы на поле битвы. Эти сутки я употребил на разработку наиболее выгодного и удобного плана сражения.

Я отрядил человек сорок под начальством одного из вождей и приказал им занять небольшую рощицу. Этот «резерв» должен был, по особому сигналу, внезапно ринуться на врага в тот момент, когда я издам воинственный крик племени:

— Варрахоо-оо-оо!

Я был убежден, что одного этого внезапного нападения будет достаточно для победы. Туземцы не имели никакого представления о резервах, засадах и других тактических приемах. Они вводили в битву все свои силы сразу. Местный способ войны состоял в том, что воины врассыпную бросались друг на друга и сражались до тех пор, пока один из отрядов не обратится в бегство.

Незадолго до сражения у меня появилась блестящая мысль. Мне пришло в голову, что если я взберусь на ходули и с этой высоты начну пускать в неприятеля стрелы, то враг, от неожиданности, непременно покажет нам тыл. Так и вышло.

Когда оба неприятельских отряда сошлись на близкое расстояние, то с обеих сторон вышли, как и всегда, вожди и затеяли перебранку. Я в этой перебранке никакого участия не принимал и держался в стороне. Наши крикуны всячески издевались над врагом, кричали, что у вражеских воинов нет мужества, что они трусы, что их печени и сердца будут скоро съедены победителями. Все это сопровождалось размахиваньем рук, прыжками и всевозможными гримасами. Визг, хохот, дикие крики — все было необходимым вступлением к битве.

Наконец, обе стороны достаточно разъярились. Первое копье полетело в неприятеля. Тогда я встал на свои ходули. Я выбежал перед фронтом. Несколько неприятельских копий полетело в меня, но мои телохранители успешно отразили их щитами. Тогда я выпустил из лука несколько стрел одну за другой. Стрелы так и посыпались на головы неприятеля. Испуг и смятение, вызванные этим, были неописуемы.

С громкими криками и завываниями враг обратился в беспорядочное бегство. Мои воины

преследовали врага, беспощадно избивая тех, кого успевали догнать... Битва была выиграна.

Тут мне пришло в голову, что недурно было бы войти в дружбу с побежденным племенем. Может быть, эти люди окажутся мне полезными впоследствии. Далее мне пришло на ум, что если я сумею создать себе громкую славу среди этих бродячих племен, то слух обо мне разнесется далеко вглубь страны, а это очень могло мне пригодиться в моих попытках вернуться к цивилизованному миру. Я сообщил о своих мыслях вождям. Они согласились начать мирные переговоры.

Тем временем побежденные воины успели привести свои ряды в порядок и заняли новые позиции. Отбросив в сторону свои ходули, я пошел в сопровождении вождей навстречу неприятелю. В знак примирения, мы несли в руках зеленые ветви. Подойдя ближе, я знаками дал понять остолбеневшим от изумления врагам, что мы желаем заключить с ними мир. Мое предложение было сначала встречено с большим недоверием. Но скоро мне и нашим вождям удалось убедить неприятеля в нашей искренности. Бывшие враги охотно пошли на-мировую. Они признали мое превосходство. Их вожди вышли вперед и встали передо мной на колени в знак покорности. После этого обе неприятельские армии соединились в одну дружную толпу, и мы все вместе вернулись

к месту нашей стоянки. Немедленно начался торжественный корреббори, продолжавшийся всю ночь.

Мы простояли в этой местности более недели, устраивая ежедневно празднества и с каждым днем все более и более сближаясь с нашими недавними врагами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДЕТИ И ДЕТСКИЙ СПОРТ. — УЖАСНОЕ ИСПЫТАНИЕ. — ТУЗЕМНЫЕ ЖЕНЩИНЫ. — ОБУЧЕНИЕ ДЕВОЧЕК. — СЛЕДЫ НОГ.

СНОВА началась однообразная жизнь. Я отправился с Ямбой на рыбную ловлю и терпеливо ждал удобного случая выполнить свое намерение — снова попробовать добраться до европейцев-поселенцев.

За это время я сжился с туземцами, так сжился, что не без участия относился даже к их семейным отношениям и домашнему быту.

Особенно меня интересовали дети и женщины. Я с большим удовольствием следил и наблюдал за этой черномазой детворой, следил за их забавами, занятиями, играми. Прежде всего о них можно сказать, нисколько не преувеличивая, что как мальчики, так и девочки раньше выучиваются плавать, чем бегать. Матери не очень-то заботятся о своих детях, они не беспокоятся об них, а те целыми днями барахтаются в

воде. Уже с трехлетнего возраста мальчуганы забавляются метанием друг в друга игрушечных копий. Для этого употребляются длинные сухие камышинки, добываемые на ближайших болотах.

В возрасте 9 или 10 лет они меняют свои камышовые копья на более тяжелые, деревянные с костяными наконечниками. Для мальчиков этого возраста часто устраивались состязания, чтобы испытать их ловкость и искусство в метании копья. Наградой служила похвала родителей или вождя, а то и просто взрослых мужчин-воинов.

Кроме метания копий друг в друга, был и еще способ для испытания ловкости мальчиков в этом деле. К ветке дерева подвешивалось на ремешке кольцо, сквозь которое мальчики и должны были прокинуть копье. Все вожди и воины племени присутствовали на таком состязании. Иногда отличившийся мальчик получал награду — ножные браслеты или связку мелких раковин.

В возрасте около 16 лет мальчики причисляются к взрослым мужчинам племени. Но звание воина они получают лишь через два или три года по достижении совершеннолетия.

Церемония получения звания воина очень любопытна. Обыкновенно это бывало весной. Юноша не просто получал звание, он должен был, так сказать, заслужить его. Всех испытуе-

мых, нередко человек до двадцати, прежде всего удаляли в пустынное место, далеко от селений и лагерей. Здесь в течение одной—полутора недель юноши постятся самым суровым образом. Это — первое испытание.

По окончании поста начинаются дальнейшие испытания будущих воинов. Роль экзаменатора выполняет один из вождей. Юноша стоит перед вождем с самым бесстрастным видом. На его лице должно быть написано полнейшее равнодушие, у него не должен дрогнуть ни один мускул. Вождь вонзает копье в бедро юноши, колет им руки и икры юноши. Это повторяется много раз, но серьезных ран вождь, понятно, не наносит.

Если во время этого мучительного испытания юноша сохранит полнейшую неподвижность тела и лица, то испытание считается выдержанным. Но малейшего содрогания губ или чуть слышного вздоха достаточно, чтобы лишить юношу права на звание воина и отложить испытание до следующей весны. Юноша, который несколько раз не смог выдержать этого жестокого испытания, презирается племенем, его приравнивают к женщинам, он никогда не получит звания воина.

Выдержавший «испытание копьем» юноша подвергается следующему испытанию. Теперь его испытывают бегом. Он должен пробежать расстояние в 2—3 километра, добежать до известного

места, схватить там воткнутое в землю копьецо и тотчас же бежать назад. Для этого бега установлен срок, и только тот юноша, который не опоздает, получает звание воина. Пройдя с успехом трoякий искус — пост, удары копья и бег, юноша, наконец, получает звание воина.

Что касается девочек, то они почти не пользуются вниманием туземцев. Женщина для австралийского дикаря — низшее существо.

С нашей точки зрения женщины туземных племен скорее безобразны, чем красивы. Широкий сплюснутый нос, широко расставленные глаза, низкий лоб и мясистый подбородок — мало красоты в таком лице. Попадаются и исключения, встречаются более миловидные лица, — но они редки. Но несмотря на общую уродливость женщин, на корреббори по случаю свадеб мужчины с большим воодушевлением воспевают красоту и добродетели невесты.

Красавицами туземцы считали всех девушек с очень широкими и приплюснутыми носами. Большой нос с широко расставленными ноздрями считался показателем физической силы у мужчин.

Только в раннем детстве женщина считалась равноправной. Девочки были товарищами мальчиков в играх. Но как только девочке перейдет за 10 лет, она теряет эти преимущества. Она получает палку и плетеную корзинку и должна сопровождать мать, когда та отправляется за

корнями. Матери обучают подрастающих девочек стряпне, устройству печей для изготовления пищи. Постройка шалашей также лежит на женщинах, они же должны были тащить на себе и все пожитки во время переселений племени.

Во время обеда женщина не ест вместе с мужем. Оповестив «главу семьи» о том, что все готово, жена отходит к сторонке. Тогда является муж и отбирает себе самые лакомые кусочки. Пока он ест, жена и дети стоят поодаль. Время от времени «хозяин дома» бросает им через плечо кое-какие объедки и кости.

Послеобеденное время воины посвящают выделыванию оружия. Это одно из любимейших их занятий. Воин не пожалеет срубить целое дерево, чтобы сделать из него только одно древко для копья. Особенно старательно выделывались ими щиты. Отделка и резьба щита вполне соответствовали военным заслугам, ловкости и храбрости его владельца. И чем больше отличался какой-либо воин на поле битвы, тем замысловатее становилась резьба на его щите.

При знакомстве с жизнью чернокожих я не мог не заметить одной из их замечательных способностей. Они очень хорошо разбирались в следах. Они не только могли сказать — какой это след: старый, новый и т. д. Они узнавали чей он, т. е. принадлежит ли он одноплеменнику или чернокожему другого племени.

Надо сказать, что каждое племя владеет особой территорией, по которой и кочует. Границы каждой отдельной территории строго обозначены. Это или большие деревья, или цепь холмов, речка, овраг, гряда скал и т. п. За границу своих владений ни один чернокожий никогда не переступает. Охота на чужой земле наказывается смертью, и даже женщина, если ее застанут за рытьем кореньев на чужой территории, не избегает общей участи.

Хорошо разбираясь в следах, чернокожие легко узнают по ним о случаях нарушения границы племени. Они так прилежно изучают следы, что тотчас же узнают, чей след. И если окажется, что след чужой, снаряжается отряд, который и идет против племени, нарушившего границу. Поэтому-то войны и были так часты среди туземцев.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я НАЧИНАЮ СКУЧАТЬ. — НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ. — СТРАННЫЕ ВЕСТИ. — ЧУЖЕЗЕМНЫЙ ЯЗЫК. — ЯМБА ВИДИТ ДЕВУШЕК. — СВОЕОБРАЗНОЕ ПИСЬМО. — ЯМБА В РОЛИ РАЗВЕДЧИКА. — МОЯ ВСТРЕЧА С БЕЛЫМИ ДЕВУШКАМИ.

ЯМБЕ ОЧЕНЬ хотелось, чтобы я навсегда остался с ее племенем. Она постоянно говорила о том, как мне будет хорошо, построила для меня большой шалаш, старалась всячески вовлечь меня в жизнь чернокожих.

Все это было напрасно. Я часами простаивал на берегу, надеясь увидеть какой-нибудь корабль.

Прошло около десяти месяцев с тех пор, как я снова попал к племени Ямбы. Жизнь среди чернокожих надоедала мне все больше и больше. Я чувствовал необходимость переменить ее, хотя бы и на худшую. Я боялся, что сойду с ума от этого однообразия. Нравы и обычаи туземцев мне опротивели. Их жестокое обращение с женщинами начало меня так раздражать, что я едва сдерживался.

Нужно было уходить. Я решил двинуться морем. На этот раз у меня явился другой план. Я намеревался плыть к югу.

Ямба согласилась плыть вместе со мной. И вот однажды мы снова покинули ее родной берег. Я захватил с собой лук и стрелы, у Ямбы было множество всякого продовольствия.

Когда мы вышли в море, погода стояла прекрасная. Море было спокойно, ветер попутный. Через несколько дней плавания мы попали в узкий пролив между скалистым островом и материком. Мы решили остановиться здесь. Судя по некоторым признакам, это место нередко служило становищем для туземцев. Всюду виднелись следы костров, валялись обглоданные кости. Изобилие крупных раков позволило нам приятно поразнообразить нашу еду.

Через два дня мы тронулись дальше, продолжая придерживаться берега. Здесь было много островков, частью бесплодных и скалистых, частью покрытых богатой растительностью. К некоторым мы приставали, причем нередко приходилось находить на них то обломок мачты, то обрывок каната, то доску. Все это были признаки того, что когда-то по соседству побывали белые люди.

Прошло два месяца со дня нашего отъезда. Мы очутились в большом заливе. Как я узнал позднее, этот залив назывался Королевский.

Находясь случайно среди одного племени, я вдруг услыхал невероятную новость. Один из вождей сказал мне, что в другом стане, на расстоянии нескольких дней пути, имеются две белых женщины. Они в плену у вождя. Судя по рассказам туземца, эти женщины были захвачены в плен после кровопролитной схватки с какими-то белыми мужчинами, прибывшими в эти края на огромной «лодке».

Я решил немедленно повидать этих пленниц. Моя лодка была причалена в надежном месте. Я поручил ее охране туземцев, а сам с Ямбой отправился сухим путем разыскивать становище того племени, о котором мне сказали. Земли этого племени, как оказалось, лежали между рекою Леннард и Фитцрой. Место, к которому я направлялся, называлось Дерби и находилось по соседству с Королевским заливом.

Вначале дорога была не из приятных. Местность была сильно изрезана бесчисленными заливчиками и бухтами. По мере того, как мы подвигались вперед, она менялась. Теперь перед нами расстилалась ровная и низменная, напоминающая прекрасный парк, долина. На северо-западе виднелись гряды скалистых гор. Здесь нам попадались бутылочные деревья, иногда увешанные множеством крупных плодов. Туземцы называют эти плоды «паппа». Они очень вкусны.

Туземцы Дерби уже знали о моем приходе. Им сообщили об этом дымовыми сигналами. Их становище было — несколько шалашей, разбросанных в низинке. Я тотчас же показал свою палочку-паспорт. Ее отнесли к вождю, который вскоре пришел и начал со мной разговор.

К несчастью этот человек говорил на ином наречии, чем племя Ямбы. С помощью знаков, подмигивания и мимики я объяснил ему, что хотел бы провести среди его племени несколько дней. Он охотно согласился на мою просьбу.

Я к тому времени уже хорошо знал обычаи и нравы туземцев. Я знал, что они, в знак своего внимания ко мне, предложат мне выбрать себе одну-две жены. На этот-то обычай я и рассчитывал, размышляя о белых пленницах. Мне очень хотелось поскорее увидать их, но я молчал. Весь день я провел в обществе вождя и ни слова не сказал ему про пленниц. Этого требовали правила

приличия. Мужчина, обнаруживший интерес к женщине, терял всякое уважение у туземцев.

Вечером начался грандиозный корреббори в честь моего прибытия. И вот, когда я сидел перед огромным костром и вместе с дикарями-вождями и воинами пел их песни, ко мне подкралась Ямба. Она шепнула мне, что разыскала и видела белых женщин.

Я никогда не забуду моего волнения. Женщины моей расы! Здесь, рядом! К тому же Ямба добавила, что они говорят «моим» языком, что они молоды, находятся в ужасном положении. Согласно местному обычаю эти женщины были собственностью вождя. Некрасив был этот вождь. Признаюсь, редко я видел такое неприятное лицо. Вождь был высок и хорошо сложен. Его череп был сильно сдавлен с боков и конически выдавался на затылке. Нижняя часть лица была сильно выдвинута вперед. И в его-то руках находились эти белые пленницы.

Первым моим побуждением было вскочить и бежать к пленницам. Но это было бы неосторожно. Нельзя было возбуждать подозрений чернокожих. Тогда я решил сообщить пленницам о моем присутствии в становище.

Я попросил Ямбу принести мне лист водяной лилии. Костяной иголкой я наколол на этом листе несколько слов: «Друг близко. Не бойтесь ничего». Это своеобразное письмо я отдал Ямбе.

Она же должна была сказать пленницам, чтобы они прочли письмо, держа лист против огня костра. Затем я вернулся и занял свое место на корреббори. Я продолжал разговаривать, петь песни, кричать и смеяться, обдумывая, тем временем, как поступить.

Вождь был горячий и вспыльчивый человек. Отнять у него пленниц было бы нелегко. По местным понятиям он был их законным владельцем.

Я приблизился к вождю и долго и внимательно смотрел на него. Его лицо навсегда осталось у меня в памяти. Оно было покрыто многочисленными шрамами. Это было своеобразным украшением, которое получалось путем мучительной боли.

Обыкновенно для получения шрамов прежде всего делаются поперечные разрезы на груди и на лице, иногда на бедрах, а также на спине и лопатках. Разрезы эти делаются с помощью раковины с острыми краями. Все разрезы затирают особого рода землей. Потом дают ранам закрыться. Появляется опухоль, начинается нагноение. Спустя некоторое время земля из ран удаляется, рана снова разбереживается, снова болит. Наконец, когда раны окончательно подживут, каждая из них получает вид громадного толстого рубца. Эти-то рубцы и являются украшением воина.

Я разговорился с вождем племени.

— Я надеюсь, — сказал я ему, — что мне дадут двух жен. Таков обычай.

Как я и ожидал, он тотчас же согласился. Тогда-то я и попросил его дать мне в жены белых пленниц. Он отказал наотрез. Я продолжал настаивать, упрекнул его в нарушении основного правила гостеприимства.

Долгое время вождь упорно отказывался отдать мне пленниц. Но другие вожди и большинство знаменитейших воинов племени оказались на моей стороне. Я был гость. Вождю пришлось мне уступить.

Торжественный корреббори длился всю ночь. Только перед тем, как нам разойтись, вождь согласился уважить мою просьбу. Видно было, что делал он это скрепя сердце.

Я не стал беспокоить пленниц в такое позднее время. Утром я сказал Ямбе, чтобы она сходила к ним и подготовила их к встрече со мной. Вскоре Ямба вернулась назад, за мной. При мысли о встрече с людьми моей расы я так разволновался, что совсем забыл о своей внешности. А по виду я походил скорее на пестро-размалеванного туземного вождя,чем на европейца. К этому времени я давно уже отказался от одежды и носил только маленький передничек из птичьих перьев. Цвет моей кожи — темный-темный — мало напоминал кожу европейца.

Ямба привела меня к небольшому шалашу из прутьев. Минуту спустя я стоял перед двумя девушками-англичанками.

Они валялись на голой земле, скорчившись, голые, грязные, исхудалые и жалкие. Перед ними ярко горел костер, следить за пламенем которого было их обязанностью.

— Я белый человек. Я такой же, как вы. Я — друг! Доверьтесь мне. Я думаю, что смогу спасти вас.

Удивление их при звуке моих слов не передашь словами. С одной из них сделалась даже истерика. Она смеялась и плакала, катаясь по земле. Я позвал Ямбу и представил ее девушкам.

— Это моя жена!

Понемногу девушки ободрились. Они подошли ко мне, ухватили меня за руки.

— Спасите, спасите нас! Уведите нас отсюда! Избавьте нас от этого чудовища-вождя!

Я уверял их, что за этим-то и пришел в становище дикарей. Но, говорил я, нам придется немного подождать. Нужно найти удобный случай для бегства. При этом я не стал скрывать от них, что мои шансы на успех еще очень малы, что за удачу я поручиться не могу. Я не хотел возбуждать у них несбыточные надежды, а потому и не обещал ничего твердо.

Мало-по-малу девушки успокоились. Я сказал им, что пока я здесь, им нечего бояться

вождя. Он их не тронет. Поговорив с ними немного, я ушел.

Нужно было позаботиться о какой-либо одежде для пленниц. Я придумал сшить им ее из птичьих шкурок. На соседних болотах водилось много всякой болотной птицы. Туда-то я и отправился вместе с Ямбой. Я набил всяких птиц. Шкурки с них мы содрали — это и был материал для одежды. З тем Ямба, с помощью костяной иглы и ниток из высушенных жил кенгуру, сшила два балахона из шкурок. Это были длинные мешки с дырой для шеи и двумя дырками для рук. Красивыми их назвать было трудно, но зато они были очень оригинальны.

Ямба старательно ухаживала за пленницами. Благодаря ее вниманию девушки несколько поправились. Они не были теперь так грязны, были кое-как одеты. Они, наконец, поверили мне, что пока я здесь, они в безопасности.

Мне очень хотелось узнать, как они попали к чернокожим. Поэтому я попросил их рассказать мне об их приключениях. Девушки согласились. Прежде всего я узнал, что они — родные сестры. Их звали Бланш и Глэдис Роджерс, одной было 17, а другой 19 лет.

Бланш рассказала мне свою историю. Глэдис вставила в нее несколько добавочных пояснительных фраз.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

БЛАНШ РОДЖЕРС НАЧИНАЕТ СВОЙ РАССКАЗ. — СВИДАНИЕ В ОТКРЫТОМ МОРЕ. — ТЕЧЬ. — СУДНО ПОШЛО КО ДНУ. — ЖАЖДА. — УЖАСНОЕ ЗРЕЛИЩЕ. — ЛЮДОЕДЫ. — ДОБРОВОЛЬНАЯ ГОЛОДОВКА.

«СЕСТРА моя и я, — начала Бланш, — мы — дочери капитана Роджерса. Он командовал судном в 700 тонн вместимостью. Судно это принадлежало нашему дяде. Нам всегда хотелось сопровождать отца в его плаваниях и однажды удалось уговорить его взять нас с собой. Отправляясь из Сутерланда в 1868 году в Батавию, он взял нас с собой.

Путешествие наше вначале было самое приятное, полное для нас живого интереса. Судно наше разгрузилось, где следовало, но отец не мог получить груза в Англию. Плыть без груза было невыгодно, и он решил пойти в Порт-Луи и попытаться взять груз там.

По пути в Порт-Луи мы неожиданно очутились в виду судна, подававшего сигналы о несчастьи. Мы поспешили к нему. Со встречного судна спустили шлюпку, и сам капитан явился к нам на борт. Он рассказал, что у него оказался большой недостаток в провианте, и просил продать ему необходимое количество, чтобы он смог добраться до ближайшего порта. На судне имелся груз в 1 500 тонн. Он состоял из птичьего помета (так называемое гуано, ценное удобрение). На-

правление судна совпадало с нашим, оно шло тоже в Порт-Луи. Капитаны обоих судов долго разговаривали и, наконец, договорились.

Мы признались капитану, что не имеем груза.

— Почему же вы не пойдете к Лансегэдским островам? — спросил он. — Грузите там гуано — вы получите его даром.

Мы отвечали на это, что у нас нет ни мешков, ни лопат, ни тачек. Нет ничего, необходимого для погрузки гуано. В уплату за провиант капитан встречного судна доставил нам все необходимое снаряжение. Вскоре «Александрия» (так звали встреченное нами судно) пошла к Порту-Луи, а мы направились к Лансегэдским островам.

Добравшись до этих островов, изобиловавших залежами гуано, наше судно быстро нагрузилось им. Работа шла очень быстро, так что через 2—3 дня можно было отплыть от острова. Узнав об этом, мы попросили отца отпустить нас на денек погулять по острову. Отец согласился и дал нам нескольких матросов в провожатые.

Гуляя по острову, мы зашли очень далеко. Как-то незаметно мы понемногу порастеряли наших провожатых и остались одни. Погода начала портиться. Только к полуночи нашим провожатым удалось нас разыскать, но ехать на судно было уже поздно. Море бушевало во-всю. Мы решили провести ночь на берегу. Наше судно стояло на якоре, на расстоянии не более 3 километров по

ту сторону рифа, который тянулся вдоль берега. Ехать ночью через рифы, да еще в бурную погоду, было слишком опасно.

Ночь прошла незаметно. Утром буря усилилась, и наши матросы заявили, что перебираться в такую погоду через рифы — итти на верную смерть. Мы остались на берегу.

Мы находились в безопасности, но нашим матросам было ясно, что судно, если оно только не снимется с якоря и не уйдет в открытое море, вряд ли уцелеет. С беспокойством следили наши матросы за тем, что делалось на судне. Повидимому, наш отец сильно беспокоился о нас и не решался уйти от берега. Он предпочел положиться на крепость якорных цепей и канатов. Но уже около 10 часов утра якоря перестали держать корабль, его начало сносить на рифы. Я и Глэдис не спускали глаз с корабля, но мы решительно ничего не понимали в морском деле. Мы спрашивали матросов, что значит вся эта суетня и беготня на корабле. Они, не желая пугать нас, отвечали уклончиво. Вдруг мы заметили ряд сигналов, значение которых нам было незнакомо. Это были сигналы — «гибель корабля»...

Тут полил дождь. На нас лились целые потоки воды. Небо было черное, ветер выл и ревел. Мы оставались на берегу.

Я и сестра начали плакать. Мы не знали, какая опасность угрожала судну, но мы боялись...

Матросы, видя, что дело судна — дрянь, хотели избавить нас от тяжелого зрелища. Они всячески уговаривали нас уйти с берега, вернуться на место ночлега. Им удалось добиться этого, мы ушли. Долго матросы всякими хитростями удерживали нас вдали от берега. Мы так и не увидали гибели судна.

Как мы узнали потом, сильная волна подбросила судно, ударила его о риф. Судно сразу дало течь и быстро пошло ко дну. Даже мачты его скрылись под водой. Судно потонуло так быстро, что с него не успели спустить ни одной шлюпки. Никто не уцелел. Из всего экипажа судна остались в живых только те 8 человек, которые были с нами на берегу.

Прошел день, прошла ночь, а наши матросы все еще продолжали скрывать от нас гибель судна. Посоветовавшись между собой, они решили добраться до порта Дарвина на австралийском материке. Они думали, что до материка недалеко. С отъездом нужно было спешить: на острове пресной воды не было, а наш запас был невелик. Матросы набрали птичьих яиц, настреляли птиц и снесли все это в шлюпку.

На утро буря стихла, море успокоилось. Только тогда матросы осторожно сообщили нам страшную весть о гибели нашего судна и его экипажа. Нужно ли рассказывать, что было с нами, когда мы узнали об этом ужасе?

На следующий день, немного раньше полудня, на нашей шлюпке был поднят парус. Мы понеслись по уже теперь спокойной глади океана. Ветер был попутный, и мы быстро подвигались вперед. Наши моряки рассчитывали, что вскоре мы доберемся до порта. Но вышло не так. Запас воды был очень невелик, нас мучила жажда. Поэтому мы решили пристать к первому же острову, который нам встретится на пути.

Скоро встретился остров. Мы причалили. Я и Глэдис были очень рады — мы могли вымыться. Уже несколько дней мы не мылись, и грязь очень тяготила нас. На острове никого не было видно. Матросы укрыли в надежном месте шлюпку и занялись запасанием воды. А я и Глэдис отошли от них шагов на сто и, укрывшись за скалами, разделись и вошли в воду.

Мы еще не выкупались и весело барахтались в воде, как целая туча пестро размалеванных чернокожих появилась на скалах. Они держали в руках громадные копья. С ревом и криками они бросились к нам. Нам казалось, что они прямо-таки вырастали из скал. Была минута, когда я не верила своим глазам. Мне казалось, что все это сон, бред. Дикари окружили нас. Это была действительность! Тогда мы поняли весь ужас нашего положения и начали кричать изо всех сил. Мы звали на помощь наших матросов. С громкими криками мы спешили к берегу, туда, где оставили

свою одежду. Несколько чернокожих бросились в воду и перехватили нас. Один из дикарей схватил нашу одежду и убежал с ней в горы.

Услышав наши крики, матросы поспешили к нам на помощь. Но едва они подбежали близко, как дикари пустили в них целую тучу копий. Наши защитники все погибли. Копья пронзили их.

Словно во сне я помню, что было потом. Несколько человек схватили нас и потащили в глубь острова. Ими командовал гигант, очевидно — вождь. Он-то впоследствии и взял нас себе. Помню, что нас посадили на большой челн. Руки и ноги нам связали. В сопровождении множества дикарей мы переправились на материк, находившийся всего в нескольких километрах от этого острова.

Мы просили знаками, чтобы нам отдали наши платья. Но дикари тут же, на наших глазах, изорвали часть их на узкие полоски. Ими они украсили свои руки и ноги.

В стане чернокожих мы провели ужасную ночь. Я не в силах рассказать о том, что мы чувствовали тогда...

На следующее утро некоторые из дикарей отправились на остров и привезли оттуда трупы наших матросов. Сначала мы удивлялись, зачем это они сделали. И только потом поняли.

Мы не видали всех их приготовлений, но почувствовали запах горелого мяса, а потом

увидели женщин, несших отсеченные руки и ноги. Я думала, что мы обе сойдем с ума от всех этих ужасов. Наше положение было так ужасно, что мы хотели покончить с жизнью. Мы хотели повеситься на травяной веревке, но нам не удалось сделать это. Сторожившие нас женщины ни на минуту не оставляли нас без присмотра.

Вслед за пиром, на лужайке неподалеку от нас началась отчаянная схватка между четырьмя чернокожими из числа тех, которые принимали участие в избиении наших матросов. Мы догадались, что эта схватка должна решить — кому мы достанемся. И вот этот вождь оказался победителем. Мы были отданы ему в собственность...

Однажды нам удалось темной ночью уползти из стана дикарей. Мы побежали прямо к морю с намерением утопиться. Но нас хватились. В тот момент, когда мы уже зашли далеко в воду (у берега было совсем мелко), кучка чернокожих бросилась за нами вдогонку.

После этого случая нас стали держать под самым строгим надзором. Нас поместили в этом самом шалаше и ни на шаг от него мы не отходили. Теперь бежать было нельзя.

Три месяца наши чернокожие кочевали с места на место и таскали нас с собой. Они обращались с нами, как со скотом. Впрочем, и со своими женщинами они обращались не лучше. Пища туземцев — коренья, змеи, улитки и прочая га-

дость — возбуждала в нас такое отвращение, что мы несколько дней от нее отказывались совсем и ничего не ели. Мы думали, что, может быть, нам удастся умереть от голода.

Должно быть туземцы догадались о нашем намерении. Они силой заставили нас проглотить несколько кусков какого-то очень странного вида мяса. Вас удивит, может быть, что мы повиновались нашим мучителям. Но дело в том, что когда мы отказывались их слушаться, они нас только били. Они не убивали нас, а мы надеялись, что они так разозлятся, что убьют со зла,— они только били. Били до тех пор, пока мы не подчинялись. Что нам оставалось делать?

Дни шли за днями. Надежд на избавление не было. Но вот мы начали замечать, что день ото дня все слабеем и слабеем. Нам не хотелось есть, мы стали мало чувствительны к боли. Мы не ходили, а лежали и лежали. Мы все слабели, и я думаю, что скоро умерли бы от слабости, если бы не вы...»

Таков был рассказ Бланш. Много пережили и выстрадали эти девушки! Я сравнил их участь со своей. Какая разница! Я был мужчина. Я с первых шагов в этой стране стал силой, ко мне относились с уважением, оказывали мне всякий почет. А эти девушки кроме унижений ничего не видели.

Они надеялись на меня, на мою помощь. Мои слова, что я не могу ручаться за успех, их очень огорчили. Но я и не мог ручаться. Я не мог увести их тайком. Этим я нарушил бы самые главные правила гостеприимства. Нужно было что-то другое. И вот у меня начал созревать особый план. Нужно было время для его осуществления. Я просил пленниц не беспокоиться и потерпеть еще немного.

— Я не уйду отсюда, — говорил я им, — а при мне вы в полной безопасности.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ЯМБА ОТПРАВЛЯЕТСЯ ЗА ПОДКРЕПЛЕНИЕМ. — ВЫЗОВ. — БОЙ С ВОЖДЕМ.— ПОБЕДА! — ПОХОРОНЫ ПОБЕЖДЕННОГО. — МЫ УХОДИМ. — В ПУТИ.

В ТУ ЖЕ НОЧЬ я послал Ямбу к одному из дружественных племен, находившемуся в трех днях пути от нас. Я велел ей сказать вождю, что великий белый вождь (то есть — я) находится в большой опасности и нуждается в отряде смелых воинов, которых необходимо послать ему на помощь.

Ямба отправилась. Прошло несколько дней, и она вернулась в сопровождении отряда воинов, которые и вступили самым торжественным образом в стан племени.

Вождь, бывший владелец девушек, начал было упрекать меня в нарушении законов гостеприим-

ства. Я не обратил внимания на его слова, а наоборот, заявил ему, что он незаконно завладел белыми девушками. Я сказал, что намерен взять их себе, а если он не желает отпустить их добровольно, то он может вступить со мной в бой.

— Пусть единоборство решит, кому владеть этими женщинами! — закончил я свою речь.

Вождь пришел в ярость. Он согласился на единоборство, а его воины уже заранее предвкушали удовольствие быть зрителями интересного боя. Вождь сильно надеялся на свою силу, и, правда, он был очень силен. Но я полагался на свою ловкость. Ведь я был недурным гимнастом. Схватка же наша должна была быть рукопашной, без оружия. Это мне было очень на руку. Решено было, что тот, кто из трех раз дважды перебросит через себя противника, будет считаться победителем, а стало быть и хозяином пленниц.

Можно представить себе, что чувствовали Бланш и Глэдис перед боем. Можно представить себе мое настроение! Ведь от победы зависела участь несчастных девушек.

Между тем туземцы стали готовиться к бою. Они очертили круг около 5 метров в диаметре. За черту круга борцы — то есть я и вождь — и должны были перебрасывать друг друга.

Мы — я и вождь — густо смазали свои тела жиром. Все воины, и свои и чужие, уселись полукругом на траве. Они охватили свои колени

руками, а на руки уложили подбородки. Не сводя глаз, с самым живейшим интересом, они следили за всеми мельчайшими подробностями борьбы.

Я старался не терять ни минуты. Я боялся, что если начну раздумывать, то, пожалуй, и совсем раздумаю — откажусь от боя. Один прыжок, и я — на арене боя. Мой противник уже ждал меня.

Тотчас же огромные руки вождя охватили мою талию и плечи. Он хотел пригнуть меня к земле, поставить на колени, а затем опрокинуть на спину. Я ловко вывернулся из его рук. В следующий момент я подскочил к гиганту, проворно охватил его бедра, потянул на себя, взвалил его себе на спину. Случилось все это так быстро, что не успел я опомниться, как вождь уже был переброшен через мою голову и лежал на земле за чертой круга. Туземцы громко закричали и захлопали себя по бедрам. Этим способом они выражали свой восторг.

Вождь, упавший на голову и чуть было не сломавший себе шею, поднялся на ноги. Он поводил кругом злобными глазами и, очевидно, никак не мог понять, как это я смог перебросить его — силача и гиганта — через голову.

Когда мы сошлись с ним опять, он был уже гораздо осторожнее. Некоторое время мы молча боролись, упорно не поддаваясь друг другу. Я понимал, что мне дорога каждая секунда: враг

был слишком силен и вынослив. Я схватил вождя и хотел перевернуть его на спину, но он увернулся. Когда мы снова схватились, он опять прибегнул к своему старому приему — старался повалить меня на землю силой своей тяжести. Это ему не удалось. Я спешил:— чем быстрее я действовал, тем больше было у меня шансов на победу. Я неожиданно толкнул вождя, ловко подшиб его и с силой перебросил через себя в сторону.

Никогда не забуду я, как его огромное тело перекатилось за черту. Громким одобрительным воем встретили туземцы это падение вождя. Надо сказать, что они его вообще недолюбливали.— Очень уж он был свиреп и грозен.

Вождь вскочил на ноги скорее, чем я успел опомниться и притти в себя от сильного напряжения. Он подскочил ко мне и со всего размаха ударил меня по зубам. Кулак вождя был очень увесист. Мой рот наполнился кровью, было выбито несколько зубов, разбиты губы. Удар этот ошеломил меня, я захлебывался от крови. Но обращать внимание на это было некогда...

Взбешенный таким вероломством (бить кулаками не полагалось по условиям боя), я незаметно выхватил короткий нож, который был у меня за поясом.

Быстрым и незаметным движением я ударил вождя ножом прямо в сердце. Вождь замертво упал к моим ногам. Произошло все это очень

быстро. Никто и не заметил, как я ударил вождя. Рана вызвала только внутреннее кровоизлияние, снаружи крови не было видно. Туземцы решили, что я убил вождя каким-то сверхъестественным способом.

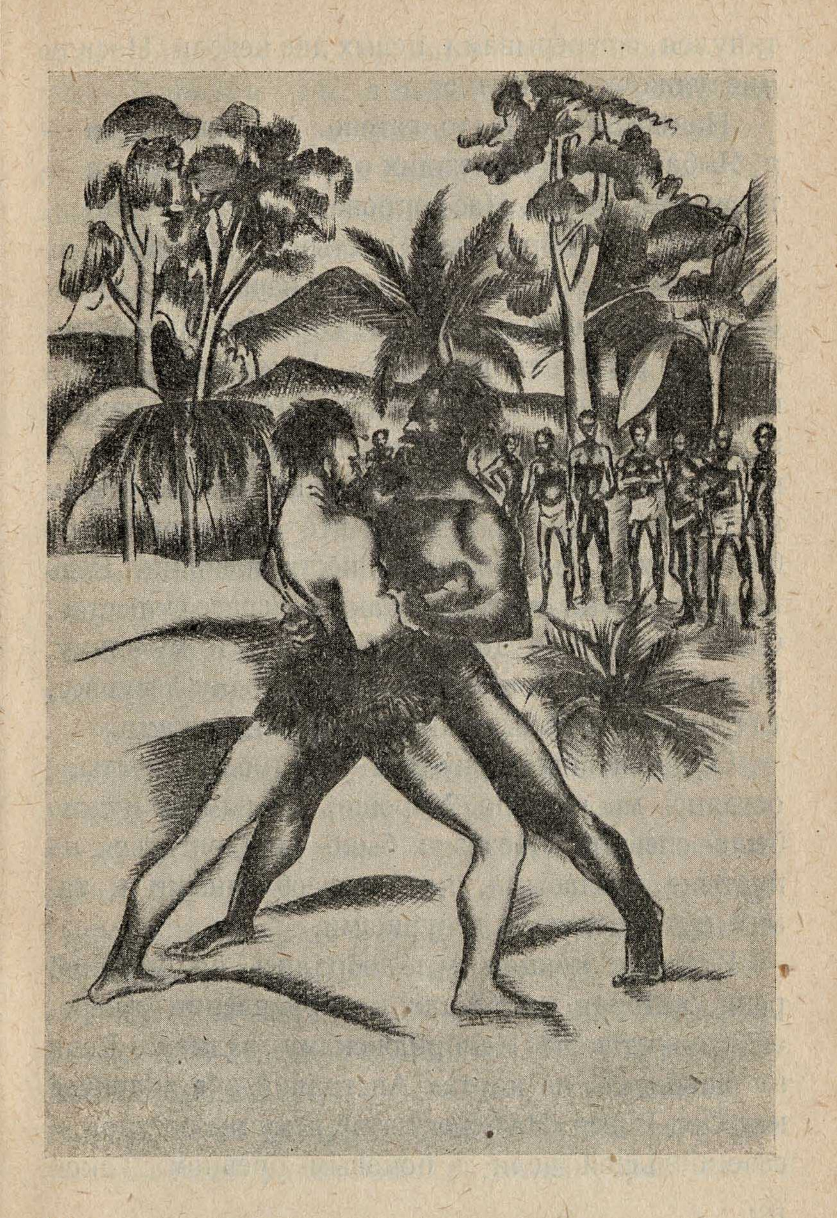
Когда убитый вождь свалился к моим ногам, я поставил ногу на его тело, сложил руки на груди и торжествующим взглядом обвел всех присутствующих.

По местному обычаю родственники убитого имели право вызвать меня на бой, чтобы иметь возможность отомстить за кровь вождя. Никто не сделал этого. Все были возмущены вероломным поступком вождя. Угрожающие крики так и неслись со всех сторон. Меня осыпали приветствиями и даже предлагали почетное звание вождя.

Отказавшись от всяких лестных предложений туземцев, я не мог отказаться от присутствия на празднествах, которые должны были сопровождать погребение вождя. Такой отказ оскорбил бы чернокожих. Я остался в становище на некоторое время.

Тело вождя было завернуто в древесную кору. Его положили на род помоста, устроенного на развилке толстого дерева, находившегося за околицей становища. Там его тело и оставили. Как видите, похороны не были сложны.

Исполнив этот обряд, дикари принялись за свой неизменный корреббори. На этот раз он

тянулся, с перерывами, целых две недели. Насилу мне удалось вырваться.

Наконец, все было готово. Мы вчетвером — я, Ямба и две обезумевших от радости девушки — тронулись в путь. Нас сопровождал отряд воинов.

Едва мы выбрались в пустыню, лежавшую за кочевьем туземцев, как девушки начали жаловаться на сильную боль в ногах. Они едва могли ступать по раскаленному песку. Пришлось сплести из травы что-то вроде гамака. На этом гамаке и несли девушек. Нести их пришлось поочередно. Воины оказались совершенно неспособными носить тяжести. Я думаю, что им кроме того было очень оскорбительно нести женщин. Ведь на женщин они смотрели, как на низшее существо. Скорее женщина должна была нести мужчину, по их мнению. Я и Ямба несли то одну девушку, то другую. Воины шли с пустыми руками.

Скоро воины вернулись обратно. В пустыне остались мы четверо. Хорошо, что нам не нужно было спешить. Нелегко было передвигаться по пустыне с слабыми, неприспособленными к таким путешествиям, девушками.

В конце концов мы добрались до большой реки, которая протекала в направлении северо-северо-восток к Кембриджскому заливу. Если не ошибаюсь, на картах Австралии она значится как Орд-Ривер. На берегу этой реки мы построили себе большой челн с боковым бревном. Такой

челн называется у туземцев «каттамаран». Он очень длинен и узок, а потому и плохо устойчив. Чтобы сделать его более устойчивым, сбоку, параллельно ему, на поперечных брусках приделывается бревно. Оно лежит на воде и придает челну большую устойчивость.

Оставив назади горный хребет, мы поплыли среди цветущей равнины, поросшей высокими травами и реденьким лесом. На ночь мы выходили на берег.

Наши спутницы начали понемногу поправляться. К ним возвращались и силы и хорошее настроение. Вот только одежда причиняла им много беспокойства. Шкурки ссохлись и съежились. Пришлось заняться приготовлением новой.

Мы сделали ее из шкурок двуутробок, которых много встречалось по берегам реки.

Интересные животные эти двуутробки. Их детеныши родились такими недоразвитыми, что даже и на детенышей-то мало походили. Помню, я убил одну двуутробку — вомбата. Это оказалась самка. На ее животе была складка кожи, получалось что-то вроде сумки. Когда я взглянул в эту сумку, то увидел там какой-то маленький розовый комочек. Он висел, плотно присосавшись, на соске. Я вынул его. Должно быть он родился совсем недавно. Ноги у него были чуть заметны — так, какие-то бугорки торчали на теле. Он был совсем-совсем маленький, с лесной орех вели-

чиной. Рот его так крепко держал сосок матери, что мне пришлось с силой потащить детеныша, чтобы оторвать его от соска.

Я много раз убивал самок с детенышами в сумке. Иногда эти детеныши были совсем большие, покрытые шерстью. Они могли бегать. В минуты же опасности они прятались в сумку матери. Прелюбопытное зрелище было, когда встретишь самку со взрослым детенышем. Из щели сумки выглядывала головка с бойко смотревшими глазками.

Итак, с одеждой для девушек мне удалось справиться. Но гораздо хуже было другое. Дело в том, что они почему-то вообразили, что становище туземцев, куда мы направлялись, было не такое, как то, в котором жили девушки. Они думали, что в моем становище не шалаши, а маленькие домики. Думали, что там есть мебель и всякие принадлежности обихода белых людей. Они воображали, что мы приедем в деревню, а не в становище дикарей-кочевников. Я не торопился разочаровывать их, очень уж радужны были их мечты.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У ПЛЕМЕНИ ЯМБЫ. — БОЛЬШАЯ ХИЖИНА. — ЛАКОМОЕ БЛЮДО. — НАШИ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. — БРУНО.

НЕЗАМЕТНО мы добрались до залива. Племя Ямбы встретило нас с большой радостью. Туземцы хорошо отнеслись к белым девушкам. По их понятиям это были мои «жены».

— Теперь, — говорили они, — великий белый вождь не покинет нас. Он останется жить с нами.

Моя хижина успела сгореть за время моего отсутствия. Пожары здесь вообще случались часто. Временно мы поместились в травяном шалаше.

Девушки продолжали бояться туземцев. Они никак не могли преодолеть этого страха. Им постоянно мерещились ночные нападения, новое похищение и всякие ужасы. Я решил тогда построить для них хорошую хижину, такую, чтобы они чувствовали себя в ней в полной безопасности. Постройка бревенчатой хижины была в тех местах делом неслыханным. Но я все же приступил к этой постройке. Нужно же было мне успокоить хоть как-нибудь этих трусих.

Долго шла постройка. Я наволок, с помощью туземцев, кучу стволов деревьев, целые вороха коры и травы. Бревенчатые стены были прикрыты еще и корой, а крышу я сделал из травы. Хижина вышла не плохая. Конечно, она не была похожа на самую плохую избу, она была во много раз хуже. Но в наших условиях и это было хорошо.

В хижине было три комнаты, кое-как разгороженных бревешками и корой. Одна комната для девушек, одна — мне с Ямбой, а третья — общая. К хижине я пристроил навес. Это была наша «веранда». Издали эта хижина походила на ка-

кой-то ворох бревен, хвороста, коры и травы. Но жить в ней было можно.

Не скрою, девушки были очень разочарованы, когда увидели эту «знаменитую» хижину. Они ожидали совсем другого. Всю ночь они горько плакали. Ведь они ждали чего-то вроде «настоящего» дома. Потом они долго извинялись передо мной за эти слезы. Они не хотели огорчить меня своей неблагодарностью. Но удержаться от слез они не могли.

Я всячески старался облегчить и скрасить им жизнь. Я не поленился даже съездить на один из островов за несколько дней пути. Там у меня было спрятано под кучей коры немного зерен пшеницы. Я положил их туда еще в те давние времена, когда ехал с Ямбой и ее семейством с своего песчаного островка на материк. Я разыскал эту пшеницу, привез ее домой. Здесь я посеял ее. Девушки очень обрадовались этому растению. Они не могли дождаться, когда пшеница вызреет, и съедали ее еще совсем зеленой.

Понемножку они начинали привыкать к новой жизни. Я сделал для них несколько «стульев» и «стол». Моя «мебель» была очень неуклюжа. Ведь кроме топора у меня ничего не было, не было ни одного гвоздя. Я обтесал кое-как несколько чурбаков — вот и стулья. А столом служил большой пень, вывороченный с корнями. Обрубленные корни заменяли ножки. Стол был

прочный (сломать его было никак нельзя), но такой тяжелый, что мы едва-едва втащили его в хижину.

Часто по вечерам мы вели длинные разговоры. Всегда об одном и том же — о возвращении на родину. Но мы не только разговаривали, мы и готовились к этому путешествию. Мы делали небольшие прогулки. Нужно было приучить девушек ходить. Однажды я сказал, что нам нужно будет добраться до порта Эссингтона или же отправиться сухим путем разыскивать порт Дарвин. Мои англичанки решительно запротестовали, а потом сознались, что боятся итти так далеко. Их страх перед чернокожими еще не прошел до сих пор.

Кроме разговоров мы занимались по вечерам пением, декламацией стихов. Я изготовил нечто вроде скрипки, струнами которой служили жилы кенгуру, а смычок был сделан из моих волос. На этой скрипке я пиликал по вечерам. Звуки были не из приятных, но чернокожие приходили от них в дикий восторг.

Наша хижина понемногу становилась все больше и больше похожей на жилье белого человека. Мы обтянули ее стены изнутри корой дерева «папайя», она была красивого красно-бурого цвета. Из травы сплели небольшие цыновки, которые и разложили на земляном полу. Англичанки постоянно приносили много цветов.

Мы ставили их в самодельные «вазы», выдолбленные из обрубков дерева.

Племя Ямбы нередко уходило кочевать. Мы не хотели покидать своей хижинки (точнее — не хотели девушки) и подолгу оставались на берегу одни. Иногда нас навещали чернокожие соседних племен. Мы старались всячески их развлечь, чтобы показать свою радость от встречи.

Особенно удивлял чернокожих своими выходками Бруно. Он хорошо кувыркался через голову, ходил на задних лапах. Все это приводило дикарей в восторг. Занимал их и заливчатый лай Бруно. Тамошние дикие собаки — «динго» скорее выли, чем лаяли. Звук лая был незнаком чернокожим и всегда сильно поражал их. Не мало поражали туземцев и охотничьи таланты Бруно. Многие из них постоянно просили меня, чтобы я подарил им эту собаку. Я старался всячески прекращать такие разговоры. Подарить им Бруно я не мог, а прямого отказа избегал.

Во время дальних прогулок мне приходилось держать Бруно около себя. Дело в том, что туземцы, увидевшие его впервые, принимали Бруно за дикого зверя (он совсем не был похож на собак туземцев, мало отличавшихся по виду от диких собак «динго») и пытались заколоть его копьем. Только ловкость и увертливость спасали Бруно во многих таких случаях.

Мы часто ловили рыбу сетями или били ее острогой. Редкий день мы не ели свежей рыбы за завтраком или обедом. А кроме рыбы море доставляло нам и ракушки, вроде устриц, и моллюсков, и разнообразных морских раков. Ямба готовила очень вкусное блюдо из корней и стеблей водяной лилии. Из зерен кое-каких диких злаков мы готовили даже муку. Мы растирали зерна между большими камнями. Из муки пекли лепешки и даже пироги. Разнообразные плоды, ягоды, орехи — все это было в изобилии. На кухонные дела у нас и уходила большая часть дня. То нужно было ловить рыбу, то собирать ракушки, то итти за кореньями, плодами, ягодами. День проходил незаметно. Мы были, пожалуй, даже счастливы, по крайней мере настолько, насколько это было возможно в нашем положении.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БОРЬБА С ТОСКОЙ. — КОРАБЛЬ. — КАТАСТРОФА. — ОДИН, ОДИН!

И ВСЕ-ТАКИ — нет-нет, а на нас нападала тоска. Мы иногда так рвались в цивилизованный мир, что не могли побороть отчаяния. Англичанки особенно часто страдали от этого. Они часами лежали на берегу и горько плакали. Они, казалось, потеряли всякую надежду на возможность возвращения на родину. Бывали та-

кие минуты и у меня. Но я всячески старался побороть себя, старался не поддаваться отчаянию. Я старался отвлечь моих спутниц от тяжелых мыслей, старался всевозможными способами.

Я наделал всяких музыкальных инструментов: дудок и дудочек, барабанов. Я обучал Бруно все новым и новым штукам. Я сам — то песней, то шутками, то гимнастическими упражнениями — пытался отвлечь мысли тосковавших англичанок. По большей части мне удавалось это. Слезы исчезали, а если тот же Бруно проделывал что-нибудь уж очень занятное, то слезы быстро сменялись и улыбкой. Но мне-то самому все это стоило большого напряжения и усилий. Ведь и я тосковал по родине не меньше их!

Редкий день проходил без того, чтобы мы не провели несколько часов на берегу. Мы всматривались в морскую даль и искали паруса. Ведь должен же будет когда-нибудь появиться на горизонте корабль...

Так прошло два длинных года. За это время мы несколько раз видели далеко на горизонте паруса. Но корабль был так далек, что нас с него вряд ли заметили бы. А если бы и заметили, то приняли бы за чернокожих. Ведь мы мало чем отличались от них по внешнему виду.

Я подхожу теперь к очень тяжелому событию. До сих пор я не могу говорить о нем без боли.

Однажды мы увидели судно, медленно плывшее в нескольких милях от берега. Ах, это судно! Лучше бы его никогда не было!

Мы пришли в неописуемое волнение. Англичанки забегали по берегу, замахали руками, начали громко кричать. Я боялся, что судно не обратит на нас внимания, примет нас за туземцев. И вот я решил попытаться «перехватить» это судно, отправиться на перерез ему на челне. Обе девушки умоляли меня взять их с собой. Я долго отговаривал их. Они не прекращали своих просьб. Против своей воли я уступил их просьбам. Каждая минута была дорога, я не мог терять времени на уговоры.

Пока Ямба готовила мой челн, я побежал к туземцам и упросил их помочь мне. Они охотно согласились. Через несколько минут от берега отчалила целая флотилия челнов-каттамаранов. Дикари гребли с такой быстротой, что я едва поспевал за ними.

Теперь-то я понимаю, что наша флотилия должна была иметь довольно грозный вид. Люди, находившиеся на корабле, должны были испугаться. По залитой солнцем морской глади к ним неслось несколько десятков каттамаранов, наполненных дикарями, издававшими громкие крики и самые дикие возгласы. Несомненно, что экипаж корабля подумал: «На нас готовится

нападение». Но я-то, тогда охваченный горячкой, не мог сообразить этого.

Если бы я плыл один, без туземцев, то, может быть, дело и кончилось бы благополучно. Ямба и я так быстро гнали наш челн, что вскоре мы обогнали туземцев и оказались значительно впереди. Чем ближе мы подплывали к кораблю, тем сильнее волновались мои спутницы. Они, как безумные, размахивали руками и кричали до хрипоты.

Когда мы приблизились к судну, то я был немало удивлен. На судне не было видно ни одного человека. Судно было несомненно европейское. От нас до судна оставалось каких-нибудь 100 метров. Я встал во весь рост в челне и несколько раз окликнул судно. Никто не отозвался. На палубе никого не было. Мое радостное возбуждение исчезло и заменилось сначала удивлением, а потом тревогой, быстро перешедшей в ужас.

Тем временем флотилия туземцев поравнялась с нами. И вот в тот момент, когда я взялся за весла, чтобы подойти к судну еще ближе, раздался ружейный залп.

Я не помню, что случилось затем... Я упал в воду — почему, не знаю. Девушки вскочили на ноги, наш челн перевернулся.

Ямба бросилась ко мне, схватила меня за волосы. Она подтащила меня к челну, перевернула его... Все это я помню как сквозь сон.

Помню, как лежа на дне челна я шептал:

— А где они? Мы должны найти их...

Мы не нашли англичанок. Они утонули.

И я, и Ямба, и туземцы много раз ныряли,— так ничего мы и не нашли. Кровь из пораненного мной при падении бедра сочилась все сильнее и сильнее. Я начал слабеть. Ямба загребла к берегу.

Корабль, разогнав выстрелами нашу флотилию, ушел. На нем так и не узнали, в кого они стреляли.

Тяжело мне было чувствовать себя виновником всего случившегося. Ведь я был виноват в том, что экипаж корабля принял нас за нападающих. Зачем я взял с собой англичанок, зачем просил туземцев провожать нас? Я не винил ни в чем экипаж судна. Ведь и я на их месте поступил бы точно так же.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

МЫ ПУСКАЕМСЯ В ПУТЬ. — ШАЛАШНИК. — КРЫСЫ. — ДОЖДЬ ИЗ РЫБЫ.

Я РЕШИЛ распрощаться с племенем Ямбы и попытаться добраться сухим путем до какого-нибудь поселения белых. На этот раз я решил итти прямо на юг. Я рассчитывал, что, идя так все время, доберусь когда-нибудь до Сиднея, Мельбурна или Аделаиды. Я не знал того, какое необъятное пространство гор, пу-

стынь и необитаемых равнин отделяло меня от этих больших городов. Я только знал, что все они лежат к югу от нашего залива, и думал, что через несколько недель пути буду в большом городе.

Спешить мне было некуда. Мне выгоднее было медленно, шаг за шагом, подвигаться вперед, чем бесцельно скитаться и бродить по лесам и пустыням здесь, у берегов залива. Я думал, что мое новое путешествие скорей и верней приведет меня к цели.

Ямба, конечно, согласилась итти вместе со мной. И вот, через несколько недель со дня гибели англичанок, мы тронулись. Нас сопровождал неизменный Бруно.

Я захватил с собой свое оружие — лук, стрелы, нож, топор. Ямба несла свою плетеную корзинку, эту неизменную спутницу туземных женщин. Отправляясь в путь, я и не предполагал, что мы забредем в самые дебри неисследованных еще стран Австралии.

Проходил день за днем. Мы двигались вперед и вперед по намеченному нами пути. Нашими путеводителями были, как и всегда, солнце, деревья и всевозможные иные приметы. Выход из норки двуутробки, расположение отверстий муравейника, место прикрепления осиного гнезда— все говорило нам о том, где — север, где — юг.

Не всегда мы могли итти прямо на юг. Непроходимые заросли, лесные чащи, горные хребты нередко преграждали нам путь. Мы не могли итти напрямки. Приходилось пробираться по тропам, проложенным туземцами, а они вели куда попало — на север, на восток, на запад. Путь туземцев лежит обычно от одного источника воды к другому. Этими путями нам и приходилось итти. Но, колеся по всем этим тропинкам, мы упорно старались придерживаться нашего основного направления — на юг.

Из зарослей кустарников и лесной чащи мы вышли вскоре на обширное плоскогорье, поросшее мягкой низкорослой травой. Деревьев здесь почти не было. Вода имелась в изобилии. Эти места были очень богаты дичью. Кенгуру встречались на каждом шагу, то тут, то там виднелись австралийские страусы эму. Молодые эму были очень вкусны. А иногда мы натыкались на запоздалое гнездо — яйца эму тогда шли нам на обед. Они были очень велики, и больше двух яиц я никак не мог осилить. И то второе яйцо я доедал уже с трудом.

Степь снова сменилась лесной чащей. Здесь лес был так густ, что мы вряд ли смогли бы итти через него напрямки. К тому же леса эти были очень бедны живстными. Кенгуру в них, понятно, не было — кенгуру равнинный житель. Птиц было маловато. Пищу нам приходилось добывать

с большим трудом. Поэтому мы шли, придерживаясь опушки. Это, конечно, сильно удлиняло наш путь.

В этом лесу я встретился с одной из замечательнейших птиц Австралии. Я бродил по лесу в поисках добычи. Меж деревьев мелькнула какая-то скромно окрашенная птица. Она была невелика — с галку. Я стал подкрадываться к этой птице. Она перелетала с места на место, а я шел за ней. Птица вывела меня на небольшую полянку.

У края полянки виднелось какое-то сооружение вроде шалашика. К нему-то и подлетела птица. Когда я подошел поближе, то увидал, что шалашик был разукрашен самыми разнообразными предметами. Тут были и яркие перья попугаев-какаду, и лепесточки цветов, и камешки. Перед шалашиком было что-то вроде «выставки»— то тут, то там на земле лежали разнообразные камешки и раковинки.

Только теперь я сообразил — кого встретил. Это была птица-шалашник, про которую я читал когда-то давно, еще в детстве. Эта птица строит из прутьев и веток шалашик и всячески украшает его. Она тащит к нему и перья птиц, и камешки, и раковинки, и многое другое, но всегда ярко окрашенное. Шалашник не живет в своем шалашике. Он строит его только, так сказать, для развлечения. Нет! Это я не точно сказал.

Скорее это нечто схожее с токованьем тетеревов, тягой вальдшнепа, пеньем певчих птиц. Этим путем самец привлекает самку.

Я долго просидел около шалашика, рассматривая все эти вещицы, которые натащила сюда птица. Я нашел среди камешков даже осколок стекла. Откуда достала его птица? Должно быть через много «рук» он прошел, прежде чем попал в эти дебри (позднее я узнал, что от этого гнезда до ближайшего поселения было более тысячи километров).

Я не стал убивать шалашника, а пошел искать другой добычи.

Однажды, когда мы шли, не торопясь, через реденький лесок, Ямба вдруг прервала мои мысли тревожным криком.

— Скорей, на дерево!

К этому времени я уже привык тотчас же поступать по совету Ямбы. Ведь она гораздо лучше меня знала все лесные порядки. Я вскарабкался на дерево, захватив с собой и Бруно. Ямба давно уже была там.

Сидя на дереве, я спросил Ямбу — в чем дело. Вместо ответа она показала мне пальцем на небольшую луговинку, видневшуюся меж деревьев. Луговинка была словно живая — она вся шевелилась. Я сначала ничего не понял, но потом, приглядевшись, увидел: луговинка была сплошь покрыта массой каких-то маленьких

зверьков. Эти зверьки быстро передвигались, приближаясь к нам.

Это удивительное зрелище навсегда останется в моей памяти. Прошло несколько минут, и по земле, под нами, побежали тысячи и тысячи крыс. Стая грызунов уничтожала все живое, что встречала на своем пути. Крысы не останавливались, они все бежали и бежали. Они ударялись о деревья, толкали друг друга, на ходу кусались и дрались. Беспрерывный топот тысяч маленьких ножек и писк производили какой-то очень странный звук, словно шорох морских волн, бьющихся о борт корабля.

Мы видели, как крысы, пройдя лесок, добрались до речки. Они всей стаей переплыли через нее, выбрались на другой берег. Они ни на минуту не остановились и бежали все дальше и дальше. Скоро они скрылись из наших глаз.

Ямба сказала мне, что она уже много раз встречалась с такими крысиными стаями. Особенно часто их можно видеть незадолго до наступления дождливого времени. Тогда крысы, живущие в низинах, перебираются в более возвышенные местности.

Вообще во время этого путешествия я видел много интересного. Помню, как однажды мы встретились с огромными стаями саранчи. Целой

тучей эти насекомые спустились на берегу озерка, покрыли толстым слоем воду. Они были желтовато-коричневого цвета, длиной с мой большой палец. Саранча оказалась очень вкусной. Ямба поджаривала ее на раскаленных до-красна камнях. Я с удовольствием поел этого, еще незнакомого мне, кушанья.

Мы были уже месяца три в пути, как случилось нечто такое необычайное, что не всякий этому и поверит. Но в Австралии это явление не так-то уж редко.

Мы с Ямбой шли по сухой и гладкой равнине, поросшей сухой колючей травой. Кругом — ни деревца. Собираясь отдохнуть и подзакусить, мы расположились на траве. Вдруг на горизонте появилось большое черное облако. Мы обрадовались. Дождь был бы нам очень приятен. Скоро облако надвинулось, затянуло небо над нашими головами. Хлынул ливень... И вот, вместе с водой, на нас сверху западали небольшие рыбки величиной с уклейку.

Когда этот удивительный ливень прошел, громадные лужи остались во всех углублениях почвы. Большинство луж прямо-таки кишело рыбой.

Через несколько дней лужи высохли. Рыба перемерла, начала гнить. Вонь поднялась такая, что мы поспешили уйти подальше от этих мест.

Сам рыбный дождь, который мало удивил Ямбу,— она была с ним знакома, — меня очень заинтересовал.

Я знал, что смерчи уносят иногда вместе с водой, захваченной крутящейся воронкой из реки или озера, рыбу. Но я никогда не предполагал, что рыбы может оказаться так много и что смерчом ее унесет так далеко и высоко.

Ведь самого-то смерча мы не видали, мы видели только облако, в которое попала эта унесенная смерчем рыба.

Я припомнил, что и раньше я несколько раз встречал лужи, кишевшие рыбой. Я и тогда недоумевал — откуда туда попала рыба. Теперь это стало мне понятно.

Несколько дней мы питались этой рыбой. А потом, как я уже говорил, поспешно тронулись дальше.

Вскоре после рыбного дождя мне пришлось полакомиться и еще одним местным блюдом. В дуплистых стволах, в трухе, затем в гниющих пнях мы нередко находили много белых личинок.

Это были личинки одного из жуков-дровосеков. Они были очень мягки и жирны. Мы поджаривали их на раскаленных углях и ели. Они были очень вкусны, напоминая по вкусу каленые орехи. Мне они очень понравились, и я никогда не упускал случая ими полакомиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧИ С ТУЗЕМЦАМИ.— СПАСИТЕЛЬНАЯ ЗАБАВА.— ТАИНСТВЕННЫЕ КОПЬЯ.

Во ВРЕМЯ нашего странствования к югу мы все время переходили от одного племени туземцев к другому. С одними мы оставались на некоторое время, с другими только обменивались приветствиями. А если племя перекочевывало к югу, то мы шли вместе с ним до тех пор, пока оно не сворачивало в сторону.

Случалось, что какое-нибудь племя при первой встрече относилось к нам как бы враждебно. Обычно мне быстро удавалось с помощью самых простых приемов установить дружеские отношения.

Я помню, как однажды мы с Ямбой были напуганы внезапным появлением из-за холмов толпы человек в двадцать чернокожих в полном боевом вооружении. Вид они имели очень внушительный. Завидев нас, они остановились. Я приблизился к ним, сказал, что я — не враг и протянул им свою палочку-паспорт.

Наречие, на котором говорили эти воины, было незнакомо Ямбе. Нам пришлось объясняться знаками. Я старался изо всех сил, но они ничего не хотели понимать. Они грозно размахивали копьями и были настроены очень враждебно.

Ямба шепнула мне, что лучше уйти. Но мне не хотелось признать себя побежденным. По-

спешно вытащил я свою дудку и начал свистеть на ней, неистово отплясывая ирландскую джигу. Это произвело замечательное действие. Мрачные и злобные воины побросали свои копья и принялись хохотать. Я плясал до полного изнеможения. Закончил я свое «представление» тем, что перекувырнулся несколько раз через голову и прошелся на руках.

Я победил и на этот раз. Когда я кончил кувыркаться, дикари подошли ко мне и приветствовали меня самым дружеским образом.

Воины зазвали нас в свое становище, в нескольких километрах расстояния от того места, где мы встретились. Был устроен большой пир, на котором до глубокой ночи воспевались все те удивительные вещи, которые они видели в этот день.

По мере того как я продвигался в глубь страны, я стал замечать все большую и большую разницу во внешности здешних и береговых туземцев. Они имели более темно окрашенную кожу, были менее развиты физически и стояли на более низкой ступени умственного развития. Их вооружение было проще и более первобытное. У многих племен я даже не заметил щитов.

Те туземцы, дружбу которых я приобрел танцами, были, пожалуй, самыми безобразными по внешности из всех виденных мной племен. Это были низкорослые, коренастые и неуклюжие лю-

ди, с низкими вдавленными лбами и очень некрасивыми лицами.

Они очень неохотно расстались со мной и дали мне провожатых — целый отряд воинов, которые и шли с нами весь день. Передав нас с рук на руки соседнему племени, они ушли обратно. Так от одного племени к другому мы и переходили, когда шли более населенными местностями. О нашем приближении туземцы, как и везде, извещали друг друга дымовыми сигналами.

Понемногу я начал тревожиться. Очевидно, мы заходили в такую страну, где никакие мои «чудеса» не смогут охранить нас от враждебно настроенных чернокожих. Вскоре мы встретились с таким племенем, которое не только не ответило на мои приветствия, но и прямо пыталось начать вооруженные действия. Я попробовал поиграть на дудке — ничего из этого не вышло. Прежде чем я успел собраться и разок-другой перекувырнуться, в нас полетело несколько копий. Тогда я пустил в них с полдюжины стрел. Я не целился низко, так как не хотел попадать в туземцев, я только хотел их попугать.

Действие стрел было изумительно. Туземцы замерли на месте. Они были так ошеломлены тем, что над их головами носятся какие-то «таинственные копья», что у них опустились руки с копьями.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПОДВИГАТЬСЯ К ЮГУ. — БЕЗВОДНЫЕ ПРОСТРАНСТВА. —БОРЬБА СО ЗМЕЯМИ. — РУБИНЫ. — ВСТРЕЧА.

Итак, я и на этот раз справился с враждебными туземцами. Они стали если и не друзьями, то хорошо настроенными ко мне. Их поражали мои «сверхъестественные способности». Осуждать туземцев за их недружелюбное, на первых порах, отношение ко мне я не мог. По их понятиям всякий чужой человек мог оказаться врагом. А про белых людей они знали — кто по слухам, кто — из личного опыта, что всякий белый человек — непременно враг. Мало хорошего видели они от белых! Когда туземцы убеждались в том, что от меня им ничего плохого ждать не приходится, они резко меняли свое отношение ко мне, становились дружественны, гостеприимны.

Месяц за месяцем продолжали мы свой путь к югу. Мы то-и-дело уклонялись в сторону, чаще на северо-восток, иногда на запад. Мы старались итти равниной, оставляя в стороне горные хребты, которые порой преграждали нам путь. Кое-где мы встречали целые стаи сухопутных гусей, которые доставляли нам прекрасную пищу.

Этот гусь был очень любопытен. Прежде всего — он не так-то уж придерживался воды, как его европейские родичи. Плавал он совсем

мало. Зато на суше — тут он был дома. Он бегал очень хорошо. Носы этих гусей не походили на гусиные, они напоминали клювы обычных кур. За это сухопутного гуся прозвали, между прочим, «куриным гусем». Эти гуси были совсем не пугливы. Можно было часами наблюдать, как они бродили по равнине, пощипывая траву или вырывая из земли своим крепким клювом корешки.

Гуси не держались большими стаями, они всегда ходили вразброд. Они были очень драчливы, и я много раз видел, с каким ожесточением они сражались друг с другом.

Убивать этих гусей не составляло никакого труда. Они были так непугливы, что я много раз убивал их просто ударом палки по голове. Вот как близко можно было подойти к птице!

Чем дальше к востоку, тем гористее становилась страна. На запад же от нас тянулась совершенно безводная и сухая равнина. Случалось, что по 2—3 дня мы не встречали и следов воды. Мы несли теперь с собой небольшой запас воды. Посудой нам служили кишки большого кенгуру. Нередко в этой местности и с пищей приходилось туго, дичи становилось все меньше и меньше.

Когда нам случалось увидеть вдали небольшую рощицу, мы тотчас же спешили к ней. Там всегда можно было найти воду. Если ее не было на поверхности почвы, то легко можно было дорыться до воды.

Границы между пустынными равнинами и лесом были очень резки. Словно по линейке кончалась полоса деревьев и сразу начиналась безводная пустыня. Несомненно, это зависело от особенностей почвы, хотя я и не догадался тогда получше изучить этот вопрос.

Однажды мы остановились на несколько дней у одного из племен. Вождь вздумал показать мне очень любопытные пещеры в низких известковых скалах, неподалеку от становища племени. Вся эта местность вообще была очень гориста. Я не терял надежды, что рано или поздно вернусь в цивилизованный мир, а потому с жадностью хватался за все любопытное и необычайное. Я приглядывался ко всему, что встречал, стараясь собрать как можно больше сведений, для того чтобы потом поделиться ими с соотечественниками.

Пещеры были интересны, и я решил их подробно обследовать. Бродя по одной из них, я случайно натолкнулся на глубокую яму, имевшую около 6 метров в поперечнике и метра 3 в глубину. Дно ямы было чистое, песчаное и совершенно сухое. Мне показалось, что в одном месте стены ямы имеется углубление. Я соскочил в яму, оставив Бруно наверху. Он лаял изо всех сил. Помню, что у меня в руках была довольно большая палка и вот, когда я собрался ощупать ей углубление в стене, то заметил, что

из углубления высовывается голова змеи. Я отскочил назад, насколько смог. Змея выползла и двигалась прямо на меня. Пятиться дальше я не мог — яма была не так-то уж широка. Я проворно изо всех сил ударил змею палкой по спине. Такой удар надежнее, чем по голове — позвоночник змеи перебивается и она не может ползти. Удар же по голове может и не убить змею, она бросится, укусит...

Едва успел я расправиться с этой змеей, как из углубления показалась вторая. Я перешиб спину и этой. Но из углубления показались новые головы. Змея за змеей выползали из углубления. Очевидно там собралось на зимовку множество змей.

Хорошо, что змеи выползали поодиночке. Выползи они сразу — мне не справиться бы с ними. Я не мог и представить себе, сколько времени протянется эта борьба со змеями. Они все ползли и ползли. Едва я успевал убить одну и сделать шаг к стене ямы, чтобы попытаться выбраться наружу, как показывалась новая голова. Бруно с громким лаем носился вокруг ямы. Он хорошо был знаком со змеями и теперь пришел в большое возбуждение.

Змеи были полусонные, малоподвижные. Ведь случилось все это в зимние месяцы, они спали. Я разбудил их своей возней в яме. Полусонные змеи были не очень проворны и поворотливы,

и это и спасло меня. Случись такая история летом — не выбраться бы мне живым из этой ямы!

Больше змей не выползало я перебил всех. Тогда я начал считать свои трофеи. Всего оказалось 68 больших черных змей каждая более метра длиной. Это были одни из самых ядовитых змей Австралии — «черные змеи».

Я, конечно, воспользовался этим случаем, чтобы удивить туземцев и дать им лишнее доказательство своей храбрости. Я позвал и привел их к яме. Увидя на дне ямы такую кучу убитых змей, они прониклись ко мне невероятным почтением. Я стал героем в их глазах. Они очень боялись ядовитых змей и не могли даже и представить себе, что обычный человек сможет с ними справиться. Сознаюсь, я не сказал туземцам, что перебил змей поодиночке. Видя целый ворох этих гадин, они, понятно, подумали, что я перебил их всех сразу. Это-то и вызвало такое удивление.

Событие было тотчас же возвещено всем соседним племенам. Дымовые сигналы быстро разнесли эту весть. К яме начали собираться туземцы со всех сторон. По стране быстро распространились слухи о моем «подвиге». На ближайшем же корреббори этот подвиг воспевался с такими добавлениями и преувеличениями, что я смущался — ведь я был далеко не тот «герой», которого воспевали местные певцы и поэты.

Невдалеке от этих же мест я сделал одно открытие. Местные горы вообще изобиловали всякого рода ценными минералами. Однажды, идя по каменистой осыпи, я заметил несколько каких-то мутно-красных поблескивавших камешков. Рассмотрев их, я узнал в них — рубины. Я поискал и нашел много рубинов, очень больших по размерам и хороших по качеству. В каменистой осыпи было целое богатство! Но на что было оно мне? Я с радостью бы отдал горсть этих рубинов за щепотку поваренной соли.

Расскажу уж кстати, что в одном из горных отрогов я набрел на кварц, столь богатый золотом, что его можно было принять за золотой слиток. Я показал этот огромный блестящий кусок Ямбе и сказал, что люди моей страны согласились бы отправиться на край света за такими кусками. Ямба не поверила мне, она думала, что я шучу. У некоторых туземцев этих стран я видел иногда кусочки золота, привешенные к копьям. Делалось это, чтобы сделать копье более тяжелым.

Заговорив о копьях, скажу, что здесь же я видел каменоломню, в которой добывались камни для изготовления наконечников для копий. Сюда стекался народ изо всех окрестностей. Камень, род кремня, был очень крепок и тверд, его можно было очень остро обточить, а потому он и сильно ценился туземцами.

Способ добывания осколков для выделки наконечников был очень прост. На большом куске камня раскладывался костер. Когда камень накалится, на него льют воду. Воду туземцы лили не как попало. Они так ловко направляли струйку воды, что камень трескался в желаемом направлении, растрескивался на ряд почти одинаковых кусочков.

Мы провели уже около десяти месяцев в глуши, когда случилось одно событие, совершенно изменившее все мои планы.

Мы проходили бесплодной и сухой местностью. По пути нас встретило несколько туземцев. Все они были здоровые и сильные молодые люди. Мы пошли с ними вместе и хорошо сделали. Без них мы наверное погибли бы в этой пустыне.

Однажды мы только что начали спускаться с небольшого холма в долину, как вдруг я увидел в нескольких сотнях шагов от нас четырех всадников. Это были белые! На них был обычный костюм колониста тех времен: большие широкополые шляпы, фланелевые рубашки, грязные белые штаны и сапоги. Я хорошо помню, как они медленно плелись по дороге, очевидно их лошади были сильно утомлены.

— Наконец-то! — воскликнул я.

С громкими криками я бросился вперед. Я размахивал руками и кричал до хрипоты. Я издавал, совершенно машинально, воинственные

крики туземцев. За мной бежали мои спутники — Ямба и молодые туземцы.

Всадники, увидя, что на них бегут с криками и оружием в руках (у меня был мой лук, у туземцев — копья) какие-то туземцы, не долго раздумывали. Они вскинули ружья и дали залп. Лошади, напуганные выстрелами и нашими криками, шарахнулись, некоторые из них даже встали на-дыбы. Это еще более увеличило суматоху.

Грохот выстрелов и свист пуль заставил меня опомниться. Я лег на землю и спрятался в густой траве. Моему примеру тотчас же последовала Ямба, а за ней и туземцы.

Лежа в траве, я понял всю нелепость моего поведения. Я хотел вскочить и броситься вдогонку за всадниками. Ямба удержала меня, она говорила, что такой поступок — верная смерть.

Увидев, что мы скрылись в траве, всадники повернули лошадей и поскакали на юг. Мы же, очнувшись от страха и вообще опомнившись, поднялись и поплелись к ряду холмов, тянувшихся невдалеке от нас. Здесь мы расстались с нашими спутниками — их путь шел на юго-запад.

Бешенство, отчаяние и бессильная злоба — все вместе — овладели мной, после того как белые скрылись из виду. Я был каким-то отверженным в их глазах. Рука каждого из них всякий раз поднималась, при встрече, на меня.

Разочарование за разочарованием, с одной стороны, постоянные уговоры Ямбы и ее соплеменников, относившихся ко мне так хорошо, с другой, все это мало-по-малу примиряло меня с жизнью среди дикарей. Я начинал думать, что никогда не смогу вернуться к цивилизованным людям, что так и проживу с туземцами до смерти.

С горечью я думал о том, что всего покойнее для меня будет вернуться к горным племенам чернокожих. Там, среди неприступных гор, за бесплодными пустынями, мы будем в безопасности. Туда не доберутся эти белые, такие жестокие и безжалостные. Я начал — вы замечаете это? — смотреть на белых глазами туземцев. Я начал видеть в них самого страшного врага. А ведь я-то сам — я был белый!

И вот, я пошел обратно, к уже знакомым горам. Мы — я, Ямба, Бруно — мы повернулись спиной к югу, спиной к «цивилизации»!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОТКРЫТИЕ ЯМБЫ. — НАШИ НАХОДКИ. — КОГО МЫ ВСТРЕТИЛИ. — РАЗОЧАРОВАНИЕ. — БРУНО — СТОРОЖ. — ТЯЖЕЛАЯ НОША.

ПРОШЛО НЕСКОЛЬКО дней после принятого мной решения — уйти в горы. Мы молча и уныло брели, постепенно удаляясь от гряды холмов, тянувшейся по южной окраине равнины. Вдруг Ямба тихонько вскрикнула и остановилась.

Она указывала на отчетливые следы человеческих ног на песке и уверяла меня, что это след белого.

Я все еще горел жаждой мести. Я ненавидел белых. И вот, я решил итти по этому следу. Я хотел выместить на этом белом свою злобу. Я сделался чернокожим дикарем — так велика была моя ненависть и жажда мести.

Более двух суток шли мы по следу белого человека. Следы были странные. Белый описывал какие-то круги, которые все более и более уклонялись влево. Потом нам начали попадаться различные вещи, очевидно разбросанные блуждавшим человеком. Прежде всего мы нашли обрывок письма, адресованного кому-то, кажется в Аделаиде. Оно было написано, повидимому, женщиной. Она поздравляла адресата с тем, что он теперь является участником экспедиции, которая намеревается пройти из края в край через весь материк Австралии; что это принесет ему славу и известность; желала ему всяких успехов и прибавляла, что никто не будет так рад его возвращению на родину, как она. Подписи не сохранилось.

Местность, по которой мы шли, представляла собой бесплодную песчаную пустыню, кое-где поросшую низкорослым кустарником. Ямба шла впереди, разглядывая след.

Вдруг она нагнулась и подняла большую шляпу с широкими полями. Пройдя немного,

мы подняли мужскую рубашку, а затем — штаны, ременный пояс и пару изношенных сапог.

Взойдя на пригорок, мы увидели перед собой, на песке, всего в нескольких шагах от пригорка, полуголого человека, лежавшего лицом вниз. Мы быстро сбежали с пригорка. Мое первое впечатление было — на песке лежит мертвец. Пальцы этого человека судорожно впились в песок, руки раскинуты.

Когда я перевернул этого человека на спину, то увидел, что он еще жив. Я был очень обрадован. Чувство злобы исчезло.

«Вот мой будущий товарищ! Он поможет мне вернуться!» — подумал я.

Я смочил его рот водой, которую Ямба всегда имела при себе (она носила воду теперь в мешочке, выделанном из целой шкурки вомбата), а затем принялся растирать его, чтобы восстановить кровообращение. Когда наш запас воды истощился, Ямба побежала к небольшому озерку, мимо которого мы прошли еще утром. Она пробегала гораздо больше часа. Все это время я, не переставая, растирал моего больного. Но сколько я не старался, никаких признаков возвращения к жизни он не обнаруживал.

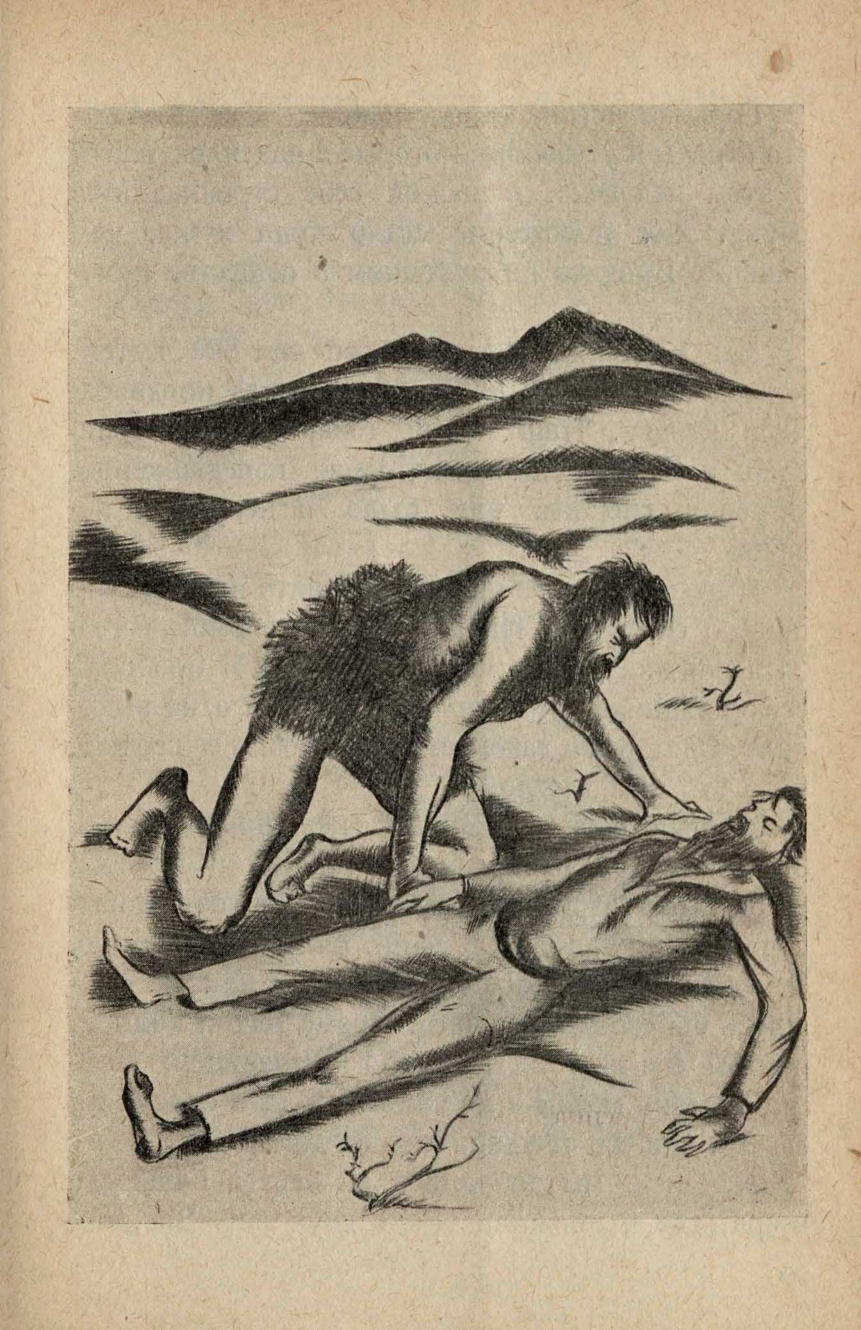
Ямба вернулась с водой. Мы снова мочили губы, лоб, шею и грудь несчастному. Растирали ему водой пульс и виски.

Наконец он издал какой-то звук, не то захрипел, не то застонал. Я осторожно влил ему несколько капель воды в рот. Он проглотил воду, но в сознание так и не пришел. Между тем уже стемнело. Мы решили остаться здесь до утра. Всю ночь мы с Ямбой просидели около больного, смачивая ему язык и губы водой. Под утро он ожил настолько, что смог открыть глаза и взглянул на меня.

О, как я ждал этого взгляда!

Мое разочарование было ужасно. На меня смотрели совершенно бессмысленные глаза. Он ничего не сознавал. Я думал, что это результат его болезненного состояния. Мне хотелось закидать его вопросами, но я сдерживался и заботился только об одном — окончательно привести его в чувство. Еще до полудня он настолько пришел в себя, что смог сидеть. Спустя несколько дней он уже мог сопровождать нас к озерку, близ которого мы расположились стоянкой. У этого озерка мы пробыли до тех пор, пока он не оправился окончательно, т. е. не стал бродить без посторонней помощи.

Он все время говорил. Говорил много, очень много. Я с жадностью ловил каждый звук, но... Это была не разумная речь, это был какой-то жалкий лепет, лепет без всякой связи и смысла. Иногда он исподтишка поглядывал на меня, а затем насмешливо кому-то подмигивал.

Горькая истина стала, наконец, ясна. Вместо отрады и утешения, которые я надеялся найти в этом человеке, я нажил себе страшнейшую обузу. Мое положение стало куда хуже, чем раньше. Бродить по пустыням в обществе помешанного...

Мы медленно шли обратно тем же путем, которым несколько недель тому назад продвигались к югу. Наш новый товарищ был очень слаб и сильно замедлял наше передвижение. Впрочем спешить нам было и некуда и незачем.

Я несколько раз пытался вызвать на разговор нашего спутника. Напрасно — он бормотал что-то невнятное, точно малый ребенок. Я пробовал его упрашивать, уговаривать — ничего не выходило. Один раз я даже немножко побил его со зла, но и это не помогло.

Хорошо еще, что Бруно очень привязался к помешанному. Он не отходил от него ни на шаг. Я был рад этому: незнакомец то-и-дело порывался уйти куда-нибудь один. Если бы не Бруно, он забрел бы куда-нибудь далеко, и нам же пришлось бы его разыскивать. Кроме того я боялся, как бы его не убил кто-либо из туземцев. Ведь его болезнь могли и не заметить, да и спасла ли бы еще она его от удара копьем дикаря.

Наконец мы добрались до берега большого озера, где и прожили около двух лет. Вас, мо-

жет быть, заинтересует, почему я поселился на озере? Причина — наш больной. Дальнейшее путешествие — к туземцам гористой страны — было из-за него прямо-таки невозможно.

Я был бы не прочь вернуться на берега морского залива, на родину Ямбы. Там, пожалуй, я скорей смог бы встретиться с белыми, корабли-то ведь в море бывали. Во всяком случае, это было бы и проще и спокойнее, чем бродить по австралийским пустыням. Но наш помешанный не позволял мне выполнить и этого намерения.

По пути к озеру нам пришлось пройти через очень дикую страну. Это были гряды скал, громоздившиеся целым рядом террас одна на другую. Их гладкие отвесные стены были едва доступны. Тут мы испытали немало горя с нашим больным. Он был слаб и легко утомлялся, он поминутно мог поскользнуться и скатиться в пропасть. Мне приходилось взваливать его себе на спину и тащить по тяжелой и опасной дороге.

Он не знал никого из нас. Его взгляд скользил по нашим лицам, как по пустому месту. Он никогда не обнаруживал ни страха, ни радости, ни удовольствия. Его лицо всегда было тупо и безжизненно. Если он не спал, то бродил. Бродил он всегда вокруг какого-нибудь места и при этом что-то бормотал и без устали жестикулировал.

Мы не мешали ему бродить — за ним присматривал в это время Бруно. А когда наступала пора обеда, мы шли за ним, приводили его к костру и усаживали. Он ел с своим обычным безразличным видом. Вряд ли он попросил бы у нас есть, если бы мы его проморили несколько дней без еды. Он ничего не хотел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СТРАННОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ. — БОРЬБА С ЧУДОВИЩЕМ. — «БУДЬ НАШИМ ВОЖДЕМ!» — ДЕВУШКА-МЕТИСКА. — СУДЬБА ЛЕЙЧАРДТА. — ЧЕЛОВЕК В ПОЛНОМ РАССУДКЕ. — СМЕРТЬ ГИБСОНА.

ЖИВЯ НА БЕРЕГУ большого озера, я получил однажды очень любопытное приглашение от одного из соседних племен. Еще вскоре после того как я здесь поселился, до меня дошли слухи, что в озере живет какое-то «чудовище». Оно нагоняло страх на девушек и женщин, приходивших к озеру за водой. И вот, когда слава о моих подвигах разнеслась по всем окрестностям озера (Ямба, конечно, постаралась сделать это), я и получил лестное для меня приглашение. Меня просили отправиться на другой берег озера и избавить жителей от присутствия «злого духа озера».

Оставив своего беспомощного товарища под надзором соседей-туземцев и Бруно, мы с Ямбой отправились в путь. Через несколько дней мы

добрались до лагеря туземцев на другом берегу озера. Озеро было очень большое, да к тому же окруженное непролазными топями. Обойти кругом него было нелегко. Берег озера, куда мы пришли, был очень красив — гористый, покрытый лесом. Еще в пути я успел разузнать от посланных за мной туземцев, что в озере давно уже живет какая-то огромная рыба или чудовище. Она-то и приводит в ужас все население этого берега.

Чудовище это, говорили они, подплывает к самому берегу и старается пронзить бедных женщин огромным копьем, которое оно держит во рту. Так вот каков был этот «злой дух озера»! Признаюсь, этот рассказ сильно смутил меня. Я думал, что это была какая-нибудь рыба, упавшая в озеро вместе с дождем из рыб. Упала в озеро она, понятно, маленькой, а потом выросла. Если это было так, моя задача была бы не так уже трудна. И я смог бы лишний раз показать туземцам, что я действительно «всемогущ».

Еще прежде чем пуститься в путь, я запасся кое-чем, что мне могло пригодиться при ловле «чудовища». Под вечер того дня, когда я пришел к звавшим меня туземцам, я спустился к берегу в сопровождении всего населения становища. Нам недолго пришлось ждать. Вскоре я заметил, что в воде плескалось что-то очень большое, вероятно — рыба. При виде «чудовища» туземцы

подняли неистовый крик. Они вопили, скакали и всячески бесновались, надеясь этим способом отогнать «злого духа» от берега.

Рыба была, повидимому, очень велика. Я судил об этом, по тем волнам, которые побежали по воде после ее плесканья. Нечего было и думать поймать ее с помощью веревки с крючком. Отправляясь на это дело, я заранее заготовил несколько больших крючков, сделанных мной из заостренной кости, веревка же была свита Ямбой из древесных волокон вперемежку с тонкими жилами и узенькими ремешками, нарезанными из кожи кенгуру.

Я сказал туземцам, что «чудовище» очень велико и сильно, что избавить их от него я могу, но на это потребуется время.

— Вы должны помогать мне, — прибавил я,— и делать, что я скажу.

На следующее утро работа закипела. Я решил попытаться изловить эту рыбину большой сетью. Для этого были нужны не только сети, но и челнок. Я засадил за работу несколько десятков туземцев, они сучили веревки из древесных волокон. Ямба же занялась челноком. Она очень хорошо и быстро умела делать легонькие челноки из древесной коры.

Мы проработали три дня. Ямба сделала два маленьких челна. Только я и она могли уместиться в таком челночке. Огромная сеть была

также готова. Ее кое-как связали из наспех изготовленных веревок, а для прочности прибавили туда еще и много длинных полос кожи кенгуру. Сеть была очень неуклюжа, но я надеялся, что она вполне выполнит свое назначение.

Мы перетащили на берег озера все наши припасы. Я и Ямба сели в челнок и потащили за собой сеть. Она быстро намокла и стала так тяжела, что мы едва справлялись с ней. Отъехав от берега, мы закинули сеть. Она уже успела намокнуть, а потому и потонула в воде очень скоро. Едва мы успели справиться с этим делом, как невдалеке от челна показалось «чудовище».

С страшным плеском раздалась вода близ челна. «Чудовище» бросилось на челн. Мы с Ямбой не стали дожидаться этого нападения — мы успели броситься в воду как раз во-время. Миг спустя над водой показалось страшное оружие «чудовища» — огромная костяная пила. Затем мы услышали удар, треск. Чудовище пробило своей «пилой» борты челнока.

Ох, что тут началось! Нос чудовища завяз в бортах челнока, а само оно запуталось в сетях. Оно билось в воде, поднимая такие волны, что мы едва могли бороться с ними. Кое-как мы добрались до берега.

Чудовище билось и подпрыгивало в воде. Оно высовывало из нее свою голову. Челн крепко сидел на носу-пиле «чудовища». Оно никак не

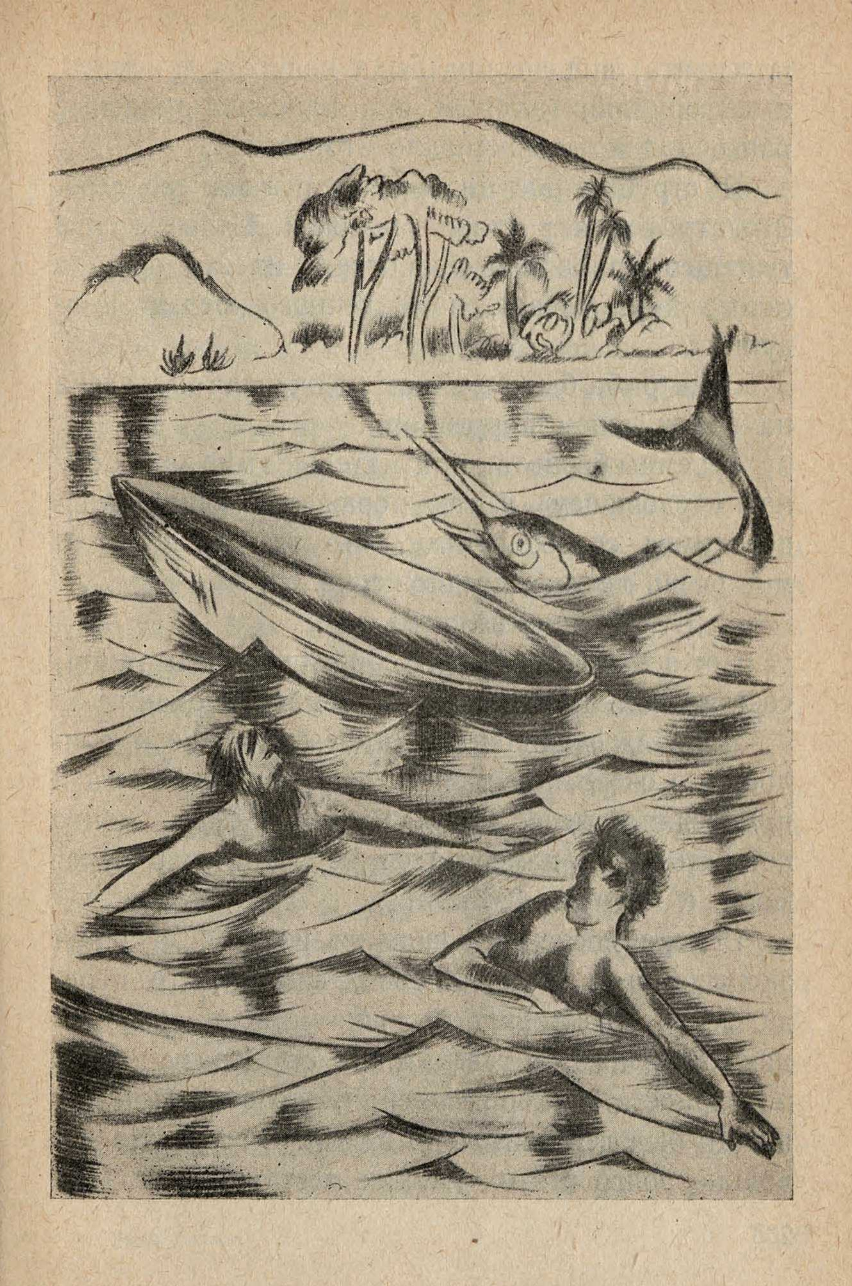
могло освободиться от этого «врага» и приходило в все большую и большую ярость.

Туземцы, стоя толпой на берегу, с громкими криками наблюдали за этой борьбой «чудовища» с челном. Они размахивали руками, хлопали себя по бедрам и так бесновались, что непривычный человек испугался бы при виде всего этого. Но я-то — я уже привык ко всякого рода выражениям чувств у туземцев, и на меня вся эта сцена не производила особого впечатления.

«Чудовище» стало заметно ослабевать. Оно сильно запуталось в сетях. Двигаться ему становилось все труднее и труднее. Тогда мы с Ямбой сели во второй челн и поплыли к нему. Несколько ударов топора — и я справился с пойманным «чудовищем».

С помощью сетей мы приволокли добычу к берегу. Туземцы, не без понуканий с моей стороны, потащили сеть на берег. Едва мы вытащили на берег добычу, как я тотчас же узнал, кто было это чудовище. Это была громадная пила-рыба. Она была очень велика, один нос ее был около метра в длину.

Как она попала в озеро? Туземцы ничего об этом не знали. Я думаю (да иного и быть-то не могло), что ее занесло сюда с одним из «рыбных дождей». Здесь она выросла. Такая большая рыбина не могла остаться незамеченной в озере, ей было в нем тесновато. Понятно, что, сильно

плескаясь, она должна была напугать туземцев, а ее оружие, которым она наносила ужасные раны, только увеличивало этот страх.

Я отрубил нос пилы-рыбы и взял его себе. Этот трофей я выставил напоказ. Целые толпы туземцев приходили посмотреть на это оружие «злого духа озера», побежденного «белым колдуном».

Сама рыба была кое-как поджарена и съедена на грандиозном корреббори.

Туземцы были так признательны мне за победу над «чудовищем» и так поражены моими «колдовскими» способностями, что тут же сделали мне очень лестное предложение.

— Будь нашим вождем!

Вот с какой просьбой обратилась депутация, состоявшая из храбрейших воинов племени.

Я поблагодарил их и отказался. Мне нравилось это озеро, нравились его красивые берега и прибрежные леса. Но я не хотел здесь долго оставаться. Я намеревался вернуться на берег моря, к племени Ямбы.

Вскоре после возвращения из этой славной экспедиции я узнал от своих соседей, что неподалеку от нас живет девушка-метиска, рожденная от белого и туземки. Я стал разузнавать подробности и скоро выяснил, что отец этой девушки был действительно белый. Он прожил довольно долго в этих глухих местах.

Однажды я совершенно случайно набрел на пирамидку, сложенную из отдельных плоских камней. Она была около $1^1/_2$ метров высотой. Я сразу увидел, что она сложена не туземцем. На некоторых из камней были заметны какие-то полустершиеся знаки, надписи и изображения. Разобрать их не было никакой возможности. Но на одном из камней, находившемся в более защищенном месте, мне удалось разобрать кое-что. Я ясно прочел инициалы «L. L.»

Я стал расспрашивать туземцев об этой пирамидке. У стариков мне удалось в конце концов узнать, что здесь, лет 20 тому назад, жил такой же белый, как и я. Он появился неизвестно откуда в этих местах. Ему, как водится, дали жену-туземку. Прошло несколько месяцев, и белый умер. Его жена родила, позднее, девочку, ту самую метиску, о которой я уже говорил.

Воспоминания об этом племени туземцев у меня сохранились особенно ярко может быть потому, что я прожил с ними довольно долго — около двух лет. А может быть и потому, что мне казалось: эта девушка — дочь Людвига Лейчардта, без вести пропавшего австралийского путешественника. Это был врач и прекрасный ботаник, удачно проведший экспедицию от залива Мортон до порта Эссингтон.

О том, что случилось с Лейчардтом в центральных областях Австралии, не имеется никаких

достоверных сведений. Он бесследно исчез. И вот я думаю, что его-то следы я и нашел на берегу этого озера — инициалы на камне пирамидки соответствовали как раз его инициалам.

Я продолжал жить на берегу озера. Я надеялся, что мой больной в конце концов оправится настолько, что мы сможем тронуться в путь на берега морского залива.

Прошло уже два года, а я все еще не научился понимать лепет моего больного. Он постоянно твердил одни и те же имена, одни и те же названия местностей. Бормотал о какой-то экспедиции, о каких-то исследованиях. Меня он никогда ни о чем не спрашивал, с туземцами никогда не разговаривал. Туземцы смотрели на него, как на какое-то высшее существо, его болезнь делала его таковым в их глазах. Они относились к нему очень почтительно.

Вскоре я начал замечать, что мой товарищ, вместо того чтобы поправляться и приобретать силы, заметно слабеет. Его настроение становилось все более и более подавленным. Иногда он по несколько суток подряд не выходил из своего шалаша.

Однажды, когда я вернулся с охоты, длившейся несколько дней, ко мне подбежала Ямба и сказала, что с больным плохо. Я поспешил к нему. Войдя в шалаш, я увидел, что он лежит на земле, весь вытянувшись. Я тотчас же сообра-

зил, что с ним какой-то припадок. Когда припадок прошел, я повернул больного на спину. Я уже несколько дней не видал его и потому был очень поражен видом больного. Его лицо было мертвенно бледно, он так похудел, что кроме костей, казалось, ничего у него не осталось. Я понял — смерти этого человека нужно ждать с часу на час.

Я как сейчас помню, все мы стояли вокруг него, выжидая момента, когда он откроет глаза. Он медленно поднял веки. Его взгляд остановился на мне. Этот безмолвный взгляд сильно потряс меня. Я понял, что на меня глядит разумное существо, человек в полном рассудке.

— Кто вы такой? Где я? — чуть слышно прошептал он.

Дрожащий и взволнованный, я опустился на колени подле него и подробно рассказал, как я нашел его два года тому назад в пустыне. Я сообщил ему, что сейчас он находится в самых дебрях центральной Австралии. Потом я послал Ямбу в свой шалаш за тем письмом, которое мы когда-то нашли в песках. Я прочитал это письмо больному. Сначала он слушал меня с большим удивлением, затем удивление сменилось утомлением, а потом — сильным упадком сил. Он попросил нас вынести его из шалаша на солнышко. Под открытым небом он как будто немножко ожил. Я прилег около него. Тут он сказал мне,

что его зовут Гибсон и что он участник экспедиции Жиля 1874 года.

С этого времени я ни на минуту не отлучался от Гибсона. Когда он чувствовал себя немного лучше, он рассказывал мне об этой экспедиции, но я не знаю — было ли это правдой или бредом, а потому и не стану передавать того, что услышал от Гибсона. Он, повидимому, сознавал, что умирает. Это скорее радовало его. Он был так слаб, измучен и утомлен жизнью, что желания жить у него не было.

С каждым днем Гибсон слабел все больше и больше. Я видел — смерть неизбежна. Не буду лгать, я был рад этому. Этот человек был для нас (меня и Ямбы) непосильной тягостью. Он вообще не мог жить той суровой жизнью, которой жили мы. Его кожа была так нежна, что нам постоянно приходилось заботиться об одежде для него. Его ноги были очень чувствительны. Босиком он ходить не мог, и мы то-и-дело обували его в сандалии из шкур, да и те частенько натирали ему ноги до крови.

Ямба еще раньше меня поняла, что он умирает. Ей было очень жаль его. Она попробовала возбудить его падавшие силы — дала ему лист особого растения «питхури». Этот лист туземцы жуют при упадке сил. Сок его вызывает нервное возбуждение, подъем сил. Но Гибсону и это не помогало.

Гибсон лежал на душистой и мягкой постели из листьев эвкалипта. Я и Ямба сидели около него. Вдруг он раскрыл глаза.

— Слышите вы что-нибудь? — спросил он меня, сделав страшное усилие.

— Нет.

— А я слышу. Я слышу голоса моих друзей.

Его лицо расплылось в улыбку. У него начинался бред. Он слышал голоса своих друзей, голоса участников экспедиции. Он что-то шептал им, но так слабо, что я ничего не мог разобрать.

Его рука сжала мою руку.

— Прощайте! — прошептал он.

Больше он ничего не говорил. Прошло еще около часа. Гибсон слегка потянулся, вздохнул и затих. Он умер.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПОХОРОНЫ ГИБСОНА. — ЗАБЛУДИЛСЯ В ПУСТЫНЕ. — ПРЕДСМЕРТНЫЕ СОВЕТЫ ГИБСОНА. — ВЫДЕРЖКИ ИЗ КНИГИ ЖИЛЯ. — ВСТРЕЧА ЖИЛЯ С ГИБСОНОМ. — ФОНТАН В ПУСТЫНЕ. — РЕШЕНИЕ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ ЖИЛЯ В ЛАГЕРЬ. — ВЕЩИ ГИБСОНА.

ТРУП ГИБСОНА не зарывали в землю. Его обложили различными листьями и травами и обмазали глиной. Затем его отнесли на вершину одиноко стоявшей скалы, где и поместили в небольшой пещерке.

Туземцы были убеждены, что бедняга не умер. Они думали, что он просто ушел от нас, вернулся

на свою родину, в «царство духов». Они были убеждены, что он снова вернется к нам в том или другом виде. А так как он был «хороший человек», то его возвращение не пугало туземцев, очень боявшихся покойников.

Я лично был несколько другого мнения о Гибсоне. Из разговоров с ним (когда к нему вернулся рассудок) я вывел заключение, что он был очень ограниченным, мало развитым человеком. Поэтому-то я и не придавал особенного значения всем его рассказам об экспедиции, участником которой он якобы являлся.

Сколько я помню, Гибсон говорил, что экспедиция, в которой он участвовал, должна была, покинув Аделаиду, пройти сухим путем через весь материк Австралии. Экспедиция была прекрасно снаряжена, и долгое время участники ее не испытывали никаких особенных лишений. Однажды двое из участников (Гибсон и его товарищ) далеко отъехали от лагеря и заблудились. Вскоре Гибсон как-то разошелся с своим спутником и остался один. Гибсон предполагал, что уже тогда его рассудок несколько помутился от жгучих лучей солнца. Он в первую же ночь не стал разыскивать стоянку, а преспокойно улегся под деревом и заснул. На следующее утро он, однако, довольно ясно сознал ужас своего положения. Весь день он скакал на лошади, все вперед и вперед, не думая о пище и

питье. Так он гнал лошадь до наступления темноты. По утру он с ужасом увидел, что лошадь отвязалась и ушла...

Что было дальше — Гибсон не помнил. Иногда ему смутно припоминалось, что он искал воды, что он куда-то брел. Сколько времени он блуждал по пустыне — этого он никак не мог сказать.

Слушая мой рассказ о том, что мне пришлось пережить за последние годы, Гибсон выказал искреннее сочувствие, а затем сказал мне, что если я когда-либо надумаю вернуться в общество подобных мне людей, то должен буду итти на юго-восток. Именно в этом направлении лежала Аделаида. Кроме того он сообщил мне, что главная телеграфная линия будет проведена поперек материка прямо с юга на север и что я мог бы придерживаться этого кратчайшего и самого верного пути.

Здесь я приведу несколько выдержек из книги Жиля «Австралия, дважды пройденная», в которой изложены самим главой экспедиции некоторые подробности о Гибсоне.

Жиль совершил всего до пяти экспедиций, с целью исследования страны, в центральную часть Южной Австралии и в Западную Австралию между 1872 и 1876 гг.

О своей второй экспедиции, участником которой был и Гибсон, Жиль пишет следующее:

«В конце января 1873 г. я прибыл в Аделаиду, где собрал своих товарищей, а в начале марта мы неспеша тронулись в путь, направляясь к Бельтана через Финис-Спрингс до Пика. Здесь нас встретили Багот на Каттль-Стешен (т. е. на станции для скота) и Блуд, член телеграфного департамента. Здесь мы оставили всю нашу поклажу и продали Баготу нашу повозку, а себе купили 20 вьючных и 4 верховых лошади.

«Здесь же ко мне подошел небольшого роста молодой человек и спросил, помню ли я его. Он сказал мне, что его зовут Альф. Лицо его показалось мне знакомым, но я не мог припомнить, где я его видел. Тогда он сообщил мне, что его имя Альф Гибсон и что он видел меня на северо-западном повороте реки Муррея. Он просил меня взять его с собой.

«— Хорошо! Я согласен, — ответил я ему. — Но скажите, умеете ли вы ездить верхом? Умеете ли ковать лошадей? Умеете ли вы голодать? Умеете ли вы терпеть жажду? Что вы скажете, если туземцы пожелают заколоть вас своими копьями?

«Он сказал мне, что знает и умеет все, а туземцев не боится.

«Конечно, этот Гибсон был не такого сорта человек, за которым я полез бы в болото, но люди были редки в то время. Лишний человек не помешал бы мне, а к тому же Гибсону так хотелось

отправиться с нами. Я согласился взять его с собой.

«Экспедиция наша теперь состояла из 4 человек — меня самого (Эрнеста Жиля), Вильяма Генри Тишкинс, Альфа Гибсона и Джемса Эндрюс, при 24 лошадях и 2 собаках.

«В конце апреля 1874 г. я и Гибсон направились к западу. Мы ехали верхами, а третья лошадь шла с нами под вьюками. Она была навьючена двумя мехами с водой (воды было около 90 литров). Едучи рядом с Гибсоном, я рассказывал ему о различных экспедициях, о постигшей их участи, в большинстве случаев довольно печальной.

«Затем мы поужинали копченой кониной. Было уже довольно поздно, и лошади наши нуждались в отдыхе, а главное — в питье. Особенно страдала от жажды вьючная лошадь, которая всю ночь бродила около нашего лагеря, всячески стараясь добраться до запасов воды. Один небольшой мех с водой мы повесили на дерево, и вот моя кобыла подошла к тому месту, где висел мех, и схватила мех зубами. Пробка выскочила, и вода, которой мы так дорожили, струей брызнула из меха...

«Гибсон начал теперь раскаиваться, что обменял иноходца на вьючную лошадь, с которой было трудно справляться, так как она была очень тугоуздая, а к тому же — грузная и ленивая.

Весь этот день дул знойный северный ветер, а на следующее утро, 23 апреля, в воздухе чувствовалась какая-то странная сырость.

«Следуя за мной в нескольких шагах, Гибсон вдруг крикнул мне, что его лошадь сейчас падет. Одна из наших лошадей пала еще раньше, так что вьюки были распределены по верховым лошадям. Рисковать второй лошадью было опасно. Поэтому я отказался от мысли добраться до цепи холмов, видневшихся километрах в 25—30 от нас, и повернул назад, следуя по нашему старому следу. Между тем лошадь Гибсона совершенно ослабла, она не могла уже нести своего седока, и мы вели ее в поводу. Она прошла еще с километр, затем повалилась и тут же издохла.

«Моей кобыле приходилось теперь везти седло Гибсона и весь его вьюк. Мы продолжали путь верхом и пешком, поочередно садясь на лошадь. Проделав около 30 миль обратного пути, я крикнул Гибсону, который был впереди меня, чтобы он остановился и подождал меня. К этому времени у нас оставалось совсем мало воды, и мы весь этот остаток поделили между собой.

«— Слушайте, Гибсон, — сказал я ему. — Вы видите, что мы в очень скверном положении. Ехать дальше может только один из нас. Я останусь здесь, а вы поезжайте. Но прежде хорошенько выслушайте и запомните, что я вам скажу.

Если наша кобыла не получит вскоре воды, то и она падет. Поезжайте все прямо. К вечеру вы доберетесь до воды. Напойте лошадь, наберите воды в меха и отправляйтесь дальше — за помощью. Оставьте на мою долю воды, сколько будет можно. Помните, я рассчитываю на вас — вы приведете мне помощь.

«Первого мая, как я узнал впоследствии, в час пополуночи, я прибрел в наш лагерь и с рассветом разбудил Тишкинса. Он так вытаращил глаза, как будто я был не живой человек, а выходец с «того света». Я спросил его, не видел ли он Гибсона, так как прошло уже около 8 суток с того дня, когда мы расстались с ним. Гибсона никто не видал. Мы отправились на поиски. 6 мая мы добрались до того места, где несчастный сбился с пути. Пока он шел по следу, проследить его было не трудно, но затем он почему-то покинул след и стал удаляться к югу, взбираясь и спускаясь по крутым песчаным холмам. Мы нашли остатки небольшого костра, который он разложил на том месте, где покинул наш старый конский след. Ошибся ли Гибсон или же он нарочно изменил направление — трудно решить, но, вместо того чтобы итти к востоку, как ему следовало, он пошел на юг.

«Я назвал эту местность, лежащую между Раулинсоновской грядой холмов и следующим водным пространством, которое должно было на-

ходиться где-нибудь дальше к северу, «Гибсоновской степью».

«Вернувшись в лагерь после этих неудачных поисков, мы разобрали кое-какие вещи Гибсона и нашли старую записную книжку, какую-то песню в честь «чарки и вина» и брачное свидетельство. Гибсон никогда не говорил мне о том, что он женат, и никто из нас не знал этого».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ. — ТАИНСТВЕННЫЙ СЛЕД. — МОЕ СОКРОВИЩЕ. — ОБУЧЕННЫЙ ПОПУГАЙ. — СТРАННОЕ ПРАЗДНЕСТВО. — Я В КАЧЕСТВЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ. — Я СТАЛ ЧЕРНОКОЖИМ

ПОСЛЕ СМЕРТИ и похорон Гибсона я решил переселиться подальше на север, в живописную горную местность под тропиками, миль на 200—300 к северу от озера. Я собирался поселиться там лишь временно. Переселяться далеко я не мог. Дело в том, что за эти два года, которые я провел на берегу озера, я сделался отцом. Моя жена Ямба родила двух детей — мальчика и девочку. Дети были еще слишком малы для того, чтобы я мог пуститься в далекое странствование.

На нашем пути к северу произошел такой случай. Однажды Ямба прибежала ко мне, буквально дрожа от ужаса, и сказала, что она набрела на след какого-то невиданного чудовища. Она привела меня к тому месту, где видела след,

и я тотчас же узнал его. Это был след верблюда. Не знаю почему, но я решил итти по этому следу. След был нечеткий, верблюд прошел здесь, может быть, месяц тому назад, а то и раньше. Догнать караван не было, конечно, ни малейшей надежды, но я рассуждал так: идя по следу, я могу найти какие-либо брошенные или потерянные предметы, которые могут оказаться мне полезными.

Как бы то ни было, а мы пошли по этому следу. Мы шли много недель подряд и подобрали множество пустых жестянок из-под консервов. Эти жестянки нам очень пригодились, они заменяли нам посуду.

Однажды мы набрели на номер иллюстрированного сиднейского журнала за 1875 или 1876 г. Это был полный номер, даже в обложке, и, как мне помнится, в этом номере был рисунок, изображавший какие-то скачки. Ямба к этому времени уже достаточно знала английский язык, а потому я стал читать вслух. Я не могу утверждать, что она понимала все. Но она видела, как я был заинтересован этой находкой и с каким увлечением читал журнал. Мое увлечение заразило и ее, и она была рада просидеть около меня хоть сутки, слушая мое чтение.

В связи с этой находкой я чуть было не заболел сильнейшим нервным расстройством. Дело в том, что когда я стал повнимательнее читать журнал, то прочел там очень странную фразу.

«Депутаты Эльзаса и Лотарингии отказались вотировать в германском рейхстаге».

Я ничего не знал о франко-прусской войне 1870 г. и об изменениях в карте Европы в результате этой войны. Такая фраза поразила меня до крайности. Я не верил своим глазам, перечитывал ее десятки раз и все больше и больше удивлялся тому, что читал.

— Что такое? — восклицал я, чуть ли не в сотый раз перечитывая фразу. — Как попали в германский рейхстаг депутаты Эльзаса и Лотарингии? Что они могли там делать?

Этот вопрос слишком волновал меня. Я бросил журнал на землю и пошел дальше.

Но это не помогло. Я продолжал обдумывать фразу. Вопрос казался мне до такой степени необъяснимым и непонятным, что я решил еще раз перечитать загадочную фразу. Я бегом вернулся назад, разыскал журнал, поднял его. Я ясно увидел те же самые слова.

Напрасно я подыскивал всевозможные объяснения загадочной фразы. В конце концов мне взбрело в голову, что я болен, что я читаю не то, что напечатано, что буквы не таковы в действительности, а другие. Я всячески старался выкинуть мысль об этой фразе из головы. Но она так и звучала у меня в ушах. Я чуть было не сошел с ума от всего этого.

Спасло меня от окончательного умопомеша-

тельства переселение в ту гористую страну, которую я выбрал себе для жительства. Это была прелестная местность. Находилась она чуть ли не в самом центре Австралии. Защищенная горами от ветров, эта местность обладала очень мягким климатом и богатейшей растительностью. Огромные папоротники высоко поднимались над землей, гигантские эвкалипты образовывали густые леса, перевитые лианами и разнообразными ползучками.

В долинке я построил себе хижину таких размеров, о каких туземцы и представления не имели. Она имела 10 метров в длину, 8 метров в ширину и около 3 метров в вышину. Стены я увешал листьями папоротников, шкурами, копьями, щитами. На самом видном месте красовался меч пилы-рыбы — трофей моей победы над «злым духом озера». Никаких печей в моем доме не было, вся стряпня происходила на открытом воздухе.

Стены хижины я сделал из неотесанных бревен, все щели были замазаны глиной. Я сказал, что построил себе хижину. Это не совсем верно — строил ее не я, а Ямба и туземные женщины под моим присмотром и руководством. Такого рода труд считался здесь унизительным для мужчины и главы семьи. Я не мог рисковать уважением туземцев и поэтому-то ограничился ролью инструктора постройки. Сама хижина была, соб-

ственно, мне мало нужна, я строил ее так, больше для развлечения.

Прошло немного времени, как я поселился в этой долине, и я был избран вождем одного местного племени, в котором насчитывалось до пятисот мужчин (женщины в счет не шли). Я не отказался от этого громкого звания — ведь я не собирался вскоре покинуть эту местность.

Слава о моих подвигах разнеслась на много сотен километров вокруг. Каждое новолуние я устраивал у себя нечто вроде приема для приходивших ко мне, нередко очень издалека, туземцев. То племя, которое выбрало меня вождем, уже имело одного вождя. Но мое положение было исключительное, я пользовался значительно бо́льшим влиянием. Этим я был обязан моим подвигам и слухам о моих «колдовских» способностях. Я не только принимал участие во всех военных советах племени, но даже и в чужих племенах имел большое влияние.

Свое жилье я старался всячески украсить. Я даже сходил за несколько десятков километров с намерением добыть ростков виноградной лозы. Они прекрасно принялись у меня, но ягоды сохранили свой остро-кислый вкус, так что были мало съедобны.

Из гнезда я вынул почти оперившегося молодого попугая-какаду. Он был белый с большим желтым хохлом. Этого какаду я обучил кое-каким

простеньким фразам, вроде «с добрым утром», «как вы поживаете». Этот какаду был мне очень полезен. Я употреблял его в качестве приманки на охоте.

Я брал его с собой в лес, сажал на сучок, привязав, на всякий случай, ремешком за ножку. Своей неугомонной болтовней он привлекал своих сородичей. Те слетались со всех сторон, а я стрелял их из лука.

Я обзавелся вскоре целым зверинцем. Кроме какаду у меня жили и разнообразные маленькие попугайчики: зеленые волнистые попугайчики, прелестный хохлатый попугайчик — какаду-нимфа. Одно время у меня был даже полуручной кенгуру. Этот зверинец доставлял мне не мало хлопот, но в то же время он очень скрашивал мою жизнь.

За это время мне пришлось понаблюдать много различных туземных обрядов и празднеств. Помню один из них, особенно оригинальный.

Около времени наступления нового года справлялся большой праздник. На него собирались туземцы со всех окрестностей. Устраивались состязания в метании копий, в беге, в бросании бумеранга. Затевались грандиозные облавы на кенгуру и прочего зверя. Корреббори сменялись один другим. И вот, после целого ряда всяких торжеств, туземцы собирались на большой лужайке. Устраивался «великий корреббори», а

после него все усаживались, поджав под себя ноги, полукругом на траве. Впереди — старые и почетные воины, сзади них — молодые воины, потом просто молодежь, далее — женщины, а за ними и дети. В центре этого полукруга разводится огромный костер. Некоторое время все сидят молча. Затем начинают воспевать подвиги давно умерших прославленных воинов и героев. Монотонному пению отдельных воинов подтягивают все присутствующие. Пение сопровождается покачиванием голов и хлопаньем ладонями по бедрам.

Молодые воины встают и устраивают пляску. Чем дальше, тем громче становится пение, сильнее и сильнее раздается хлопанье ладоней. Пляшущие двигаются все быстрее и быстрее. Возбуждение все растет и растет. И вот — около костра появляются три-четыре старухи. Они очень стары и тощи, их кожа напоминает иссохший пергамент, жидкие волосы всклокочены, а глаза глубоко ушли в орбиты. На них нет никаких украшений, и они больше похожи на обтянутые кожей скелеты, чем на живых людей.

Старухи начинают кружиться вокруг костра. Затем они падают на землю, растягиваются... Мгновенно наступает гробовая тишина — пляски, пение прекращаются. И вот тогда-то старухи начинают завывать глухими голосами, называя имена убитых воинов...

Немного спустя все это начиналось снова. Таких «сеансов» устраивалось несколько. Этот обряд являлся последним. На другой день все собравшиеся расходились по домам.

Старухи, которые являлись обязательными и главнейшими участницами этого обряда, пользовались у туземцев репутацией «колдуний». Они жили совершенно особняком, в пещерах, и только изредка принимали участие в общих делах племени. Собственно «колдовского» в них было мало, но туземцы их чрезвычайно боялись и относились к ним с большим уважением. Они считали их прямо-таки всемогущими. Я не очень-то старался разуверить в этом туземцев, ведь и я-то сам пользовался у них репутацией «колдуна». И это-то и давало мне все те преимущества, без которых я вряд ли смог бы прожить и год среди этих диких племен.

Теперь скажу несколько слов о моих детях. Они были большим утешением и отрадой в моей жизни. Конечно они были полукровные, метисы, в них было многое от матери-туземки. От меня они унаследовали, прежде всего, форму рук и ног. Я воспитывал их не на туземный лад, а на европейский, понятно, насколько это было возможно в моих условиях жизни. Я обучил их английскому языку. Этот язык был больше в ходу в Австралии, чем мой родной французский. Я часто рассказывал им о том, как живут люди

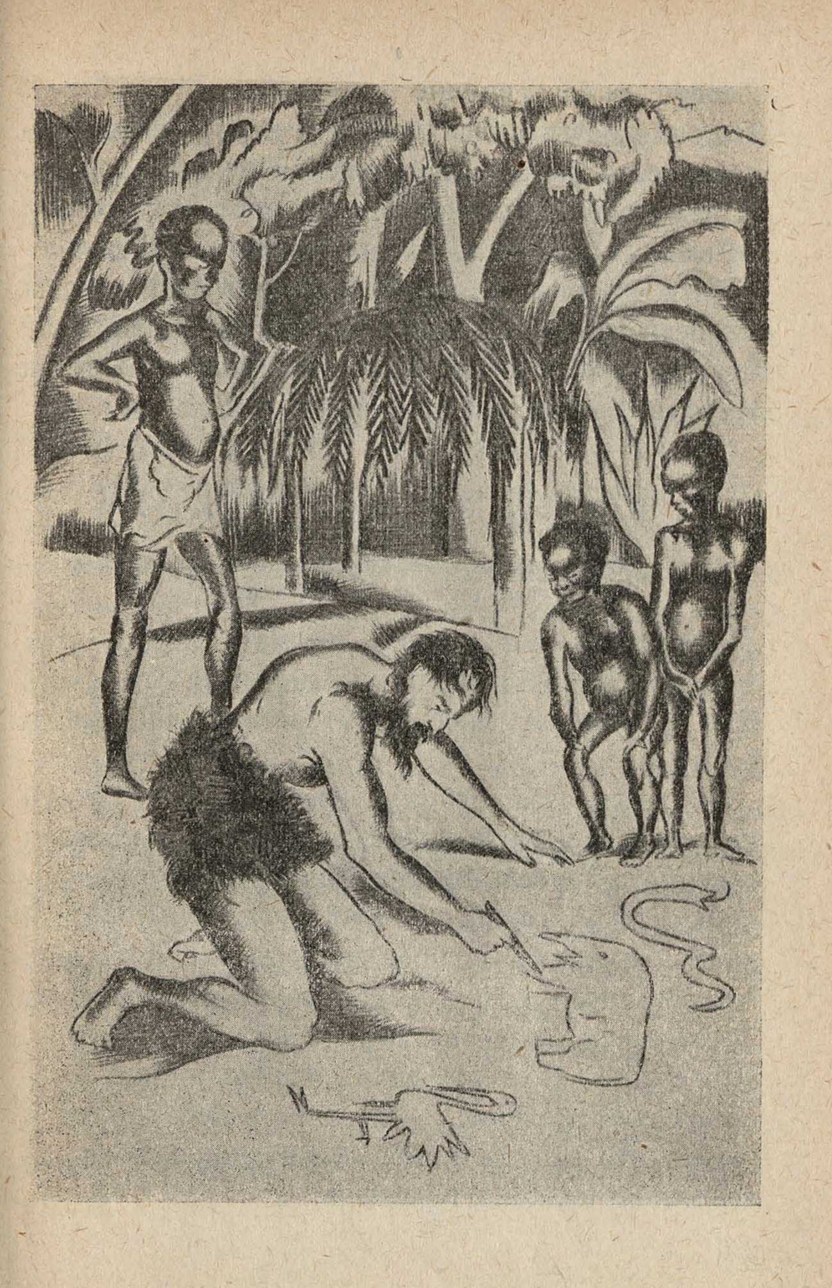
в других странах, рассказывал и о своей жизни в Европе. Я говорил им, что надеюсь когда-нибудь увезти их отсюда и показать им все, о чем рассказываю.

Часто я рисовал им палкой на песке изображения различных птиц и зверей. Такие рисунки вызывали восторг не только у моих детей и детей туземцев; взрослые — и те приходили в восхищение. Нарисовав какое-нибудь животное, я рассказывал о нем, что знал. Всегда я старался дать им сведения о пользе или вреде того или другого животного. Делал я это потому, что туземцев именно это и интересовало. Они постоянно спрашивали, видя новое изображение: «Его едят?»

Мои дети умерли впоследствии, мальчик и девочка, один за другим (в 1891 и 1892 гг.).

К этому времени я по внешности уже мало чем отличался от туземца. Помогало такому сходству прежде всего постоянное смазывание кожи смесью угля и жира. Это хорошо защищало кожу от укусов насекомых, а кроме того и от жары.

Когда я после смерти Гибсона поселился в этой прекрасной местности, то мне даже и в голову не приходило, что я проживу здесь много лет. Но по мере того как проходил год за годом, не только мысль, но даже и само желание вернуться в культурные страны меня покинуло.

Теперь я был вполне доволен своей участью. Не знаю, согласился ли бы я вернуться на родину, если бы за мной приехал целый караван, чтобы увезти меня отсюда вместе с женой и детьми. Я не раз имел за эти годы случай вернуться на родину, но всякий раз отказывался от него. Я чувствовал, что не в силах буду бросить свою семью. А разве смогла бы Ямба жить в Европе?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВЕЛИКАЯ ТЬМА. — ПОРОХ. — ЛЮБОПЫТНАЯ НАХОДКА. — ГОРЯЩИЙ ПЛОТ. — СРЕДИ ЗМЕЙ. — ОПАСНЫЙ ВРАГ.

ПРОЖИВ без малого двадцать лет в этой прекрасной гористой стране, я за это время был свидетелем многих интересных явлений и событий.

Однажды тьма объяла всю страну. Только на краю горизонта виднелась узенькая полоска огненного зарева. Воздух был пропитан тончайшим пеплом, садившимся на луга, горы, леса и холмы в таком количестве, что он покрывал густым слоем всю растительность и затягивал поверхность воды в озерах, ямах и болотах. Я сразу понял, в чем дело. Это было чисто вулканическое явление. Уже много лет спустя я узнал, что это были отголоски знаменитого извержения вулкана Кракатоа.

Такие явления, как описанное, повергали туземцев в неописуемый ужас. Они были убеждены в том, что это особое наказание, проявление гнева «духов» и т. п. Я пытался рассказать им о вулканах, но ничего-то они не поняли. Так они и остались при своем мнении.

Другим явлением, также сильно напугавшим туземцев, было солнечное затмение. Никогда мне не приходилось видеть такого ужаса, как при этом случае. Вдруг, среди яркого полдня, наступила мрачная ночь. Туземцы перепугались, они жались ко мне, словно я мог их защитить от этого неведомого врага. Затмение продолжалось долго. Туземцы решили, что наступила ночь, и понемножку разбрелись по своим шалашам. Но страх сказался и тут — обычного вечернего пения не было.

Мне очень хотелось показать туземцам что-нибудь позанятнее. Порох был бы очень подходящ для этой цели. Все необходимое у меня было под руками — селитра, сера, уголь. Я пробовал делать смесь в самых разнообразных пропорциях, но получал такой плохой порох, что он не взрывался, а только вспыхивал. Я долго старался, но так ничего и не добился. Порох был мне нужен не только для «демонстрации», я хотел воспользоваться им для добывания кое-каких нужных мне камней и минералов.

Хорошего пороха я так и не изготовил. Но мой порох хорошо вспыхивал. Эти вспышки очень интересовали туземцев. Они никак не могли понять — откуда брался огонь, почему горит «земля» там, где я трону горящей лучинкой. Конечно, все это было отнесено, как и всегда, на счет моих «колдовских» способностей.

Очень хотелось мне поразить туземцев видом льда. О льде-то они уж никакого представления не имели. В окрестностях была одна очень холодная пещера, и в ней студеный ключ. Я набрал воды в несколько мехов, положил их в самом холодном месте пещеры и засыпал селитрой. Опыт, однако, не удался, вода не замерзла.

Как-то я совершал небольшую прогулку в окрестностях наших гор. Случайно я заметил небольшой ручеек какой-то зеленоватой жидкости, струившейся из каменистого грунта. На воду эта жидкость не была похожа. Оказалось, что это нефть. Наполнив нефтью кенгуровый мех (времени на это потребовалось немало — нефть чуть просачивалась из почвы), я отправился домой. Дорогой я долго раздумывал о том, какую пользу я могу извлечь из этой находки.

Придя домой, я никому ничего не сказал. Из древесных сучьев я соорудил небольшой плот, предварительно сильно пропитав весь материал нефтью. Кроме того я поместил на плоту большой кожаный резервуар с нефтью, замаскировав его

листьями и ветками. Покончив со всем этим, я спустил плот на воду нашего озерка.

Все было готово. Я послал известить все соседние племена, чтобы они приходили поглядеть, как я «зажгу воду в озере». В те времена я пользовался громкой славой и известностью среди туземцев. Они не замедлили явиться на мой зов.

Под вечер, когда уже стемнело, на берегу озерка собралась большая толпа туземцев. Я зажег свой маленький плот, поднял на нем небольшой лодочный парус и оттолкнул его от берега.

Плот очень глубоко сидел в воде. Когда он медленно плыл, окутанный дымом и пламенем, то действительно казалось, что горит вода. Туземцы были поражены. Они стояли молча, затаив дыхание, и смотрели на «чудо» до тех пор, пока не догорела нефть и не погас огонь. После этого они поспешили по домам — рассказать о новом «чуде» белого человека.

Громкая слава о моих «великих делах» возбудила зависть и недовольство среди многих туземных кудесников и чародеев. Очень был озлоблен и колдун нашего племени. Он утратил всякий авторитет, как только я поселился здесь: он не мог делать таких «чудес», как я. И вот он начал распускать всякие слухи. Он говорил, что я не «колдун», что я просто ловкий обманщик, что все мои «чудеса» вовсе не чудеса, а

самые обычные вещи. Он ни разу не упускал случая осмеять мои поступки и вообще всячески старался подорвать мой авторитет и мое влияние среди туземцев. Время шло, и вот я начал замечать тревожные признаки. Очевидно, агитация местного колдуна давала кое-какие результаты. Мне необходимо было победить своего врага. Я должен был показать «чудо», которое затмило бы все предшествующее. Мало того новое «чудо» должно было быть таким, чтобы местный колдун никак не смог повторить его (он пытался повторять кое-какие из более простых «чудес белого человека»). Мне нужно было сохранить свое влияние — ведь от этого зависела моя жизнь в этой стране.

Однажды я бродил вблизи нашего становища и размышлял о том, как бы мне победить чернокожего колдуна. И вдруг я натолкнулся на нечто такое, что сразу навело меня на блестящие мысли.

Я неожиданно очутился на краю своеобразного углубления почвы, напоминавшего по своей форме неглубокий бассейн. Внутри него было много больших камней, а на дне — заросли кустарника. Я тотчас же сообразил, что такое местечко — хороший приют для змей. Заметив место и запомнив дорогу к нему, я вернулся домой. Там я долго обдумывал все подробности того «чуда», которое я намеревался показать, чтобы

раз навсегда победить своего соперника-колдуна. Наконец план был готов.

Каждый день я приходил к этой яме. Из длинной палки я устроил приспособление для ловли змей. Это было нехитро. Я расщепил конец палки, в расщеп вставлялась распорка с привязанной к ней веревочкой. Я надвигал расщепленный конец на шею змеи, выдергивал распорку — расщеп зажимал змею, она была поймана. Ежедневно я ловил десятки змей. Я выламывал им ядовитые зубы. Это было нетрудно сделать с помощью моего ножа и пары кремневых наконечников. Таких змей я метил — делал им значок на голове — и пускал обратно в яму.

Я выломал ядовитые зубы почти у сотни больших «черных змей» — одних из самых ядовитых австралийских гадов. Многие из них умирали чуть ли не тут же: инструменты, которыми я делал «операцию», да и самый способ оперирования были слишком грубы. Наконец я решил, что все змеи обезврежены. Сколько я их ни ловил в этой яме, попадались только меченные.

На одном из больших корреббори я бросил вызов своему врагу. Вызов этот я вставил в песню, которые обычно пелись на корреббори. Я пел:

«Ты говоришь моему народу, что ты так же велик и могущественен, как я — великий белый человек. Так вот, я вызываю тебя перед ли-

цом всего народа и всех доблестных воинов на состязание. Попробуй сделать завтра то же самое, что сделаю я».

Я имел в виду как раз мою яму с обезвреженными змеями.

Вызов произвел огромное впечатление. Колдун, вызванный мной на состязание, не мог уклониться от вызова. Ведь вызов был сделан в присутствии всего племени. Он должен был согласиться на состязание. Спешные извещения были разосланы всем соседям.

На следующий день, около полудня, вокруг ямы со змеями собралась огромная толпа. Зрителей и свидетелей состязания было столько, что мне даже жутко стало.

Ради столь торжественного случая я был разрисован самыми яркими полосами. Я был похож скорее на зебру, чем на человека.

Не теряя ни минуты, я смело прыгнул в яму. Со мной были только палка и дудочка из тростника. Эту дудочку я сделал нарочно для приманки змей. Когда-то я читал о том, что змеи охотно ползут на звуки дудки. И вот я решил применить этот способ приманки змей на состязании.

Одна за другой начали выползать змеи. Я бросил вызывающий взгляд на своего соперника. Он до этого момента стоял спокойно и невозмутимо — он ведь не имел никакого представления о предстоявшем ему испытании.

Я принялся наигрывать веселенький мотивчик на своей дудочке, стараясь извлечь из нее все, что было можно (число тонов ее было очень невелико). Не прошло и пяти минут, как змеи так и поползли из щелей и нор. Они покачивали головами из стороны в сторону, взад и вперед. Они казались совершенно очарованными звуками свирели.

Высмотрев огромнейшую черную змею, с хорошо заметным значком на голове, я нагнулся и схватил ее руками. Я дал ей обвиться вокруг моей голой руки и принялся дразнить ее. Раздраженная змея несколько раз укусила меня. Из ранки выступило несколько капелек крови. Я хватал змею за змеей (конечно — только меченых) и давал им кусать меня. Змеи обвили мои руки, ноги, туловище. Я был весь покрыт гладкими и скользкими телами гадин. Они шипели и извивались. Они кусали меня. Вскоре вся кожа моя была покрыта каплями крови, маленькие кровяные ручейки стекали с моих ног и рук. Я ие ощущал особой боли: укусы напоминали уколы булавкой. Я знал, что выбранные мной змеи безвредны. Попадались в яме и змеи без отметки. Я следил за тем, чтобы они не могли добраться до меня. Их-то укус был бы очень опасен.

Чернокожие зрители громко кричали от возбуждения и восторга. Многие из них были явно

испуганы, некоторые со злобными упреками обращались к колдуну и обвиняли его в том, что причиной моей смерти будет он и никто другой. Ведь они хорошо знали — черная змея очень ядовита, укус ее почти всегда смертелен.

Выбрав удобный момент, я проворно выскочил из ямы и очутился лицом к лицу с помертвевшим от ужаса колдуном. Я предложил ему спуститься в яму. Чуть слышно он прошептал отказ.

Колдун признал себя побежденным, признал, что я — сильнее его, что я — более могущественный колдун. Дорого обошлась эта моя «победа» колдуну. Он утратил всякий престиж и был с позором изгнан из племени, как трус и обманщик. Моя слава возросла до небес.

Чернокожие тут же предложили мне звание главного колдуна и чародея. Я отклонил это предложение и назначил на эту почетную должность одного юношу, очень подходившего к этой роли. Следует указать, что туземцы питали суеверный страх к колдунам и никогда их не убивали. Мой соперник пользовался у них огромным влиянием, и не удайся мне мое предприятие, не сумей я так посрамить его перед всем племенем, он сумел бы добиться моего изгнания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ТЩЕТНАЯ НАДЕЖДА. — РАЗОЧАРОВАНИЕ. — ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЯМБЫ. — ПОЕДИНОК. — МЫ — ДРУЗЬЯ. — МОИ РАЗГОВОРЫ С ТУЗЕМЦАМИ.

ВСКОРЕ ПОСЛЕ этого события у меня еще раз явилась надежда вернуться к европейцам. До меня дошли слухи, что на севере, неподалеку от нашего становища, туземцы видели следы каких-то громадных, невиданных доселе животных. Не теряя времени, я с Ямбой отправился на розыски. Оказалось, что это — следы верблюдов. Ямба разобрала по следам, что верблюды шли одни. Я решил, что они принадлежали какой-нибудь экспедиции, погибшей в безводной пустыне, и теперь, одичав, бродят по пескам.

Я хотел разыскать этих верблюдов. Я рассчитывал, что сумею их поймать, приручить и на них отправиться на поиски колонистов, а то и прямо на юг, в Аделаиду. Размышляя обо всем этом, я вернулся в становище. Там я собрал небольшой отряд из самых смелых и смышленых туземцев и вместе с ними двинулся на розыски верблюдов.

После нескольких дней неотступного преследования, мы, наконец, настигли верблюдов. Их было четыре. Тесной кучкой, не отходя от своего вожака, они блуждали в пустыне. Они были совсем одичалые и казались очень злобными. Мы попытались разъединить их с вожаком, но

тот бросился на нас и, оскалив зубы, с яростью преследовал нас. Он был так разъярен, что мои спутники в ужасе разбежались кто куда.

Я один шел за верблюдами еще несколько дней. Я надеялся, что мне удастся загнать их в какой-нибудь овраг или лощину, а там я пугал бы их все время, не давая им ни есть, ни пить. Я рассчитывал, что, проморив их несколько дней голодом и жаждой, сумею овладеть ими. Верблюды шли от одного водоема к другому, шли с такой быстротой, что я едва поспевал за ними. Я уставал все больше и больше. В конце концов, измученный, я отказался от дальнейшего преследования.

С горьким сожалением проводил я их глазами, когда они скрывались за грядой песчаных холмов.

Вскоре после этого с Ямбой случилась очень большая неприятность. Этот случай показывал, как строго соблюдались туземцами границы их «владений», то есть тех пространств, на которых кочевало то или другое племя. В одну из моих отдаленных и продолжительных экскурсий мы (я и Ямба) зашли очень далеко от нашего становища. Мы шли более двух недель. И вот мы пришли во владения мало знакомого нам племени. Здесь не знали ни меня, ни, тем более, Ямбы.

В послеполуденное время, когда мы расположились на отдых, Ямба, по обыкновению, отпра-

вилась за корнями к ужину. Прошло всего с полчаса после ее ухода, как вдруг раздались ее громкие крики. Ямба звала меня на помощь. Я поспешил на выручку, направляясь по ее следам. Вскоре я увидел кучку туземцев, которые, обступив Ямбу, куда-то ее волокли. Ямба отбивалась от них и громко кричала. Я сразу понял, в чем дело. Ямба, не зная этой местности, забрела в поисках за кореньями на территорию чужого племени, нарушила этим неприкосновенность границы. Согласно обычаю, местные туземцы захватили ее и потащили к вождю.

Я подбежал к туземцам и стал с ними объясняться. Хотя я говорил с ними на их языке, они оказались очень неподатливы. Они ни за что не соглашались отпустить Ямбу. После долгих споров я добился только одного — мне разрешили сопровождать их до становища и переговорить с вождем. Становище было неподалеку, и мы скоро добрались до него. Вождь, как и следовало ожидать, оказался на стороне туземцев. Он заявил, что берет Ямбу себе. Напрасно я старался втолковать ему, что Ямба не нарочно, а исключительно по незнанию переступила границы его земель, что знай я о близком соседстве его народа, я пришел бы и провел с ними несколько дней. Я старался всячески дать понять вождю, что я — великая персона, что ссориться со мной опасно.

Не знаю, намеревался ли этот хитрый вождь подольше удержать нас при себе или у него были еще какие намерения, но он посматривал на меня свирепо и грозно, как бы решив настоять на своем. Он сказал, что закон прост и ясен: кто перешел границу без разрешения, тот берется в плен, становится собственностью вождя. Перейдена граница по незнанию или намеренно — безразлично. Это было сказано так решительно и спокойно, что я начал сильно беспокоиться за участь Ямбы.

Я решил отстоять Ямбу хотя бы ценой своей крови.

Приняв самый надменный вид, я заговорил с вождем. Я говорил так гордо и резко, что мой тон подействовал на вождя. Он как-то сразу припомнил, что в законе есть оговорка. Оговорка была такая: ближайшие родственники пленницы могут отвоевать ее обратно путем поединка с взявшим в плен виновницу. Это-то мне и было нужно. Я был уверен, что вождь выберет метание копий, а ведь с моим оружием он не был знаком.

Я не ошибся. Вождь выбрал прекраснейшее копье, а я достал из своего запаса три стрелы. Я потряс ими в воздухе, чтобы показать и вождю и всем зрителям, как малы мои «копья» по сравнению с копьем вождя. Воины громко захохотали при виде моего оружия. Вождь тоже

развеселился и с снисходительным презрением поглядывал на меня.

Отмерив расстояние в двадцать шагов, мы встали на свои места и приготовились к бою. Я сильно волновался — от исхода боя зависела участь Ямбы, той самой Ямбы, которой я был обязан своей жизнью. Но вид у меня был самый гордый и спокойный. Я уставился глазами в сухощавого, но мускулистого вождя и, не дрогнув, дал ему первому пустить в меня копья. Со свистом прожжужали они над моей головой Моя многолетняя практика дала мне возможность ловко уклониться от страшных ударов.

Едва я успел встать на свое место и принять надлежащую боевую позицию, как тотчас же натянул свой лук. Я пустил стрелу в вождя. Он, конечно, не мог уследить за ее полетом, не мог уклониться. Стрела вонзилась ему в мясистую часть бедра, как раз куда я метил. Раненый вождь подскочил на месте от неожиданности — больно-то ему вряд ли было. Воины никак не могли притти в себя от изумления. Кровь была пролита, поединок кончен. Ямбу тотчас же возвратили мне.

Может быть читателя заинтересует, почему туземцы вернули мне Ямбу. Ведь их было много, а я — один. Они могли бы и не исполнить своего обещания. Но дело-то в том, что туземцы были очень честны и всегда держали слово.

А кроме того сила и ловкость победителя всегда вызывала у них известное уважение к нему.

Как только раненый вождь немножко пришел в себя,— очень уж он был поражен случившимся,— он подошел ко мне и приветствовал меня. Стрела торчала у него из бедра, он не позаботился о том, чтоб ее вынуть. Мы быстро подружились с ним. На прощанье он дал мне такой внушительный конвой из воинов, словно я был человеком, оказавшим ему какие-то огромные услуги.

В разговорах с туземцами мне часто приходилось говорить с ними о других странах, других людях. Они ничего не знали. Я мог говорить с ними только о том, что было доступно их пониманию. То, чего они не могли понять, всегда вызывало у них не только недоверие, но и прямо-таки подозрения. Говоря о лошадях или овцах (а у меня в моем сиднейском журнале были рисунки скачек и овцеводных ферм), я говорил им, что лошадь употребляется на войне, а овца для еды. Это они понимали. А скажи я им, что лошадь можно запрягать, а овцу стричь для приготовления из ее шерсти ткани, они не поняли бы и не только не поверили бы мне, а приняли бы все это за насмешку.

Очень своеобразны были их представления об устройстве земли и вселенной вообще. Тут с ними нельзя было спорить, нельзя было пытаться

их разубеждать. Земля, по их мнению, была плоская, а небо поддерживалось над ней, наподобие крыши, жердями, расставленными по краям. Другими словами, земля и небо образовывали что-то вроде большого шалаша. Солнце было, конечно, центром всего, а Млечный путь, бледная лента которого хорошо была видна, являлся дорогой, по которой бродили души умерших.

Они не обоготворяли ни солнца, ни луны, ни звезд. «Злые духи» занимали большое место в их верованиях. Этим-то и пользовались колдуны, игравшие большую роль в жизни племени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ОБЛАВА НА КЕНГУРУ. — ХОРОШИЙ АППЕТИТ. — КАКАДУ. — ЛИРОХВОСТ.

Во время одного из посещений соседнего племени мне пришлось принять участие в грандиозной охоте. Была устроена облава на кенгуру.

Туземцы высмотрели небольшой отдельно стоящий лесок, в котором укрывалось около полусотни больших кенгуру. Было решено на совещании воинов устроить охоту.

Мужчины отправились к леску. Они быстро повырубили кустарник и молодые деревца, росшие по опушке. В глубь леска они не заходили и всячески старались не потревожить, не спугнуть спрятавшихся там животных. Из нарубленных

кустарников, веток и деревцев была устроена высокая загородка. Она не была особо прочной. Нужно было только, чтобы кенгуру не смог через нее перепрыгнуть.

Когда загородка была готова, сзади нее попрятались вооруженные копьями, палицами и дубинками охотники. Несколько человек вошли в лесок и начали пугать кенгуру.

Долгое время из леска никто не показывался. Очевидно кенгуру скрывались между деревьями. Но вот из леска выскочил один кенгуру. Это был старый самец. Он огромными прыжками несся к загородке. Допрыгав до нее, он с размаху налетел на сучья. Не успел он опомниться, как стоявший сзади загородки охотник ударил его дубинкой по голове. Кенгуру упал.

То тут, то там выскакивали кенгуру из леска. Они мчались, как угорелые, ничего не разбирая, прямо вперед и вперед. Они натыкались на загородку. Некоторые из них ломали себе при этом ноги. Я видел, как один кенгуру, ударившись о загородку, тут же свалился. Его левая задняя нога была сломана, и он корчился на земле, с силой дергая уцелевшей правой ногой.

Крик кругом стоял такой, что я чуть было не оглох. Изо всех сил голосили загонщики в леске. Громко кричали охотники, приветствуя криками удачные удары. Визжали женщины и

дети, принимавшие самое деятельное участие во всей этой суматохе.

Охота была очень удачна; было убито 46 кенгуру. Среди них было несколько самок с детенышами. Эти детеныши сидели в сумке на животе матери и даже и не пытались выскочить из нее. Наоборот, они прятались туда как можно глубже.

Вечером был устроен пир. Все ели доотвалу, ели столько, что трудно себе и представить, как велик был аппетит у туземцев и как объемисты и растяжимы были их желудки. Несколько человек, конечно, объелись и заболели. Но это мало отразилось на настроении других участников пира. Они ели с прежним аппетитом. Обычно питавшиеся чем придется, женщины хорошо пообедали в этот день. Правда, на их долю приходились больше ребра и другие мало мясистые части, но и это было хорошо. Воины же ели только бедра кенгуру — мясистые окорока были очень вкусны.

К концу пира почти ничего не осталось от всей этой горы мяса. Начался корреббори, в котором воспевались подвиги охотников. Особенно много похвал получил один молодой еще воин. Ему удалось убить 11 кенгуру. Его место было очень удачно, именно к его участку загородки и бежали кенгуру один за другим.

Я занимал почетное место на этом пиру. Мне подносили самые лакомые кусочки. Я не мог есть столько, сколько ели туземцы. Но я не отказывался от кусков. Я немножко откусывал от них, а потом бросал их за спину. Там они быстро подхватывались женщинами и детьми. Думаю, что ни от кого и никогда женщины не получали столько объедков, как от меня на этом пиру.

Через несколько дней после этого пира я вместе с несколькими туземцами отправился на охоту за какаду. Какаду было много в окрестных лесах. Стаи их сидели на деревьях и неистово орали по утрам и вечерам. Утром они летели на кормежку на соседний луг. Очень красив был вид стаи, когда птицы, высоко поднявшись в воздух, почти исчезали из глаз. Потом словно белые хлопья кружились: это стая опускалась.

В полуденное время, когда наевшиеся какаду сидят и отдыхают на деревьях, занимаясь перевариванием пищи, мы и отправились в лес. Мои спутники были вооружены бумерангами, каждый нес их чуть ли не по десятку. Со мной были мой лук и стрелы.

Стая какаду осторожна. К ней нужно подкрадываться. Ползком, от куста к кусту, ползли мы по лесной опушке, выглядывая стаю. Вот туземец заметил несколько птиц на дереве. Приглядевшись, мы увидели и еще и еще. Несколько

сотен какаду расселось на группе развесистых деревьев. Птицы сидели тихо, почти не шевелясь. Только изредка они перебирали перья клювами.

Мы поползли...

Когда мы добрались до этих деревьев, то сразу встали. Испуганные какаду с громким криком взлетели. Тут-то и началась охота. Один за другим метались бумеранги. Перепуганные птицы кружились в воздухе, бумеранги сбивали их с толку. Бумеранг летит по ломаной линии,— Это-то и смущало птиц. Я быстро выпускал стрелу за стрелой. Один за другим падали какаду. У одного было перебито крыло, у другого разбита голова...

Целый ворох красивых птиц собрали мы. Всего нам досталось их до сотни. Мясо какаду мы съели, а длинные перья крыльев и хвоста пошли на украшения. Я взял и себе несколько красивых перьев, употребив их на оперение стрел. Стрелы вышли прекрасные, перья придавали им замечательно красивый вид.

Заговорив о своих охотничьих приключениях, скажу и о моем знакомстве с птицей-лирохвостом. Не скажу, чтобы я остался доволен этим знакомством.

Блуждая по лесу, я услышал голос какой-то птицы. Голос этот был мне незнаком. Я пошел на него. Голос слышался то тут, то там. Я долго бродил по лесу. В конце концов я забрел в ме-

стечко, поросшее кустарником и невысокими колючими растениями. Здесь было много камней, овражков, ям. Перескакивая с камня на камень, перепрыгивая через ямы, я все спешил на голос.

Вот вдали, в кустах, мелькнула птица. Она была не маленькая. Я заметил и ее красивый большой хвост, имевший форму лиры. Я заторопился, прыгнул, не очень поглядев под ноги, и... провалился. Растения так затянули поверхность глубокой ямы, что я не заметил ее. Провалившись в яму, я сильно повредил себе ногу. Кожа от коленки до ступни была содрана.

Я едва выбрался из ямы. О преследовании лирохвоста нечего было и думать. Кое-как, отчаянно хромая, я добрался до дому. С неделю я едва мог ходить — так сильно я расшибся. Потом нога поджила, но память о лирохвосте сохранялась долго: долго не заживали следы тех глубоких царапин и ссадин, которые я получил, падая в каменистую яму.

Уже позже я узнал, что лирохвост частенько скрывается именно в таких местах, богатых ямами и камнями. Поэтому и преследовать его трудно, он всегда успевает скрыться от охотника.

Несколько лет спустя мне все же удалось подстеречь одного лирохвоста. Меткая стрела настигла его. Хвост этой птицы занял видное место на стене моего жилья. Он был очень красив.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

МИРАЖ. — ЗАСУХА. — Я РОЮ КОЛОДЕЦ. — ВСЕОБЩИЙ БЛАГОДЕТЕЛЬ. — ПОДВИГИ БРУНО. — БРУНО НЕ СТАЛО.

Я ДАВНО не говорил о своем верном спутнике — Бруно. Он все еще был жив и нередко играл немаловажную роль в моих приключениях. Он сильно состарился, и здешние туземцы давно уже не проявляли того страстного желания обладать им, которое так смущало меня когда-то давно на берегах залива, среди племени Ямбы.

Заговорив о Бруно, упомяну, кстати, об одном любопытном суеверии туземцев. Туземные женщины нередко выкармливали своей грудью щенят. Они были уверены, что щенок, выкормленный молоком женщины, будет особенно смышленой и толковой собакой.

Много любопытного видел я во время моих бродяжнических прогулок по окрестностям становища. Как сейчас помню я горькое разочарование, охватившее меня во время одной из таких прогулок. Мы медленно шли по низменной песчаной местности. И вдруг мне представилось, что там, вдали, передо мной расстилается беспредельная гладь океана. Я забыл о том, что до океана много сотен километров. Я бросился вперед, хотя Ямба и уверяла меня, что кроме песка ничего впереди нет и не может быть. Я не слушал ее и пробежал около километра. Только тогда

я окончательно убедился в том, что все это — мираж.

Помню и другую мою ошибку, она была много занятнее первой. Проходя по песчаным холмам и зарослям колючих трав, я увидел впереди большое стадо овец и баранов. Они паслись на зеленой ложбинке.

— Где овцы — там и люди! — воскликнул я и помчался вперед.

До стада овец оставалось всего с сотню шагов. И вдруг, словно по команде, сотни голов на длинных шеях поднялись над этим мнимым стадом. Это было, правда, стадо, но не овец, а эму. Гигантские страусоподобные птицы поднялись при моем приближении и пустились наутек. Мне оставалось только посмеяться над своей ошибкой...

Продолжительные засухи были очень обычным явлением в Центральной Австралии. Именно они-то и являлись главной причиной бродяжничества населявших ее туземных племен.

Самая ужасная засуха, продолжавшаяся без малого три года, случилась в бытность мою вождем племени. Даже озеро, на берегу которого я выстроил свою большую хижину и которое я считал неиссякаемым, и то пересохло до того, что я начал приходить в отчаяние.

В продолжение почти двух лет не выпало ни капли дождя. Нестерпимо знойное солнце

палило и жгло своими лучами. Только роса, выпадавшая по ночам, несколько смягчала сухость и знойность воздуха. Но эта роса, поддерживая кое-как рост растений, не могла наполнить ни искусственных, ни естественных водоемов — они пересохли.

Высохли болота, озерки и озера, исчезла вода из больших ям. Животные и птицы страдали от жажды, то и дело на равнинах можно было видеть умерших от жажды кенгуру и других двуутробок. Многие птицы поразлетелись, а те, что остались, были слабы и заметно изнурены. Они теперь мало боялись человека, а наоборот — жались к жилью, так как около жилья можно еще было кое-когда напиться.

Мое озеро пересыхало с каждым днем все больше и больше. Мне было ясно — нужно принять какие-то меры, а то племя, вождем которого я был, может сильно пострадать от засухи. Сами-то туземцы очень надеялись на меня. Они видели столько «чудес» белого человека, что были уверены — стоит мне только захотеть, и вода будет.

Со всех сторон приходили вести о пересохших водоемах и так называемых туземных колодцах. Мне пришлось предложить всем соседним племенам пользоваться водой из моего озерка, которое не нынче-завтра могло тоже пересохнуть.

Видя все возрастающую опасность, я решил начать рыть колодец. Я выбрал подходящее место у подножия крутой и обрывистой горы и принялся за работу. Я устроил грубое подобие подъемного ворота, кое-как вытесал лопату и сделал каменную кирку. Работал я вдвоем с Ямбой. Я рыл, а Ямба поднимала с помощью ворота бадейки с землей.

Наш труд был очень тяжел: нестерпимая жара, постоянная жажда, никакой помощи от туземцев — такую работу они считали для себя унижением. Работа подвигалась медленно. После того как я вырыл узкий колодец глубиной около 4 метров, я начал замечать несомненные признаки близости воды. Прошла еще неделя напряженного труда, и я наткнулся на родник.

В этот момент я почувствовал себя вознагражденным за все труды. К этому времени озеро пересохло. Нигде кругом воды не было. Наш маленький колодец был единственным источником воды на много миль кругом. Воды в нем было много. Ее хватало не только для людей, но и для животных и птиц.

В нескольких шагах от колодца я устроил длинный деревянный жолоб, который был постоянно полон водой. Этот жолоб был водопоем для всех животных окрестностей. Сюда приходили кенгуру, сюда приползали змеи, сюда слетались разнообразные попугаи, прибегали эму.

Около жолоба всегда была толчея, одни животные отгоняли и теснили других. Они не боялись человека — слишком сильна была их жажда. И я нередко пытался установить порядок, «очередь». Я отгонял тех, кто по моему мнению уже достаточно напился, заставлял их уступить место новым гостям. Отверстие колодца мне приходилось очень плотно прикрывать тяжелыми бревешками. Иначе туда нападало бы столько птиц и зверья, что вся вода была бы испорчена. Звери чуяли воду в колодце и постоянно пытались добраться и до нее, когда около жолоба было уж слишком тесно.

Заботился я о водопое для птиц и зверей не просто потому, что мне было их «жалко». Нет! Причины были другие. Кем и чем стали бы питаться все мы, если бы все зверье и все птицы передохли от засухи? Ведь мы жили охотой. Вот и нужно было позаботиться о сохранении в живых хотя бы того, что можно было сохранить.

Наиболее неприятными посетителями водопоя были змеи. Они нередко заползали в жолоб, свертывались в нем клубком и так и лежали, наслаждаясь, очевидно, купаньем. Я всегда узнавал об этом. Около жолоба начиналась суматоха, птицы поднимали крик, звери толпились около жолоба, но не пили. Тогда я приходил им на помощь. Длинными деревянными вилами я вытаскивал из жолоба виновницу переполоха. Не-

редко ею оказывалась огромная черная змея, метра в полтора длиной. Я без всякой жалости убивал этих ядовитых гадин.

Большим злом были в те времена и пожары. Горели высохшие на корню заросли кустарников, выгорали степи, горели целые леса. Нередко огонь свирепствовал на огромном пространстве, пожар охватывал десятки и десятки квадратных миль. Много всего живого гибло тогда в огне. Наше становище было защищено от огня — мы заранее выжгли кругом него большое пространство. Это оголенное пространство защищало нас от огня, но зато еще более усиливало наши мучения от зноя. Палящий ветер, знойные лучи солнца, сухость почвы, крайний недостаток влаги — все это делало нашу жизнь прямо-таки невыносимой.

Может быть, зной плохо подействовал на Бруно — он стал заметно слабеть. Впрочем уже давно, с самой смерти Гибсона, он был не тем, чем раньше. Но все же я еще продолжал пользоваться его удивительной смышленостью, столь поражавшей туземцев.

Одним из обычных фокусов было разыскивание Бруно какой-либо спрятанной мной вещи. Чаще всего я делал так. Спрячу что-нибудь: стрелу, нож или бумеранг, и пойду с Бруно и туземцами куда-нибудь. Отойдя за много сотен шагов от дома, я приказывал Бруно найти и

принести мне забытую вещь. Бруно тотчас же убегал домой и вскоре возвращался с найденной вещью. Туземцы всякий раз приходили в восторг от ума моей собаки.

Смышленность Бруно постоянно проявлялась и при встречах моих с каким-либо незнакомым племенем. Стоило только мне начать свои акробатические упражнения, как и Бруно начинал кувыркаться, ходить на задних лапах и так далее.

Во время прогулок по раскаленному песку Бруно сильно страдал. Песок жег ему ноги. Он начинал выть, поджимал то одну ногу, то другую. Однажды он так намучился, что мне стало ясно — он не сможет итти дальше. Чтобы собака не мучилась, я сделал из кожи кенгуру нечто вроде башмаков, которые и надел на лапы Бруно. Он скоро привык к своей обуви. И вот, когда мы отправлялись с ним на прогулку, он, дойдя до раскаленного песка, подбегал ко мне и, приподнимая то одну лапу, то другую, давал мне понять, что пора надеть ему его «башмаки».

За последнее время старость его стала заметно сказываться. Он становился тяжел на ноги и редко отправлялся со мной на охоту. Большую часть дня он проводил, лежа и подремывая. Он стал даже неохотно подниматься и подходить на мой зов или зов Ямбы.

И вот однажды я, войдя в мою хижину, увидал Бруно уже окоченевшим. Он лежал на шкуре

кенгуру, служившей ему подстилкой. Я очень горевал об этой собаке. Ведь вместе с ней прошло столько лет моей жизни среди туземцев. Мы были с Бруно на корабле, жили с ним на моем песчаном островке, странствовали по Австралии...

Я облепил Бруно глиной, обмотал древесной корой и похоронил его в одной из горных пещер. Я не хотел, чтобы дикие собаки учуяли его труп и добрались до него.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА С БЕЛЫМИ. — ДИКОВИННОЕ ЗРЕЛИЩЕ. — МОИ ДЕТИ. — ЯМБА СТАРЕЕТ. — ЕЩЕ ОДНА СВЯЗЬ ПОРВАНА. — УСИЛИЯ ЯМБЫ. — ЯМБА УМИРАЕТ.

Я УЖЕ НЕСКОЛЬКО раз говорил о своеобразном «телеграфе» туземцев — дымовых кострах. Вот этим-то путем до меня и дошли вести о том, что многочисленные группы белых людей появились на севере. Несколько дней спустя, во время одной из моих дальних экскурсий, я набрел на лагерь белых людей, очевидно — исследователей. Эта небольшая кучка не была единственной, она составляла часть целой группы таких маленьких отрядов. Не знаю, кто был больше удивлен встречей: я или они. Я провел с ними несколько дней, а затем вернулся в свое становище, к своему племени. Конечно, я мог бы остаться с ними, мог бы вместе с ними вернуться в куль-

турный мир, но я не захотел расставаться с Ямбой и детьми, а ведь это пришлось бы сделать.

Я повстречал эти отряды в местностях Кимберлея. Я давно уже знал, что в этих местах есть золотоносные руды и жилы, знал о богатых золотоносных песках. Отряды и занимались разыскиванием этих жил и песков. От них же я узнал, что Кимберлей был ближайшим культурным пунктом и что именно туда-то мне и следовало бы держать свой путь, если бы я надумал вернуться к белым.

Пробыв несколько дней среди единоплеменников, я вернулся к себе и зажил своей прежней жизнью.

Вскоре после этой встречи я открыл большие залежи горючего сланца. Я решил воспользоваться ими, чтобы показать туземцам на примере нечто вроде извержения вулкана.

С помощью Ямбы я соорудил громадную пирамиду из больших кусков сланца вперемежку с песчаником. Этот песчаник и другие камни я пустил в дело отчасти для того, чтобы скрыть от туземцев однообразие материала, послужившего для постройки пирамиды, а отчасти и по другим соображениям. Я знал, что камни, раскалившись, будут трескаться с большим шумом. Это должно было сделать картину и более страшной и более близкой к действительности.

Пирамида была около 3 метров высотой. На ее вершине было большое отверстие, а в боках по нескольку маленьких. Получилась хорошая тяга. Внутри пирамида была пустая. Я заполнил ее большим количеством сухой травы, веток и сухого дерева.

Постройка пирамиды заняла у меня много времени. Когда она была окончена, то до новолуния оставалось всего несколько дней. Я заранее разослал приглашения соседним племенам, так что на мой обычный прием в дни новолуния собралось очень много народа.

К назначенному времени собралась большая толпа туземцев. Всем хотелось посмотреть, как будут гореть «камни».

И вот, когда стемнело, я подошел к пирамиде. Сбоку был ход внутрь ее. Я, незамеченный, пробрался туда и начал действовать кремнем. Вскоре трава загорелась. Я вылез и смешался с толпой.

Густые облака дыма повалили от пирамиды. Затем вспыхнуло яркое пламя. Прошло несколько минут — сланец разгорелся, и теперь вся пирамида превратилась в огнедышащее жерло. С громким треском лопался песчаник, раскаленные осколки рассыпались в стороны, иногда взлетали кверху.

Туземцы перепугались. Многие из них даже растянулись на земле от страха. Пирамида го-

рела и извергала пламя много часов. И все эти часы толпа туземцев теснилась на приличном расстоянии от нее, смотрела на огонь, ужасалась и громко удивлялась новому «чуду» белого колдуна.

Я не могу рассказать всего, что случилось со мной за эти годы,— это заняло бы слишком много места. Скажу поэтому несколько слов о моих детях. Они были очень слабого здоровья, и это постоянно беспокоило меня. Я сознавал, что им не дожить не только до зрелого, но и до юношеского возраста, их ждала преждевременная смерть. Меня очень угнетало это, я нередко ловил себя на мыслях: а что я буду делать, когда их не станет?

К тому же и Ямба начала заметно слабеть. Ведь она была очень немолода. Когда я встретил ее на моем песчаном островке, то и тогда ей было уже около тридцати лет, то есть, по местным понятиям, она и тогда была почти старухой.

Как я ни готовился к удару — потере детей, тем не менее меня очень поразила смерть сына. Он умер без видимых признаков болезни. Я помню, как в последние дни своей жизни он говорил мне, как угнетало его то, что он не мог состязаться в ловкости с другими мальчиками, как угнетала его слабость. И правда, не будь он моим сыном (сыном столь важной персоны!) плохо пришлось бы ему. Его презирали бы за эту слабость,

на него смотрели бы как на женщину, а что могло быть хуже этого?

Несколько недель спустя заболела моя дочь. Она была так слаба, что не могла бороться с болезнью и через несколько дней умерла.

И это было еще не все.

У Ямбы давно уже появились различные болезни — спутницы старости. Я видел, как покидали ее прежняя бодрость духа и живая сообразительность, как ум начал изменять ей, как исчезла ее изумительная выносливость. Теперь она не могла уже сопровождать меня в дальние прогулки. Ее кожа сильно сморщилась, волосы лезли.

На меня начало нападать сильное уныние. Я часто неделями сидел дома. Без моей постоянной спутницы мне не хотелось бродить по окрестностям. Я тешил себя одно время надеждой, что Ямба только временно ослабла, что она еще поправится. Напрасно! Она все слабела и слабела. Мы оба видели, что конец близок, но никогда не говорили о нем.

Когда Ямба чувствовала себя немного лучше, она пыталась пойти побродить со мной. Но пройдя час-другой, она так слабела, что у нее едва хватало сил, чтобы кое-как доплестись до дому.

Иногда она начинала разговаривать со мной о том, как я должен итти, чтобы добраться до «своего племени». Она учила меня разыскивать

воду, коренья, давала всевозможные советы и наставления.

Только за четыре дня до смерти Ямба улеглась, до этого она все же кое-как передвигалась около хижины. Прошли эти четыре дня, и она умерла. Не буду говорить о том, что было со мной...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

МОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ. — ЗОЛОТО. — Я ИЩУ БРЮКИ И РУБАШКУ. — ЛЮБОПЫТНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ. — ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС. — ФРАНЦУЗСКИЙ КОНСУЛ. — НА РОДИНУ.

Никаких слов не хватит, чтобы описать мое отчаяние. Вероятно человек, которому отрезали руки и ноги и оставили только одно туловище, чувствовал бы себя лучше, чем я. Я желал только одного — смерти. Я просил даже туземцев убить меня.

Жалобный вой туземных женщин доводил меня до исступления. Необходимо было скорее уходить отсюда, пускаться в дальний путь, иначе я мог сойти с ума от всего этого.

Я заявил туземцам, что ухожу. Они долго уговаривали меня остаться. Ведь я был могущественный «колдун», потерять которого племени было не так-то уж приятно. Я стоял на своем. Тогда туземцы дали мне отряд, человек в сорок, который должен был провожать меня.

Я роздал свое имущество туземцам. Дележка

эта сопровождалась множеством ссор и даже драк. Всякому хотелось получить что-нибудь от «колдуна» — ведь его вещи должны были обладать особой чародейской силой. Себе я оставил только свое оружие.

Через несколько дней мы выступили. На мне был надет только небольшой передничек из шкуры эму, на ремешке висел мой нож, а за спиной — лук и стрелы.

Однажды, когда мы расположились на отдых около большой скалы, я от нечего делать начал машинально обкалывать каменным топориком скалу. Вдруг кусок камня отскочил, сверкнула ярко-желтая блестящая полоска. Я вскочил на ноги от удивления. Передо мной была богатейшая золотоносная жила. Золото лежало такими большими кусками, что если бы его извлечь, то и два человека вряд ли смогли бы донести его.

Проходила неделя за неделей, мы шли и шли к югу. С течением времени мои спутники один за другим начали покидать меня. Они боялись заходить так далеко от своего становища. Вскоре я остался один. Но это меня мало смущало. Я уже достаточно был знаком с местными племенами и, переходя от одного племени к другому, продолжал передвигаться к югу. Прошел месяц, я добрался до опаленных деревьев, о которых мне когда-то говорила Ямба. Здесь нужно было повернуть и итти на запад.

За время пути со мной не случилось ничего такого, о чем стоило бы рассказывать. Я держался намеченного мной пути в продолжение восьми или девяти месяцев. Передвигался вперед я неспеша — я был уже немолод и не мог итти помногу часов под ряд не утомляясь, как ходил когда-то раньше.

На моем пути начали встречаться признаки близкого соседства с белыми: ржавые жестянки из-под консервов, обрывки бумаги и газет, клочки одежды.

И вот как-то около полудня я завидел на расстоянии нескольких сотен шагов впереди лагерь белых людей — холщевые палатки. Странно сказать, но вид этих палаток не особенно взволновал меня, я ведь встречал уже золотоискателей в местности Кимберлея, а кроме того — я со дня на день ждал этой встречи.

Я бродил вокруг лагеря золотоискателей и вдруг почувствовал, что мне как-то неловко — я стеснялся своей наготы. Мне не хотелось явиться в лагерь в одном передничке. Наученный горьким опытом, я знал, насколько осторожным нужно быть, когда приближаешься в этих диких местах к белым. Я ушел от лагеря и спрятался в зарослях кустов.

Когда настала ночь, я пополз к лагерю. Мне удалось высмотреть штаны и рубашку, повешенные около палатки, как видно, для просушки.

Я подкрался и стащил их. Теперь у меня была одежда, меня не приняли бы за туземца. Но как мог я притти в лагерь одетый в украденные в нем штаны и рубашку? Этого нельзя было сделать. И вот я решил итти и искать другой лагерь. Я был уверен, что этот лагерь не единственный, что где-нибудь по соседству я найду и другой.

И правда — через день-другой я наткнулся на новый лагерь. Прежде чем подойти к нему, я соскреб с себя ту глину, которой было обмазано мое тело, бросил свой лук и стрелы, вообще постарался придать себе более «обычный» вид. Затем я смело направился к лагерю.

Человек пять-шесть сильно загорелых англичан сидело у костра. Заметив меня, они вздрогнули от неожиданности, а затем громко расхохотались. Они приняли меня за одного из сопровождавших их туземцев и решили, что он, одевшись в платье белых, вздумал подшутить над ними. Очутившись в нескольких шагах от них, я воскликнул на английском языке:

— Алло! Не найдется ли у вас, приятели, местечка и для меня?

Все они были так поражены этой неожиданностью, что не могли даже ответить сразу на мое приветствие.

— О, да! Садитесь с нами, — проговорил немного спустя один из них.

Я присел к костру. Тотчас же начались расспросы.

— Вы были на разведке?— спросил один из них.

— Да,— ответил я. — Я был долго в отсутствии.

— А где же ваши товарищи?

— У меня не было товарищей. Я странствовал один.

Они переглянулись, подмигнули друг другу и начали недоверчиво улыбаться. Затем один из них начал расспрашивать меня, не находил ли я золота.

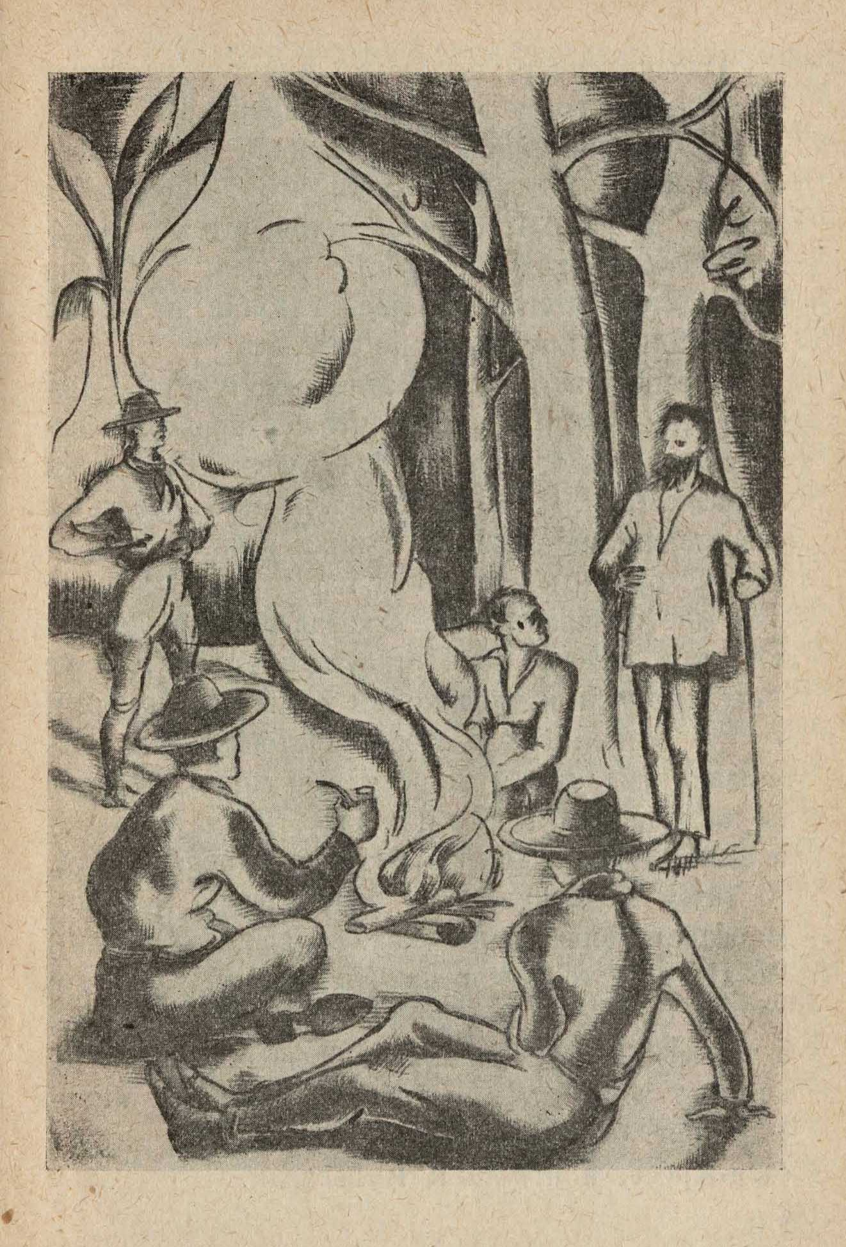
— Сколько хотите, — ответил я. — Золота здесь очень много.

— А с вами есть оно? Далеко ли вы заходили в пустыню?

На это я сказал, что я долго бродил по Центральной Австралии, но носить с собой золотой песок или самородки я никак не мог: у меня не хватило бы сил таскать с собой такие тяжести. Такого рода слова только усилили их веселость. Наибольших размеров она достигла после моего вопроса:

— А который теперь год?

Вместо ответа один из них злобно сострил, а его остроту весело приветствовали все остальные. Я начинал думать, что если цивилизация готовила мне такой прием, то лучше было бы мне остаться с моими туземцами.

Однако спустя несколько минут обхождение этих людей со мной заметно изменилось. Было ясно, что они принимали меня за безобидного полоумного, который только что выбрался из глухих дебрей. Я убедился в том, что мое предположение правильно, когда увидел, как один из золотоискателей, показав глазами на меня, потрогал себя пальцем по лбу.

Я решил не говорить этим людям о себе ничего, так как был уверен, что чем больше я им расскажу, тем больше они будут убеждены в моем сумасшествии. Они предложили мне поесть и советовали мне провести с ними ночь. Я отклонил их предложение, но от пары брюк, которые они мне подарили, не отказался. Они давали мне еще сапоги, но я отказался от них. Я не знал, смогу ли я, столько лет ходивший босиком, ходить в них. После этого золотоискатели рассказали мне, что я встречу еще много отрядов по направлению к югу и западу. Тогда я попрощался с ними и ушел в лес, где и переночевал.

Затем я двинулся по направлению к Моун-Маргарет (дорогу мне указали золотоискатели). По дороге я то и дело находил кирки, лопаты и другие предметы, потерянные золотоискателями, а то, может быть, и просто брошенные ими. Я не стал заходить в небольшой городок Моун-Маргарет, а миновал его и пошел дальше к Суссерн-Кросс, а оттуда к Кульгарди.

Побродив полдня в этом городе, я направился в Перт, большой город в Западной Австралии. Там мне сказали, что для меня всего лучше будет отправиться в Мельбурн, так как там я всего легче найду судно, которое сможет доставить меня в Европу. Я не обращал уже на себя особого внимания — одетый в рубашку и штаны, загорелый, обросший, я мало чем отличался от бродивших тут и там золотоискателей, во множестве съезжавшихся в эти места.

В Мельбурне у меня произошел забавный разговор с французским консулом. Я обратился к нему на отвратительном французском языке: — Я был француз, но за эти годы я совсем разучился говорить по-французски. С моими англичанками я говорил по-английски, Ямбу также обучил английскому языку. Я сказал ему, что я — французский подданный и желал бы вернуться на родину. Мне было очень трудно говорить по-французски — не хватало слов. Тогда я перешел на английский язык. Консул терпеливо ждал, пока я кончу, и глядел на меня очень подозрительно.

— Вы требуете, чтобы я вам доставил возможность вернуться на родину на том основании, что вы — француз? — спросил он меня.

— Да, именно так, — ответил я по-английски.

— Прекрасно, — холодно продолжал он, отворачиваясь от меня. — Но вот что я вам посо-

ветую: когда вы станете уверять еще кого-нибудь в том, что вы — француз, не говорите по-английски. Вы на этом языке говорите гораздо лучше меня.

Я попытался разъяснить консулу свою историю, рассказал ему о кораблекрушении, но когда сообщил ему, когда это случилось, он засмеялся. Я ушел от него, ничего не добившись.

Побродив несколько дней по городу и питаясь подачками, я отправился в Сидней, а оттуда в Брисбан.

В мае 1897 года я очутился в Виллингтоне, в Новой Зеландии, где, как мне сказали, я мог найти прекрасный случай отплыть в Англию. И действительно, вскоре я отбыл на судне Ново-зеландской компании пароходства.

В марте 1898 года я прибыл в Лондон.

ГИЗ

